

Тетради по консерватизму

[№ 2 [2] 2014*]

Форум «Бердяевские чтения»
16 мая 2014 года

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

ДЪМАНАХ

[АВГУСТ 2014 Г.]

Форум «Бердяевские чтения»

К 140-летию
Николая Александровича Бердяева

{ 16 мая 2014 г. }

Доклады и статьи

Цетраци

по консерватизму

[№ 2 [2] 2014 г.]

Москва
Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2014

УДК 342.022
ББК 66.2(2Рос)
Т 37

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Главный редактор
А.Л. Чечевичников

Т 37 **Тетради по консерватизму:** Альманах Фонда ИСЭПИ: № 2 (2): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статьи. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. – 127 с.

ISBN 978-5-7646-0128-1

В очередном номере альманаха «Тетради по консерватизму» публикуются материалы Форума «Бердяевские чтения», проведенного Фондом ИСЭПИ по случаю 140-летия Николая Александровича Бердяева.

УДК 342.022
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-7646-0128-1

© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014

А.Ю. Зудин
Очерки идеологии развития
7

Доклад портала “Terra America”
Современный консерватизм на Западе
19

Б.И. Макаренко
Консерватизм, его партнеры и оппоненты:
конфликт как шанс на развитие
67

О.А. Матвейчев
Классификация видов консерватизма. Новая версия
74

Д.А. Юрьев
От Заката до Восхода
81

Доклад Института национальной стратегии
Консерватизм как фактор мягкой силы России
93

Об авторах
126

Очерки идеологии развития

Внутри современного мира

В мировом развитии происходит перелом. Тенденции, направлявшие развитие человечества несколько сотен лет, а некоторые – на протяжении всего последнего тысячелетия, замедляются или обращаются вспять. Привычные системы координат, помогавшие оценивать перемены, утрачивают свой смысл. В исторических центрах модернизации Запада индустриальное общество уходит в прошлое, замещаясь постиндустриализмом, «экономикой услуг» и «обществом знаний». На памяти предыдущего поколения утратило былое значение противопоставление промышленности сельскому хозяйству, науки – производству, города – деревне. Началось и принципиальное изменение отношений между человеком и природой. Ранее расширение пространства свободного действия постоянно увеличивало дистанцию, отделявшую человека от мира природы. К настоящему времени противопоставление человека природе утрачивает былую обоснованность, становятся все более очевидными способность человека вызывать глубокие изменения окружающей среды и его природная обусловленность.

Нынешнее поколение становится свидетелем новых перемен – но в том же направлении. Глобализация финансовых, информационных, товарных и миграционных потоков связала в единое целое самые отдаленные уголки современного мира. Понятия «центр» и «периферия» обрели подвижность и утратили жесткую пространственную локализацию. Чуткие к малейшим колебаниям финансовые рынки, став глобальными, потребовали нового укрепления государства. Универсалистские ценности способствуют стандартизации жизни в общемировом

масштабе – и порождают новый запрос на различия и уникальность. По мере продвижения к новым горизонтам познания, расширения присутствия науки и технологии в повседневности, рационализация жизни, похоже, достигает своих естественных пределов. На новой основе начинают утрачивать определенность границы, отделяющие сознание и тело человека от живой и неживой природы. Противопоставление науки и религии теряет прежние основания: все более настоятельным становится признание взаимной связи и взаимодополняемости знания и веры. Становится бессмысленным и привычное противопоставление «устоев» и новизны, все более явственна неразрывная связь традиций и творчества.

Расширение границ мира, созданного человеком, завершилось. Отныне все пространство жизни стало рукотворным. На Земле построен мир, замкнутый на человеке. Выход из мира природы, неподвижных и самоочевидных традиций завершен. Сохранение и развитие рукотворного мира перешло в полную зависимость от человека. Сосредоточение в руках человека постоянно возрастающего могущества расширяет пространство возможностей, но вместе с ними – и зону потенциальных рисков, с которыми все больше сопряжена жизнь рукотворного мира. Неустрашимая часть мира, созданного человеком, – неопределенность, непредвиденные последствия человеческих действий и расширенное пространство риска. Одна из центральных опасностей – «пагубная самонадеянность»: искушение собственной силой и текущими возможностями своего разума. Помимо множества «людей-творцов», рукотворный

мир населяют силы, которые были вызваны к жизни действиями человека, но не контролируются им. В списке глобальных угроз прочное место заняли опасность ядерной войны, техногенной и экологической катастроф, распада или фрагментации исторически сложившихся государств. Став рукотворно сложным, мир подошел к опасной границе, за которой неизбежно возникают состояния хаоса.

Ни родовое будущее человечества, ни коллективное будущее больших, исторически сложившихся сообществ («наций») отныне не гарантированы. Теперь и будущее человеческого рода, и будущее конкретных наций нужно постоянно завоевывать. Воспроизводство «предельных» основ человеческого существования перестало быть «естественным» и самопроизвольным, теперь им требуется постоянное и целенаправленное воссоздание. В постоянно расширяющемся пространстве новых возможностей и рисков настоящей задачей становится поддержание динамичного социального порядка. Представления о развитии и представления об «устоях» нуждаются в принципиальном, масштабном, глубоком переопределении. В исторических центрах модернизации происходит размывание, внутреннее опустошение старых оппозиций, привычные противопоставления утрачивают свой смысл. Новая эпоха человеческой цивилизации все больше требует новой системы ценностей.

Путь в современность питался противоборством двух основных исторических идеологий – либерализма и консерватизма. (Левые идеологии стали одним из ранних, но радикальных, вариантов их синтеза.) История современности показала, что консервативные ценности оказались неустранимы из развития общества и государства. Первоначально консерватизм отличался идеологической неконсолидированностью, высокой зависимостью от контекста: конфигурация консервативных ценностей, их взаимоотношения с ценностями либеральными во многом определялись особенностями конкретных ситуаций в отдельных странах. Традиционные ценности участвовали в строительстве современности преимущественно пассивно, помимо собственного желания. «Старый» консер-

ватизм не был устойчивой идеологией, скорее он был политической практикой, которую отличало согласие на второстепенные изменения, которые разрешались и проводились в виде исключения. Носителями традиционно-консервативных настроений выступали социальные группы, удовлетворенные своим местом в общественном порядке, и немногочисленные интеллектуалы, испытывавшие беспокойство и страх перед переменами. «Старый» консерватизм заслужил репутацию политики «торможения перемен».

Со временем место консерватизма в историческом развитии начинает меняться. Все чаще возникают различные варианты синтеза традиционных и новых ценностей, которые ранее были эпизодическими. Консерватизм начинает превращаться в социальную идеологию, ценности которой видоизменяются под влиянием либерализма и сами оказывают воздействие на своего идеологического соперника. Утверждение современности сопровождалось превращением различных версий либерально-консервативного синтеза в основу социального порядка в исторических центрах модернизации. Начинается идеологическая модернизация консерватизма. Его содержание все больше определяется не столько «воспоминаниями о прошлом», сколько осмыслением внутреннего опыта развития западных обществ. Со второй половины XX века происходит поворот к новой парадигме развития, для которой характерно постепенное повышение роли консервативных ценностей, включающихся в общественный запрос на модернизацию.

К настоящему времени модернизации с активным участием консервативных ценностей имеют солидную предысторию. Консервативными модернизациями с полным правом можно считать преобразования, которые полвека назад последовали вслед за крахом тоталитарных и авторитарных режимов. После 1945 года в Германии, Японии и Италии модернизация осуществлялась консервативными политическими силами. Аналогичной была и более поздняя «голландская» модернизация Франции. При всех различиях их объединяло главное: острое понимание необходимости масштабных перемен и категорическое неприятие радикализ-

ма – масштабного насилия над обществом вне зависимости от того, какая идеология вдохновляет это насилие, левая или правая. Собственно говоря, эти два принципа и образуют ценностное ядро консервативной модернизации.

Новый поворот к современному консерватизму в исторических центрах модернизации происходит под влиянием глобализации, ее эффектов и императивов. Глобализация финансовых рынков, возросшая подвижность капитала, утверждение «общества знания» и «экономики услуг», новая проницаемость национальных границ, становление единой информационной среды, мощные товарные и миграционные потоки, усиление конкуренции – все это делает императивным масштабную перестройку государства и общества. С начала 1980-х годов Запад охватывает новая волна модернизации, начавшейся в Великобритании и США. Пришедшие к власти элиты готовили свои страны к тому, чтобы жить и действовать в глобальном мире. Преобразования, получившие название «неолиберальных», осуществлялись политическими силами, которые позиционировали себя и воспринимались другими как «неоконсервативные». В конце XX века либерализм смог вернуться к власти только в союзе с консервативными ценностями. Так появился синтез либерализма и консерватизма эпохи глобализации, в котором по-разному, в зависимости от особенностей национального опыта, происходит соединение традиционных и современных ценностей.

С этого времени различные варианты «глобализационного синтеза» утверждаются в качестве магистрального направления в идеологии и политике развитых стран. Какие партии ни приходили бы к власти, политический курс государств реализуется в рамках, которые были заданы синтезом консервативных и либеральных ценностей. Новый идеологический синтез политически воплощается не всегда последовательно и не всегда успешно. Его конкретные версии не отличаются высокой устойчивостью. Но показательно и другое: в случае распада сочетание консервативных и либеральных ценностей постоянно воссоздается в новых формах.

«Глобализационную» версию либерально-консервативного синтеза отличают

важные особенности. Этот синтез не только господствует в центре идеологического спектра (неоконсерватизм, неолиберализм), но и активно проникает на фланги, пропитывая альтернативные идеологии («зеленые» идеологии, «третий путь»). Став современным, консерватизм начинает замещать либерализм, который, со своей стороны, опустошается или радикализируется (либертариизм, «новые правые»). И вряд ли это происходит случайно. После того как человеческий мир окончательно стал рукотворным, «большая» историческая миссия либерализма завершилась. Принципиальное противопоставление устоев и инноваций утратило смысл: и те, и другие обрели статус ценностей и единый источник в лице автономной личности. Появилась новая фундаментальная проблема: в какой степени инновации, инициируемые личностью или группами, согласуются с ценностями исторически сложившихся сообществ, частью которых они сами являются. Принципиально важно, что эта проблема возникает не в связи с переходом от традиционного мира к современному («рукотворному»), а уже внутри современного мира, развитие которого предполагает не только инновации, но и воссоздание устоев на каждом новом этапе развития. Это, в свою очередь, предполагает реконфигурацию, а не разрыв с историей и традицией.

Вне связей с консервативными ценностями современный либерализм не имеет позитивного решения проблемы поддержания социального порядка в ходе модернизации. Несмотря на превращение автономной личности в центр рукотворного социального порядка, либерализм продолжает и дальше освобождать человека от принадлежности и различий, привязанностей и ценностей, которые находятся за границами индивидуального существования. «Освобождение» уже освобожденной личности подталкивает к утрате человеческого облика. Либерализм эпохи глобализации теряет историческую связь с индивидуальной свободой и способность к конструктивному преобразованию мира. Он превращается в «философию анонимных финансов», слившуюся с постмодернистским мироощущением и жизненным стилем.

«Поздний либерализм» все больше производит не развитие, а хаос – как по

всему миру, так и у себя дома, в исторических центрах модернизации. Он разобщает, выхолащивает, опустошает и разрушает. Последовательное преодоление принадлежности и различий, прежде всего исторически приобретенных, а не просто заданных антропологическими свойствами человека, ведет к уничтожению сложности, подталкивает к переходу в состояние социального распада – и общества, и личности. Показательно, что в самих исторических центрах модернизации устойчиво утвердились сменяющие друг друга различные варианты либерально-консервативного синтеза, в то время как на остальную часть современного мира, которой отводится роль периферии, происходит экспорт либерализма в его тупиковых формах – разрушительных, радикально-либеральных, или вырожденных, либертарианских или постмодернистских. Социальные последствия «позднего либерализма» начинают напоминать старый капитализм XIX века и активизируют радикальную идеологическую периферию.

В обозримом будущем роль современного консерватизма в исторических центрах модернизации будет увеличиваться. Глобализация – это только начало. Впереди масштабная реконфигурация мировой системы. Возникновение новых проблем в «старых» центрах модернизации и становление новых центров экономического роста изменили мировую повестку. Все более актуальным становится выработка моделей развития, адекватных сложному обществу, включенному в глобальную систему связей. Современный консерватизм обладает большей способностью справиться с этой задачей. Повсюду в мире обретают актуальность консервативные ценности, связанные с государством, безопасностью, семьей, порядком, силой, коллективной идентичностью. Продолжается и внутреннее развитие консервативной идеологии. Консервативная мысль начинает признавать ценность «коллективного будущего», которое окончательно замещает «прошлое» в качестве своего смыслового центра.

Консолидация социального порядка, преобразованного глобализацией, становится возможной только на основе новых консервативных ценностей. На этапе реконфигурации мировой системы и рекон-

струкции социального порядка в «старых» и новых мировых центрах консерватизм превращается в «естественную» идеологию сложного общества, встроенного в динамичный глобальный мир.

Принципы консервативной модернизации

В центре внимания консервативной мысли всегда были «устои» – фундаментальные основы общества и государства. Современная эпоха расширила ценностные основания человеческой цивилизации. Отныне «развитие» превратилось в такую же часть базовых ценностей, как и «устои». Идеал консервативной модернизации – устойчивое развитие. Задача консервативной модернизации России – заложить прочный фундамент современной экономики, общества и государства, который позволил бы освободиться от исчерпавшей себя модели развития, построенной на чередовании «застоя» и насильственного обновления, обманчивой «оттепели» и бесплодных «заморозков». Задача консервативной модернизации – вывести Россию на траекторию устойчивого некатастрофического развития.

Идеология консервативной модернизации покоится на двух основаниях – она включает как ценности традиционного консерватизма, так и ценности современности. Традиционный консерватизм представлен ценностями семьи, коллективной идентичности, государства, ответственности, безопасности, уважением к частной собственности, пониманием значения «силы» в системе, которая основана на верховенстве права, признанием неустранимой потребности человека в абсолютных нравственных ценностях, основой которых выступает религия. Эпоха современности сделала равноправной основой человеческой цивилизации целое созвездие ценностей, связанных с «развитием», – свободную личность, выбор и творчество, многообразие и ориентацию в будущее.

Идеология консервативной модернизации представляет собою такую форму соединения, при которой различные базовые ценности – вне зависимости от источника и

обстоятельств своего происхождения – взаимно проникают и модифицируют друг друга. Участвующие в синтезе консервативные и либеральные ценности приобретают новые свойства. Консервативный модернизационный синтез обусловлен фундаментальным изменением самих условий человеческого существования в мире и востребован новым этапом глобального развития.

Консервативная формула перемен всегда конкретна: ее требуется определять каждый раз заново, с учетом времени, пройденного пути и перспективных целей. Круг ценностей и целей, которые нуждаются в приоритетном внимании, актуализации и реализации, не может быть определен заранее раз и навсегда. Определение конкретной формулы консервативных перемен – это всегда новый и ответственный политический выбор. Консервативная модернизация – это умные перемены.

Отправная точка идеологии консервативной модернизации – признание постоянства перемен. Перемены неизбежны. Это фундаментальное условие социальной жизни. Социальный порядок не должен создавать принципиальных препятствий для постоянных перемен. Содержание перемен и их внутренний смысл определяется благом самих участников, а неотъемлемая часть этого блага – возможность оставаться самими собой благодаря развитию.

Главное в идеологии консервативной модернизации – это особая модель перемен, соответствие которой превращает перемены в полноценное развитие.

Перемены должны быть своевременными: необходима точная и ответственная политическая диагностика. Неприемлемы ни форсирование перемен, ни их искусственное сдерживание. Насильственные перемены и разнообразные виды «подмороживания» общества, направленные на искусственное сдерживание перемен, – совсем не антиподы, а «близнецы». Нахождение необходимого баланса, меры – результат политического выбора, ориентированного на определенную систему ценностей.

Перемены должны быть постепенными. В противном случае перемены оборачиваются насилием – и никакие риторические ухищрения не смогут это скрыть. Выбор в пользу эволюционных перемен продикто-

ван не отсутствием воображения или воли, а политической ответственностью, приоритетом общественного блага над частными интересами, моральным долгом и исторической памятью. Любые революции, «снизу» или «сверху» – продукт меньшинств: они порождаются эгоизмом и безответственностью одних, нетерпением и нетерпимостью других, дезориентацией и отчаянием третьих. От насильственных перемен всегда выигрывает меньшинство, и только эволюция в состоянии надежно позаботиться о большинстве.

Преимущества эволюции очевидны: это экономия конфликтов, снижение издержек развития, сокращение человеческих потерь, это выбор лучшего в конечном счете варианта. Именно эволюция дает оптимальное качество перемен – глубину, масштабность и устойчивость. При эволюционных переменах позитивные эффекты широко распространяются в обществе. Именно эволюция, а совсем не революции, порождает самые глубокие перемены. Там, где в приоритетные ценности на равных основаниях включаются инновации и традиции, личность и устои исторически сложившегося сообщества, тип развития становится «консервативным», вне зависимости от того, как именно он сам себя называет.

Постепенность перемен означает не замедление продвижения вперед, а возможность и желание выбирать скорость перемен. Консервативная формула перемен предполагает «разноскоростную» модель модернизации, которая позволяет совмещать различные темпы развития, сообразно состоянию различных секторов общества.

Перемены должны быть соразмерными тому состоянию, в котором находятся люди, участвующие в переменах. Конкретные цели перемен должны быть реалистическими и соответствовать текущему состоянию и возможностям общества. Санкционируются такие изменения, которые продиктованы внутренними потребностями общества и могут быть поняты и приняты основной его частью. В том, что касается ценностных и институциональных основ, консервативная модернизация предполагает сознательную и принципиальную ориентацию на постепенные и последовательные перемены.

Принцип соразмерности также означает возможность участвовать в переменных сообразно степени своей заинтересованности и готовности. Люди вправе сами определять меру и масштабы участия в инновациях и традициях. Полная вовлеченность – удел энтузиастов-одиночек, который они выбирают добровольно. Применительно к модернизации принцип соразмерности закрепляет отказ от «сплошной» и принудительной мобилизации и выбор в пользу дифференцированного участия в переменных. Принцип соразмерности делает возможным «разноскоростную» модель развития.

Перемены должны быть равномерными (солидаризм). Модернизационное развитие неизбежно порождает неравномерность, но может продолжаться только в том случае, если станет равномерным. Равномерность развития может быть восстановлена лишь в результате подчинения определенной системе ценностей, что достигается при помощи политического руководства. Консервативная модернизация предполагает распределение позитивных эффектов развития среди основной части общества и справедливое распределение издержек перемен. Солидаристский принцип консервативной модернизации делает возможным эволюционную модель социального развития: «вперед идут все». Солидарность предполагает восстановление доверия в обществе: между большинством и динамичным меньшинством, между обществом и государством. Принципы соразмерности и равномерности позволяют проводить перемены, опираясь на долговременную поддержку социального большинства.

Перемены должны быть ценностно ориентированными. Цивилизованность определяется мерой свободы – способностью отдельного человека и исторически сложившихся человеческих сообществ самим определять собственную судьбу, а не подчиняться внешним обстоятельствам, самим инициировать и направлять перемены, а не выступать их невольным участником. Цивилизованность определяется способностью управлять переменами. Альтернатива переменам, которые лишены ценностного стержня, – это насилие и хаос. Ценности обеспечивают направленность перемен на общественное благо, вы-

бор такой формы перемен, которая не разрушает личность и общество, а способствует их развитию.

Современный российский консерватизм выступает против лукавого отождествления «перемен» и «развития». Перемены безальтернативны, они могут быть какими угодно, приносить и благо, и зло. Перемены ради самих перемен означают отказ от свободы – способности выбирать, руководствуясь индивидуальными и коллективными ценностями. Перемены ради самих перемен – это знак отчаяния, знак выбытия из цивилизованного состояния и капитуляции перед хаосом, это размен периодических катастроф на царство хаоса.

Развитие – это всегда управление переменами, которое ориентирует перемены на определенные ценности и подчиняет определенным целям. Развитие – это результат руководства переменами. Эволюция в человеческом мире отличается от эволюции в мире природы. Природная эволюция во многом слепа и продвигается вперед за счет безжалостной отбраковки неудачных вариантов. Развитие человеческого мира – это «умная» эволюция, которую постоянно направляют активные ценности. Отказ от управления переменами уничтожает сложность, многообразие и подрывает фундаментальные основы современности. Это возврат человеческого мира из состояния цивилизации в природное состояние, это путь назад, от «умной» эволюции – к эволюции «слепой».

Ценностная ориентация наделяет перемены осмысленностью, сообщает им индивидуальный и коллективный смысл. Только ценностная ориентация обеспечивает подчинение перемен общественному благу, открывает, а не закрывают возможности для развития, способствует многостороннему обогащению личности, усилению общества и государства. Перемены, разрушающие личность, общество и государство аморальны, незаконны и недопустимы.

Развивающийся социальный порядок нуждается в руководстве, которое обеспечивает подчинение перемен определенной системе ценностей и целей. Обязательная ценностная ориентация перемен – следствие того, что мир конструируется, творится, обновляется и воссоздается заново. Пе-

ремены в жизни исторически сложившихся человеческих сообществ подчиняются коллективной системе ценностей и осуществляются посредством политического руководства переменами. Политические элиты, осуществляющие руководство, несут ответственность за ход и результаты конкретных перемен перед гражданами своей страны, государством, историей и собственной совестью.

Политическое руководство переменами не может быть произвольным. Политическое руководство означает целенаправленное порождение рамок, а не регламентаций, ориентиров, а не директив, сигналов, а не приказов. Государство – обязательный участник перемен. В переменам государство участвует вместе с обществом. Распределение обязанностей между государством и обществом носит подвижный характер. Государство руководит переменами, но не может подменять собой общество.

Перемены должны быть преемственными. Создавать новое можно только на прочном фундаменте. Это снижает потери, сокращает риски, помогает сохранять самоидентичность участников. Преемственные перемены – признак эволюционного развития. Принцип преемственности политического курса образует важнейшее условие консервативной модернизации. Конкретные лидеры во власти обязаны меняться, могут меняться и политические силы, но принципы руководства национальным развитием должны оставаться неприкосновенными. Современное сложное общество, включенное в динамичный глобальный мир, может обновляться только на основе преемственности.

Ценности социального порядка

В России состояние общественного сознания все еще во многом питается инерцией советского времени: пристрастия, конфликты и дефициты ушедшей эпохи продолжают определять массовые симпатии и антипатии, ориентиры и приоритеты. Освобождение от старых ценностей сопровождалось девальвацией и деформацией личностных смыслов, консервацией или обострением старых конфликтов. Очень ча-

сто признаком модернизации объявлялось то, что не имело к ней никакого отношения: национальный нигилизм воспринимался как свидетельство возвращения в лоно современной цивилизации; бесконечные обсуждения и конфликты – как проявление политической демократии; незаконные спекуляции и расхищение государственной собственности – как развитие рыночных отношений; неспособность государства выполнять свои непосредственные обязанности – как освобождение гражданского общества и расширение индивидуальной свободы, а гипертрофированное потребление и жизнь сегодняшним днем – как воплощение современного образа жизни.

Современность общественного сознания – это «системное» качество. Это означает, что модернизация общественного сознания – длительный процесс, который требует целенаправленной и долговременной работы по всему массиву ценностей и представлений, и работа эта невозможна без участия государства. Речь идет о необходимости «выращивания» новых типов мотивации, предполагающих интеграцию индивидуальных и социетальных ценностей в мотивационные комплексы, способные придать осмысленность и полноту разнообразным формам участия в жизни общества. Но пока общественный запрос на новые жизненные ориентиры и новые смыслы, достижимые для массовых категорий граждан и способные сделать индивидуальную жизнь наполненной и полноценной, проявляет себя преимущественно негативно: в форме дезориентации молодежи, недовольства взрослых поколений доминирующими жизненными ориентирами, диспропорций на рынке труда и в потреблении. Это делает структурирование новых жизненных ориентиров в большей степени открытым для инициативы со стороны ответственных политиков и государства.

Современный индивидуализм. В постсоветский период индивидуализм фактически превратился в ведущую ценность российского общества. Но система представлений, которая связывается с индивидуализмом как жизненным принципом в общественном сознании, равно как и социальные практики, которые им порождаются, вряд ли могут быть отнесены к числу современных.

Под флагом индивидуализма воскрешаются досовременные ценности или легитимируются теневые установки советского периода. Для большинства индивидуализм воспринимается как бытовой эгоизм и неограниченное своеволие или как вынужденное состояние – бремя, от которого стремятся избавиться («нас бросило государство»). Такой индивидуализм, точнее, то, что скрывается под этим именем, – бесплодный и нежизнеспособный продукт социальной дезорганизации. Прimitивный, «дикий» индивидуализм и неразвитое, подавленное личностное начало не в состоянии быть полноценными носителями ценностей современности.

Необходимо позитивное обоснование индивидуализма как одной из ключевых ценностей современного социального порядка. В абстрактной форме современный индивидуализм определяется через совокупность жизненных установок: как стремление к свободной самореализации, стремление быть хозяином своей судьбы, стремление к достижениям, наконец, как стремление к лидерству в различных сферах деятельности, участие в которых личность выбирает сама и добровольно. Но центральную роль в модернизации ценностей индивидуализма играет наращивание индивидуальной компетенции – реальной возможности самостоятельно добиваться поставленных целей. Самостоятельности придется научиться: понять ценность внутренней веры в себя и свои силы, способности к реалистической самооценке, самостоятельной разработке и реализации индивидуальных жизненных планов, самодисциплине и связанной с ней способности концентрировать усилия для достижения поставленных целей, открытости новому и готовности к обучению в течение всего активного периода жизни.

Ключевую роль в овладении самостоятельностью играют не фигуры каких-либо «внешних воспитателей», а обучение в социальных практиках, практическое освоение современных жизненных ценностей и навыков. Ценностное обоснование индивидуализма как жизненного принципа определяется неразрывной связью индивидуальных усилий и институтов. Действие через институты – безальтернативное направление реализации ценностей индиви-

дуализма. Индивидуализм способен стать современным только в институциональном контексте, а социальные устои должны быть преобразованы таким образом, чтобы создавать пространство для индивидуальной свободы. Это предполагает, что современный индивидуализм и современные институты в российском обществе должны расти одновременно.

Ценность индивидуализма останется незавершенной, если не будет распространяться на стремление к полноте жизни, которое включает выстраивание осмысленных и позитивных социальных связей. Расширенная концепция индивидуальности, которую предлагает современный российский консерватизм, делает составной частью ценностей индивидуализма социальные связи личности: без устойчивого одобрения окружающих – «близких» и «дальних» – человек не может состояться моральной личностью и полноценным членом «большого общества». Особое внимание необходимо уделить ценностному обоснованию «места встречи» индивидуальных и коллективных ценностей: личному вкладу в общие усилия и общее благо.

Солидарность как новый коллективизм. Если массовые представления об индивидуализме нуждаются преимущественно в модернизации, то ценности коллективизма во многом предстоит «собрать» заново. К настоящему времени коллективизм практически отсутствует среди социальных ценностей, пользующихся безусловным общественным признанием. Коллективизм превратился в риторическую фикцию или синоним социального контроля, наследие советского времени, с обязательным посредником в лице государства. Буквальное заимствование ценностей коллективизма в тех исторических формах, в которых они присутствовали в нашей стране, нельзя считать продуктивным. Идеология консервативной модернизации отвергает коллективизм советского времени: его реставрация противопоказана новой современности. Необходим новый коллективизм, ценности которого также необходимо обосновать по-новому. Отправной точкой нового обоснования коллективизма призван служить тезис о том, что человеческое сообщество – естественная и необходимая среда свободной

личности, просто потому, что выступает для нее источником жизненно важных благ.

Нормативный идеал сообщества, характерный для современности, предполагает центральное положение, свободу и автономию личности. Сложное общество не может подавлять личность, не нанося ущерба себе самому. Современное общество – это социально организованная сложность, включающая различные типы коллективов, в том числе и традиционные, где индивидуальная автономия и свобода ограничены единоначалием, иерархическим построением, дисциплиной, исполнительностью и регламентацией. Это происходит в армии, на предприятии, в офисе и правительственных учреждениях. В таких коллективах нормативный идеал проявляется в том, что личность добровольно и на основе договора соглашается на ограничение своей автономии, а также в характере регламентаций: они должны быть оправданы и не должны оскорблять и унижать. Составная часть социально организованной сложности – и такие традиционные сообщества, которые складываются на основе этнической и конфессиональной принадлежности.

Наряду с коллективами и сообществами традиционного типа в современном обществе широко присутствуют и такие, которые представляют более широкие возможности для индивидуальной свободы. «Вторая» современность настоятельно требует расширения пространства для гибких «горизонтальных» сообществ, создаваемых участниками ради разработки и реализации общих проектов. Важную роль в утверждении российского общества как современного и сложного призваны сыграть социально-профессиональные сообщества, создаваемые вокруг профильных видов общественно востребованной деятельности (в науке, образовании, здравоохранении, медицине, государственном управлении, промышленности, сфере услуг, сельском хозяйстве). Принадлежность к определенной профессии или виду деятельности должна приобрести социальное измерение, включающее готовность участников подчиняться «мягкой власти» своего сообщества, следовать принятым в нем нормам и ценностям.

В наибольшей степени современному идеалу коллектива соответствуют принципы членства в большом (социетальном) сообществе. Современный коллективизм – это прежде всего социальная солидарность. Новая современность увеличивает значение больших исторически сложившихся человеческих сообществ (наций). Политическая нация – это центр, к которому тяготеет современная личность безотносительно того, в какие промежуточные структуры она включена – гибкие сообщества или традиционные коллективы. Основу идентификации с большим сообществом образует чувство принадлежности, которое создают язык, культура и определение членства в политической нации, а также понимание включенности в соревнование государств и народов в общем пространстве развития, создаваемого глобализацией.

Продуктивный труд как центральная социальная ценность. Важное место в модернизации общественного сознания занимает реконфигурация, обновление и новое обоснование ценностей труда и потребления. Первоочередное внимание необходимо уделить восстановлению высокой социальной ценности продуктивного труда. Государственный культ труда советского времени, становившийся со временем все более бессодержательным, сменился откровенным пренебрежением или умолчанием. Между тем, в современном обществе труд, ведущий к созданию новых ценностей, – центральная жизненная норма, в соотношении с которой приобретают общественное значение остальные виды человеческой активности.

Продуктивная занятость должна стать доминирующей социальной практикой, которую необходимо поощрять и защищать. Состояние продуктивной занятости следует признать в качестве высокой социальной ценности. Необходим новый социальный идеал – «человек работающий», «человек деятельный». Он призван вытеснить доминирующий в настоящее время идеал человека праздного, потребляющего и развлекающегося. Но ценность труда нуждается не только в восстановлении, но и в модернизации. Необходима широкая концепция труда, объединяющая все основные виды продуктивной, общественно-полезной и

социально оправданной человеческой деятельностью.

Помимо трудовой деятельности в привычном понимании новая концепция труда включает ряд видов человеческой деятельности, критически необходимых в современном обществе, но лишенных в настоящее время адекватного ценностного обоснования и общественного признания. Через отнесение к труду следует придать ценностный статус творчеству, продуктивному предпринимательству, управленческому труду, а также инновационной деятельности как одному из проявлений творчества. Все они представляют собою особые разновидности сложного труда, которые требуют призвания, образования, компетенции и таланта. Они отличаются высокой продуктивностью и широко востребованы в современном сложном обществе. Эти виды человеческой деятельности должны получить социальное одобрение, а те, кто ими занимается, – пользоваться высоким общественным престижем.

В ценностном обосновании нуждается и такая общественно-полезная деятельность, как обмен. В советское время различные виды обменной деятельности, по существу, были лишены статуса ценности и замещались административным распределением и перераспределением. При ценностном обосновании обмена гораздо меньше возможности опереться на существующую традицию, оно потребует создания новой традиции. Обмен – один из наиболее фундаментальных институтов человеческой цивилизации, он возникает как составная часть организованного социального порядка. Обмен – ось отношений между людьми, основа всех остальных социальных связей: именно обмен связывает воедино большие человеческие сообщества. Но статус ценности в современном обществе обмен получает только при соответствии определенным нормативным требованиям: он должен быть добровольным (личность должна пользоваться свободой вступления в отношения обмена или отказа сделать это), взаимным (обмен должен быть обменом, а не односторонним действием) и справедливым (обмениваются сопоставимые ценности). Добровольные и гибкие человеческие сообщества, востребованные

«второй» современностью для разработки и реализации общих проектов, в значительной степени основаны на обмене.

Широкая концепция труда предполагает наделение статусом ценности координацию как особый вид деятельности. Способность к постоянной координации – пропуск в современное сложное общество, которое становится возможным только благодаря постоянным усилиям по согласованию различных видов человеческих действий. Координация – особенно сложный, трудный и ценный вид деятельности, позволяющий обеспечивать совместные или согласованные действия без нарушения автономии участников. Координация представляет собой основной механизм, делающий возможным совместную работу внутри добровольных, гибких человеческих сообществ, создаваемых для реализации общих проектов. Выживание и развитие сложного общества современности напрямую определяется его способностью опознавать координацию как высокоценный вид деятельности, постоянно создавать новые – и преобразовывать уже существующие – координирующие системы различных типов.

Нормализация потребления. Подобно индивидуализму потребление в постсоветский период также превратилось в один из ведущих приоритетов общественного сознания. Но структура и функции личного потребления подверглись глубокой деформации. Значительная часть граждан, занятая на низкодоходных или неустойчивых рабочих местах, вынуждена довольствоваться минимальным уровнем потребления, отказывая себе во многом необходимом. При этом потребительский стандарт высокодоходных групп и образ жизни, характерный для знаменитостей, недостижимый для абсолютного большинства, подается и часто воспринимается как универсальный. В российском обществе потребление становится компенсаторным: перестает выполнять свои прямые функции и начинает замещать другие важные виды человеческой активности, которые стали менее доступными или утратили статус ценностей. Люди стремятся к обладанию отдельными атрибутами недостижимого стандарта или его аналогами, чтобы компенсировать отсутствие жизненно необходимых благ. Для значительной ча-

сти общества потребление превратилось в единственный источник удовлетворения жизнью, вытеснив остальные способы социального воспроизводства – труд, учебу, заботу о близких, общение с друзьями, приобщение к ценностям культуры.

Массовое потребление утрачивает связь с индивидуальным идеалом современности – полноценной самостоятельной жизнью: достойной, наполненной смыслом и вызывающей удовлетворение. Ценности, связанные с потреблением, нуждаются в модернизации. Место и субъективная значимость потребления должны быть соразмерны другим социальным ценностям – труда, накопления и социального развития личности. Это предполагает восстановление разумных и оправданных пропорций в общественном сознании. Необходима альтернативная модель потребления, которая должна быть предложена массовому сознанию и поддержана совместными усилиями государства и гражданского общества. Но альтернативная модель может быть воспринята в обществе только в том случае, если изменится структура распределения доходов и помимо потребления появятся другие привлекательные виды человеческой активности. Личность автономна по условиям современности и всю основную работу по переориентации потребительских предпочтений она может проделать только сама.

Механизм превращения конкретных благ в предмет потребления, а также его масштабов и форм, должен быть обоснован в системе массовых жизненных ценностей. Бесплатных благ не бывает: все предметы потребления имеют свою ценность. В системе социальных оценок должна быть зафиксирована аморальность воровства, присвоения чужого имущества, использование неоплаченного чужого труда, заведомый обман, неисполнение соглашений и обещаний. Позитивной оценки и одобрения удостоивается только вознаграждение, которое заслужено и оправдано социально и морально. Индивидуальное потребление происходит в социальной среде и неизбежно регулируется нормами, принятыми в данном обществе. Уровень благосостояния и развития общества определяет потребительский стандарт не только как возможный

и достижимый, но и как приемлемый в моральном и социальном отношении. Демонстративная роскошь аморальна: личное потребление не должно оскорблять и унижать окружающих. Ориентация на гипертрофированное потребление – знак социального неблагополучия и должна быть адекватно оценена обществом. Целью социально одобряемого потребления следует признать не просто воспроизводство личности во всей полноте, но и создание возможностей для ее развития. Социально приемлемой нормой должно стать потребление, создающее благоприятные возможности для труда, накопления и развития.

Накопление как «новая» социальная ценность. В советский период в системе массовых жизненных ценностей доминировала упрощенная модель жизнедеятельности, ограниченная трудом и потреблением. Как и обмен, накопление было изъято из сферы официально одобренных жизненных ценностей. Личность и общество приучались к мысли, что ресурсы и ценности, составляющие национальное богатство, накапливаются только в одном месте, которое называлось государством. Накопление присутствовало в системе массовых ориентаций как периферийная жизненная ценность, лишённая права на открытое общественное одобрение. Оно было ограничено частной жизнью, практиковалось преимущественно как страховка от бедствий («на черный день»), его легальное участие в общественном производстве было затруднено.

Переход в современность – это одновременно и переход к более сложной модели жизнедеятельности, которая не только расширяет категорию продуктивного труда, но и дополняет цепочку общественно признанных видов жизнедеятельности новым звеном – накоплением, которое автономно осуществляется в различных центрах жизнедеятельности, расположенных за пределами государства: в домохозяйствах, предприятиях и различных человеческих сообществах. Модернизация общественного сознания предполагает возвращение «накопления» в круг социально одобряемых жизненных ценностей. Накопление ресурсов и ценностей (здоровья, знаний, компетенции, денежных средств), которое осуществляется гражда-

нами, домохозяйствами, предприятиями и небольшими человеческими сообществами, должно быть признано общественно-полезной разновидностью человеческой деятельности, сопоставимой и соразмерной с трудом в привычном смысле этого слова. Общественное одобрение придаст продуктивному частному накоплению новый социальный смысл: оно связывает повседневные жизненные практики с перспективами национального развития.

«Производство идеального» – стратегический ресурс. Модернизация общественного сознания предполагает изменение ценностного статуса особых разновидностей человеческой деятельности, занятых «производством идеального» – новых форм и новых смыслов. Фундаментальная наука, философия, теология, культура и искусство привычно относятся к категории самоценных видов деятельности: они приносят удовлетворение своим творцам, но ценить их способен лишь ограниченный круг избранных – коллеги по «цеху» и поклонники, – для остального общества они обладают только символической ценностью. Наделение общественной значимостью таких «самоценных» видов деятельности – эволюционное приобретение человечества: способность оценивать их по достоинству выступает мерилем цивилизованности конкретного общества.

На исходе XX века стало ясно: помимо символического значения эти виды

человеческой активности обладают и высокой прикладной ценностью – они создают социальное пространство, питающее инновации, и обеспечивают способность к развитию. «Производство идеального» расширяет горизонты человеческой свободы: возможное определяется уже не свойствами и границами реальности, а творческой силой мысли, фантазии, воображения. Возможным становится не только практически осуществимое сегодня или в обозримом будущем, но и то, до чего вообще способна додуматься человеческая мысль, что она может представить и сконструировать в данный момент времени.

Общество, которое не создает внутри себя расширяющееся пространство для «производства идеального», не имеет будущего. Модернизация общественного сознания требует по-новому обосновать ценностный статус фундаментальной науки, теологии, культуры и искусства, к которым необходимо добавить и науки о человеке. Следует зафиксировать связь этих видов деятельности с перспективами развития большой общности. Производство новых форм и новых смыслов необходимо квалифицировать как стратегический ресурс коллективного развития и закрепить в этом новом качестве в системе общественных оценок.

Сентябрь 2010 – февраль 2011 года

Современный консерватизм на Западе

По заказу Фонда ИСЭПИ

Основные положения
ИДЕЙНАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА
Эволюция консервативной идеологии на Западе после 1991 года
Перерождение консерватизма: «консерватизм лишь по названию»
Раздробление консерватизма на отдельные направления
КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА
Электоральные результаты мейнстримных консервативных партий
Мейнстримные консервативные партии и новые правые партии
Тенденции развития мейнстримных консервативных партий
Типология мейнстримных консервативных партий
Консерватизм в США
Медийные проекты американских консерваторов
Новые внепартийные консервативные движения на Западе
РОССИЯ В ЗАПАДНОЙ ПОЛЕМИКЕ О КОНСЕРВАТИЗМЕ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Большинство системных консервативных партий к настоящему времени разделяют идеологию неоллиберального консенсуса. Исключениями в этом ряду являются Республиканская партия США, Христианско-социальный союз в немецкой Баварии и некоторые партии в странах Восточной Европы (Венгрия, Польша), которые сохраняют верность подлинной консервативной идеологии. За период после 1991 года консерваторы в идейном плане сильно сблизились со своими традиционными оппонентами – социал-демократами и левыми либералами.

В странах Западной Европы почти все мейнстримные консервативные партии фактически отказались от своей идеологии и лишь эксплуатируют бренд, которому привыкли доверять консервативно настроенные избиратели. Дальше всего процесс идеологического перерождения зашел в Великобритании, Нидерландах и странах Скандинавии, где мейнстримные консервативные партии высказались в поддержку однополых браков, то есть приняли антихристианские ценности леволиберального прогрессизма.

2. Среди основных тенденций развития мейнстримных консервативных партий на Западе выделяются:

- отказ от харизматического лидерства;
- приверженность идеологии консервативного либерализма;
- поддержка идей углубления евроинтеграции (в странах ЕС);
- акцент на экономической политике;
- обострение внутренних конфликтов и утрата части электората;
- усиливающийся вызов со стороны правых популистов и евроскептиков;
- сокращение численности членов партий;
- недостаточная эффективность коммуникаций с избирателями.

3. На Западе консервативная идеология и консервативное движение разделяются на ряд сильно различающихся направлений. Эти течения могут быть не связаны между собой или находиться в состоянии конфликта. Даже в одной стране консерваторы различных типов могут придерживаться диаметрально противоположных взглядов на один и тот же вопрос. К числу основных современных направлений можно отнести либеральный консерватизм (де-факто –

умеренный либерализм, преобладающий в платформах системных консервативных партий в странах ЕС), социальный и религиозный (преобладает в Республиканской партии США), национальный (характерен для европейских правых популистов) и политический.

4. *Усиливается тенденция превращения консерватизма в идеологию протеста «локалов» против глобализации.* В конфликте «глобалов» (сил, заинтересованных в углублении процесса глобализации) и «локалов» (сил, стремящихся укрепить суверенитет национальных государств)¹ почти все мейнстримные консервативные партии встали на сторону «глобалов», приняв их неолиберальную идеологию и связанные с ней постхристианские ценности. В этих условиях консервативно настроенные избиратели – «локалы» – всё больше обращаются за альтернативой к партиям правых популистов и евроскептиков. Собственно консервативная повестка, связанная с защитой традиционных ценностей, постепенно переходит от мейнстримных консерваторов к правым популистам. Таким образом, на Западе разворачивается процесс трансформации консерватизма в идеологию протеста «локалов».

5. *Наметились правое и левое направления развития консерватизма в качестве протестной идеологии «локалов».* Правое течение связано с позиционированием консерватизма как силы, противостоящей фундаментальным тенденциям развития современного Запада, включая насаждение в обществе постхристианских ценностей. В этом направлении консервативная идеология развивается сегодня прежде всего в США, где подобных взглядов придерживаются социальные консерваторы и «Партия чаепития» (Tea Party), которые определяют повестку Республиканской партии. Сторонники правого течения выступают против окончательного устранения общественных иерархий и полного разрыва с христианской религиозной традицией. Во многом их идеал – это реставрация американского общественного строя XIX века.

Левое течение стремится превратить консерватизм в движение большинства общества против доминирующих либеральных элит. Это направление активно заимствует социальную повестку и пытается объединить правых и левых, выступающих на стороне «локалов». Основой для консолидации является новое прочтение консерватизма – в качестве идеологии защиты интересов большинства как в социальных, так и в нравственных вопросах. Сильнее всего левое течение развито во Франции, где на эти позиции встал Национальный фронт после прихода к руководству партии Марин Ле Пен.

6. *Результаты выборов 2008–2014 годов в целом демонстрируют тенденцию к сокращению поддержки мейнстримных консервативных партий.* При этом в отдельных странах ситуация может существенно различаться. В одних случаях (например, в Германии) такие партии успешно удерживают позиции в национальной политике, в других (например, во Франции и в Великобритании) – испытывают сильное давление конкурентов и уже уступили им значительную часть избирателей. В настоящее время мейнстримные консервативные партии сохраняют лидирующую роль в США, Германии, Испании, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Венгрии, Польше. Напротив, серьезное ослабление позиций консерваторов наблюдается в таких странах, как Франция, Великобритания, Италия, Финляндия, Дания, Австрия.

7. *Главная электоральная проблема мейнстримных консерваторов – правые популисты и/или евроскептики.* Выборы последних лет, особенно результат голосования в Европарламент в мае 2014 года, показали, что во многих странах ЕС правые популисты привлекают на свою сторону значительную часть избирателей, которых не устраивает фактический отказ систем-

¹ Термины «глобалы» и «локалы» для обозначения тех, чьи приоритеты связаны с наращиванием глобализации либо с укреплением отдельных национальных государств, ввел в оборот известный польско-британский социолог Зигмунд Бауман.

ных консерваторов от консервативной идеологии. Правые популисты и/или евроскептики оказывают сильное или хотя бы значительное электоральное давление на мейнстримные консервативные партии в таких странах, как Великобритания, Франция, Италия, Австрия, Дания, Норвегия, Финляндия, Нидерланды, Венгрия. При этом во Франции, Великобритании, Дании и Финляндии существует реальная вероятность того, что уже на следующих парламентских выборах правые популисты опередят консерваторов и лишат их статуса одной из двух главных партий в этих странах.

8. *Ряд мейнстримных консервативных партий вынужден серьезно корректировать свой курс из-за давления со стороны правых популистов.* В ряде случаев мейнстримные консерваторы пытаются перехватить наиболее популярные лозунги конкурентов справа, как это делает Консервативная партия Великобритании по отношению к идее референдума о выходе страны из ЕС, которую выдвинула Партия независимости Соединенного Королевства. Эффективной тактикой противодействия правым популистам стало включение их в состав коалиционных правительств на правах младших партнеров (как это сделано в Норвегии), что ведет к падению их рейтинга в глазах избирателей из-за невозможности выполнить самые привлекательные обещания.

9. *В США Республиканская партия фактически перешла под контроль правых популистов из «Партии чаепития».* Возникла уникальная ситуация, когда мейнстримная консервативная партия благодаря электоральному альянсу с правыми популистами фактически попала к ним в руки. За последние четыре года республиканцы оказались в полной зависимости от голосов приверженцев «Партии чаепития», лидеры которой теперь определяют повестку и программу. Успехам «Партии чаепития» способствует то, что ее руководители эффективно используют идеи основных направлений американского консерватизма и продвигают в Республиканской партии тех политиков, которые способны хотя бы отчасти объединить повестку различных консервативных течений. Под влиянием «Партии чаепития» идет трансформация Республиканской партии в аналог правопопулистских партий Западной Европы.

10. *Специфика американского консерватизма в том, что он сохранил собственно консервативную идеологию.* В США консерватизм в гораздо меньшей степени затронут процессом идейного перерождения, типичного для мейнстримных консервативных партий Западной Европы. В результате Республиканская партия обладает сегодня развернутой консервативной идеологической платформой, включающей требования «минимального государства», максимальной свободы для бизнеса, обеспечения энергетической независимости США, поддержки традиционных моральных ценностей, сохранения американских конституционных прав и свобод.

11. *Республиканская партия США имеет действительно консервативный характер благодаря массовым низовым движениям.* Они препятствуют размыванию идеологической повестки, в результате их активности истеблишмент республиканцев даже при желании не может пойти по пути мейнстримных консервативных партий Западной Европы. Массовые низовые движения мобилизуют многочисленный консервативный электорат, без которого республиканцы не могут побеждать на выборах. Одновременно эти движения (прежде всего «Партия чаепития») за счет мобилизации своих приверженцев обеспечивают на праймериз республиканцев выдвижение только желательных для себя кандидатов, что стимулирует дрейф Республиканской партии в сторону подлинно консервативной идеологии.

12. *Важнейшая составляющая американского консерватизма – развитая медиаинфраструктура.* Это обстоятельство позволяет консерваторам многие годы успешно вести «культурные войны» с либералами, не допуская их полного доминирования в СМИ. Такие СМИ, как самый популярный в США кабельный телеканал «Fox News», и такие культовые фи-

гуры, как Гленн Бэк, Раш Лимбо и Энн Коултер, распространяют и популяризуют консервативные взгляды среди десятков миллионов американцев. Без наличия целого ряда собственных сильных медиапроектов американских консерваторов уже постигла бы судьба мейнстримных консервативных партий Западной Европы, которые усвоили неолиберальную идеологию и постхристианскую морально-ценностную повестку.

13. Кризис мейнстримных консервативных партий Западной Европы открывает возможности для развития внепартийных консервативных движений. Наиболее ярким образцом такого рода пока является французское движение “Manif Pour Tous”, которое в 2012–2013 годах организовало массовые уличные выступления против принятия закона о введении института однополых браков. Опыт Франции показал, что внепартийные движения, не связанные политкорректностью и электоральными расчетами, могут оказаться весьма эффективным средством мобилизации приверженцев консервативных ценностей и даже колеблющейся части общества. Долговременным следствием активности таких движений является усиление электоральной поддержки правопопулистских партий (во Франции это Национальный фронт Марин Ле Пен), которые заявляют о себе как о защитниках традиционных моральных ценностей.

14. «Консервативный поворот» России вызывает крайне неоднозначное отношение среди консерваторов в США. Часть американских консерваторов, чьим самым ярким спикером является П. Бьюкенен, воспринимает президента В. Путина как единомышленника в борьбе за традиционные ценности и «лидера христианского консерватизма» во всем мире. Но большинство консерваторов дистанцируется от поддержки России, а также проявляет скепсис или явное отторжение в отношении консервативной риторики главы российского государства.

Однако американские консерваторы объективно вынуждены искать сильного лидера, способного в глобальном масштабе выступать против натиска либералов с их постхристианской идеологией. Это обстоятельство стимулирует рост симпатий консерваторов к Путину.

15. На Западе к сотрудничеству с консервативной Россией гораздо более склонны левые, а не правые консерваторы. Правое течение занимает сдержанную, а то и явно негативную позицию. Левое течение относится к России гораздо более дружелюбно. Консервативный месседж В. Путина находит на Западе отклик преимущественно в тех средах, где силен левый консерватизм с его идеей защиты большинства. Именно там возникает сочувствие к России как силе консервативной и в определенной степени ревизионистской по отношению к существующему либеральному миропорядку.

16. На Западе среди мейнстримных консерваторов симпатии к России сильно ограничены, зато пророссийские настроения процветают в лагере правых популистов и евроскептиков. Определенные симпатии к России и Путину в связи с «консервативным поворотом» нашей страны наблюдаются в тех мейнстримных партиях, в которых есть сильные фракции, сохраняющие приверженность подлинно консервативной идеологии. Представления о России как глобальном оплоте консерватизма и традиционных ценностей широко распространены в большинстве правопопулистских партий.

17. Администрация Обамы всерьез опасается роста симпатий к России и Путину среди западных консерваторов и намерена остановить эту тенденцию. В США уже вступила в действие «идеологическая полиция», которая тщательно фиксирует положительные высказывания о Путине в медиaprостранстве. В либеральных СМИ жесткой критике подвергаются все консерваторы, которые позитивно воспринимают обращение президента России к христианским ценностям Запада и Европы в целом. Особое внимание уделяется «разоблачению» в качестве союзников Кремля европейских правопопулистских партий, прежде всего французского Национального фронта.

Глава 1

Идейная повестка современного консерватизма

Эволюция консервативной идеологии на Западе после 1991 года

Последняя волна консерватизма на Западе имела место в 1980-х годах. Британия тогда дала миру тэтчеризм – новую консервативную модель реформирования социально-экономической сферы. Соединенные Штаты породили рейганизм с его приоритетом моральных ценностей и опорой на массовое консервативное движение «Моральное большинство». Ватикан выдвинул понтифика, который, как казалось, органично соединил верность базовым христианским ценностям с ответом на вызовы современности.

Однако после распада СССР и объявленного «конца истории» ситуация начала постепенно изменяться. Уже в 1990-х годах после появления во власти новой разновидности либералов вроде Билла Клинтона и Тони Блэра запрос на консерватизм на Западе снизился. Для США нормой стали «культурные войны» между либералами и консерваторами, в которых первые стали постепенно добиваться успехов – благодаря преобладанию в СМИ, массовой культуре и судебной системе.

С наступлением нового тысячелетия консерватизм на Западе, несмотря на президентство «сострадательного консерватора» Дж. Буша-младшего, стал ускоренно утрачивать свою специфику. В сфере экономики основные консервативные партии пришли к «неолиберальному» консенсусу со своими традиционными оппонентами в лице системных леволиберальных и социал-демократических партий. Например, в период экономического кризиса в ЕС, который начался в 2008 году, и консервативные, и социал-демократические партии повсеместно проводили политику жесткой бюджетной экономии, не предприняв серьезных усилий по поиску альтернативных решений.

В политической сфере западные консерваторы, например, стали поддерживать такие проекты, как «экспорт демократии» и «гуманитарные интервенции», хотя традиционная консервативная идеология в высшей степени скептически относилась к попыткам вооруженной силой «осчастливить» другие народы и не допускала возможности создания устойчивых демократий таким путем. В сфере моральных ценностей системные консервативные партии, за исключением Республиканской партии США, капитулировали под натиском постхристианской либеральной идеологии, смирившись с такими явлениями, как легализация однополых браков, а в некоторых случаях (Великобритания) и сами возглавили этот процесс.

Почти во всех странах Западе сложилась ситуация, когда традиционные консервативные партии, которые десятилетиями опирались на поддержку соответствующего электората, фактически отказались от консервативной идеологии. Под вывеской консерватизма выступают силы, более не имеющие отношения к его идеологии, а лишь эксплуатирующие бренд, которому долгое время привыкли доверять консервативно настроенные избиратели.

Типичная для Западе в XX веке политическая система была основана на управляемом конфликте между правыми (консервативными и либеральными) партиями, которые выражали интересы предпринимателей и собственников, и левыми (социал-демократическими) партиями, отстаивавшими интересы лиц наемного труда и бюджетополучателей. Сегодня на Западе изменяется ключевой общественный конфликт, порождающий партийную систему: *в XXI веке вместо конфликта правых и левых развернулся конфликт «глобалов» и «локалов», вызванный последствиями глобализации.* В этом конфликте почти все традиционные консервативные партии, пусть в ряде случаев и с оговорками, встали на сторону

«глобалов», хотя неолиберальная экономическая доктрина, концепция глобализации и связанные с ней постхристианские ценности противоречат консервативной идеологии.

Сегодня консерватизм на Западе переживает раздробление на части. Традиционные консервативные партии (кроме Республиканской партии США) фактически перестали быть таковыми, поскольку перешли на позиции неолиберализма. В результате консервативная идеология оказалась без привычного «политического носителя». Но нарастающий протест западных «локалов» против глобализации, следствием чего стали электоральные успехи новых партий в последние несколько лет на выборах в ЕС и США¹, открывает новые перспективы развития консервативной идеологии. Следует упомянуть два основных течения.

1. Правое течение – репозиционирование консерватизма как силы, противостоящей социальному прогрессу. В этом случае консерватизм становится реакцией на прогрессизм в духе Обамы и различные проекты социальной инженерии, основанные на постхристианских и антихристианских ценностях левого либерализма. Основным направлением консервативной идеологии становится критика и противодействие фундаментальным тенденциям развития современного Запада нарастающему вмешательству государства в экономику, выхолащиванию и бюрократизации демократии, насаждению постхристианской либеральной идеологии, покровительству меньшинствам под лозунгами достижения гендерного и этно-расового равенства.

В этом направлении консервативная идеология развивается прежде всего в США, где ее выражает целый ряд ярких публицистов (например, Энн Коултер, Гленн Бек, Раш Лимбо и др.), поддерживающих в Республиканской партии *социальных консерваторов* и «*Партию чаепития*». В ЕС наиболее близки к нему такие силы, как *Партия независимости Соединенного Королевства* (Велико-

¹ В американском случае речь идет о «Партии чаепития» (Tea Party) – мощной фракции внутри Республиканской партии, поддерживаемой массовым низовым движением, которое стоит на позициях социального консерватизма и либертарианства.

британия) и *Партия свободы* (Нидерланды), которые в той или иной степени склоняются к идеям «малого государства» и симпатизируют либертарианству.

Сторонники данного течения выступают прежде всего против полного устранения всех общественных иерархий, включая преимущества тех или иных этнических, гендерных, сексуальных групп, а также против окончательного разрыва западного общества со своей религиозной традицией. Например, защита экономической свободы и «малого государства» есть производное от идеи защиты экономического, а в подтексте также и этно-расового, неравенства, которое хотели бы ликвидировать Обама и его сторонники. Борьба с легализацией однополых браков направлена на защиту американских религиозных традиций от тотальной секуляризации. В целом данное направление можно охарактеризовать как откат к XIX веку, как своего рода «коллективного западного Солженицына».

2. Левое течение – превращение консерватизма в движение большинства против либеральных элит. Сторонники этого подхода подчеркивают, что социальный прогрессизм, увеличение роли бюрократии (особенно в Европе) и постхристианскую моральную повестку Западу навязывают доминирующие либеральные элиты. Хотя их поддержка в обществе ограничена, они достигают своих целей за счет контроля над СМИ, системой образования, массовой культурой, крупными банками. В целях усиления своих позиций либеральные элиты также поощряют различные меньшинства (расовые, этнические, религиозные, сексуальные), роль которых сводится к уменьшению влияния традиционного большинства. Тем самым либеральные элиты изменяют общество к явной невыгоде большинства, создавая новые иерархии.

Противодействие описанным процессам ведет к сближению на новой основе части левых, которых интересует прежде всего защита большинства, и социальных консерваторов. В США в последние годы постоянно ведется дискуссия о «новом консерватизме» в виде лево-правого альянса против «новых элит» и «новых иерархий».

Фактически речь идет о консолидации правых и левых, выступающих на стороне

«локалов», на общей идеологической платформе. Основой для нее станет новая версия консерватизма, ориентированного на защиту интересов большинства как в социальных, так и в морально-нравственных, ценностных вопросах. Например, эта перспектива является предметом диалога культовой фигуры традиционных левых Ральфа Нейдера с известным публицистом из лагеря традиционных правых Патриком Бьюкененом¹.

Наиболее сильным политическим игроком на Западе, стоящим на этих позициях, является французский Национальный фронт, который перешел на них после прихода к руководству партией Марин Ле Пен. Линия на защиту интересов большинства обеспечила Национальному фронту приток новых избирателей, ранее поддерживавших левых, и серию громких электоральных успехов – вплоть до победы на выборах в Европарламент в мае 2014 года, когда партия Ле Пен стала лидером при голосовании во Франции.

Перерождение консерватизма: «консерватизм лишь по названию»

В течение последней четверти века в оболочке мейнстримных консервативных партий много где на Западе вызревали постхристианские либеральные силы, до поры до времени эксплуатирующие традиционную консервативную риторику ради получения голосов на выборах. Многие такие партии, сохраняя консервативное позиционирование, открыто продвигают постхристианские либеральные ценности либо, слегка замаскировав, интегрируют их в собственную повестку. Например, в Норвегии правящие консерваторы из партии «Хёйре» поддерживают однополые браки, усыновление детей гомосексуальными парами и участие страны в евроинтеграции. По мнению редактора итальянского журнала «Культура и идентичность: журнал консервативных исследований» (“Cultura &

Identità: Rivista di studi conservatori”) профессора истории Оскара Сангуинетти, многие современные консервативные партии заслуживают эпитета «так называемые», поскольку давно оставили истинно консервативные позиции в вопросах абортов, эвтаназии, молодежной культуры, разводов и пр.².

Так, Дэвид Кэмерон, став лидером Консервативной партии Великобритании, обещал ее модернизировать. Очевидно, он предполагал, что сможет привлечь на свою сторону так много умеренных избирателей, что утрата части традиционалистов не повлияет на результат политической борьбы, к тому же, последним всё равно некуда больше податься. Партия избегала обсуждения вопроса массовой иммиграции, зато либерально подошла к вопросу однополых браков. То, что в результате модернизации получилось у Кэмерона, в Британии назвали просто – «неконсервативной партией»³. В итоге на фоне развернувшегося экономического кризиса усилилось влияние Партии независимости Соединенного Королевства, чьи идеи оказались более привлекательными для многих консервативно настроенных избирателей.

Дальше всего процесс перерождения мейнстримных консервативных партий зашел в Великобритании, Нидерландах и странах Скандинавии, где они высказались в поддержку такого важного элемента постхристианской повестки, как легализация однополых браков. В ряде стран, например в Нидерландах, постхристианскую повестку усвоили и местные правые популисты («Партия свободы» Герта Вилдерса). Эта сила, высказываясь за жесткое ограничение иммиграции и сохранение культурной идентичности Европы, в то же время с энтузиазмом поддерживает однополые браки, эвтаназию и право

¹ Ralph Nader: Conservatively Speaking // The American Conservative. June 21, 2004. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/ralph-nader-conservatively-speaking/>

² Sanguinetti, Oscar. Where is the Conservative Movement in Europe? // Reflections. A New Generation of Conservative Thought. December 2010. Vol. II. No. 2. URL: <http://www.ebireflections.com/2/2/Sanguinetti.xhtml>

³ Booker, Christopher. Tories Feel Betrayed by Their Contemptuous Leaders // The Telegraph. 18 Jan 2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/10581628/Tories-feel-betrayed-by-their-contemptuous-leaders.html>

на аборт. В ряде отношений Партия свободы идет дальше, чем мейнстримные консерваторы. «Народная партия за свободу и демократию» провозглашает нейтральное отношение к религии – Вилдерс же позиционирует себя как агностика, симпатизирующего иудаизму, что не позволяет заподозрить его в защите христианских ценностей.

В указанных выше странах политические силы, желающие оставаться на позициях традиционного консерватизма, фактически уже подвергаются гонениям со стороны государства. Например, в Нидерландах небольшая Реформистская партия¹, которая в соответствии с библейским учением высказывается против участия женщин в выборах, из-за этого в 2012 году была лишена государственного финансирования в связи с нарушением ею конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации женщин. В том же году партия обратилась с иском в Европейский суд по правам человека, ссылаясь на то, что решение правительства Нидерландов нарушает право на свободу слова и право на свободу собраний, однако суд отклонил эту жалобу².

На таком фоне *собственно консервативная повестка, связанная с защитой традиционных ценностей, переходит к партиям правых популистов*. Они не только выражают скепсис в отношении путей развития Запада, критикуют правящие элиты за игнорирование проблем граждан и призывают к ограничению иммиграции – в большинстве своем они высказываются и за сохранение христианского наследия, против однополых браков, эвтаназии и свободы абортов.

Хотя в США позиции у приверженцев консервативной идеологии значительно более сильные, чем в Западной Европе, *проблема перерождения консерватизма не обошла стороной и Америку*. В Соединенных Штатах тех политиков, кто позиционирует себя

как консерватора, но допускает действия или высказывания, не совместимые с консервативной идеологией, принято называть «консерватор лишь по названию» (CINO – Conservative In The Name Only). Хотя этот лагерь представляет собой явное меньшинство среди республиканцев, он тесно связан с традиционным либеральным истеблишментом Республиканской партии из северо-восточных штатов, который озабочен утратой влияния на партию. У «притворных» консерваторов есть свои яркие политики, например, губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи, репутация которого, правда, сильно пострадала из-за скандалов в начале 2014 года.

Позиция консервативного большинства Республиканской партии по отношению к «консерваторам лишь по названию» весьма неоднозначна. Игнорируются политизированные либеральные группы, такие как «Республиканцы за право на выбор» (Republicans For Choice)³ и «Республиканцы за Обаму» (Republicans For Obama)⁴. Однако предпринимаются попытки выстроить отношения с теми республиканцами, которые поддерживают идею защиты прав ЛГБТ-сообщества, то есть с группами Log Cabin и GOProud. Считается, что таким образом республиканцы смогут привлечь финансирование со стороны могущественного гей-лобби и осложнить фандрайзинг своих конкурентов из Демократической партии. Начиная с 2011 года, сотрудничество с GOProud успешно курирует знаменитая консервативная публицистка Энн Коултер, которой удалось добиться того, что эта часть ЛГБТ-сообщества спонсирует партийные мероприятия республиканцев и высказывается за ограничение законных оснований для совершения аборта. Тактически выгодное сотрудничество с гей-лобби создает предпосылки для постепенного размывания консервативной идеологии Республиканской партии.

¹ На последних выборах набрала 2,1% голосов и получила три места в парламенте.

² Gender equality and religious freedom in politics; Dutch SGP case declared inadmissible // Strasbourg Observers, July 23, 2012. URL: <http://strasbourgothers.com/2012/07/23/gender-equality-and-religious-freedom-in-politics-dutch-sgp-case-declared-inadmissible/>

³ Группы феминисток, отстаивающих право на свободу абортов.

⁴ Поддерживают леволиберальный курс нынешнего президента США. Одним из лидеров этого течения является бывший государственный секретарь Колин Пауэлл.

Раздробление консерватизма на отдельные направления

Сегодня в западных странах консервативная идеология и консервативное движение разделились на ряд течений, которые слабо связаны между собой (в основном в связи с участием в выборах в рамках одной партии) или же находятся в состоянии конфликта. Консерваторы разных типов даже в одной стране могут исповедовать диаметрально противоположные взгляды по разным политическим вопросам. Например, мейнстримные консерваторы и социальные консерваторы занимают различные позиции по отношению к легализации однополых браков; неоконсерваторы и палеоконсерваторы совершенно по-разному видят приоритеты внешней политики США и пр.

Мейнстримные консервативные партии (особенно в Западной Европе) все чаще присваивают себе повестку либеральных, правопопулистских и даже левых партий. Фактически каждый раз, когда речь идет о «консервативной партии», необходимо выяснять, какова ее программа и насколько она соответствует собственно консервативной идеологии.

Либеральный консерватизм

Это идеологическое направление преобладает в платформах большинства мейнстримных консервативных партий в странах ЕС. Фактически речь идет об умеренном либерализме, который ради сохранения электоральных позиций заинтересован в лейбле «консерватизм».

Либеральный консерватизм сосредоточен на экономических вопросах, он уделяет основное внимание обеспечению экономического роста, развитию конкуренции, уменьшению участия государства в экономике, обеспечению благоприятных условий для ведения бизнеса и стимулированию предпринимательской инициативы¹. Данное

¹ *Diamond, Patrick*. The New 'Progressive' Conservatism is a Threat to the Centre-Left // *New Statesman*. September 8, 2013. URL: <http://www.newstatesman.com/international-politics/2013/09/new-progressive-conservatism>.

течение допускает умеренную социальную поддержку населения со стороны государства, но высказывается против протекционизма и массивного государственного вмешательства в экономику. В целом либеральный консерватизм придерживается экономической программы неоллиберализма и стремится если не к ликвидации «государства всеобщего благосостояния», то по крайней мере к существенному ограничению социальных затрат и предотвращению их дальнейшего роста.

Хотя сторонники этого направления нередко используют риторику о национальных традициях и культурном наследии, в морально-нравственных вопросах они занимают весьма либеральную позицию. Нередко, как, например, в странах Скандинавии, они одобряют легализацию однополых браков и некритически заимствуют экологическую повестку.

Сторонники данного течения полностью преобладают, например, в Консервативной партии Великобритании. Даже самое консервативное ее крыло (так называемая *Cornerstone Group*), декларируя приверженность Англиканской церкви и семейным ценностям, допускает саму возможность совершения абортов по свободному выбору женщины и выступает лишь за ограниченный пересмотр иммиграционного законодательства.

Социальный консерватизм

Данное направление концентрируется прежде всего на сохранении традиционных моральных ценностей. В их число входят: укрепление семьи, законодательное определение брака только как союза между мужчиной и женщиной, максимальное ограничение оснований для совершения абортов, противодействие легализации эвтаназии и усыновлению детей однополыми парами.

Социальный консерватизм играет огромную роль в США, где он является основой идеологической платформы Республиканской партии и обеспечивает ей поддержку со стороны консервативно настроенного электората. Напротив, для мейнстримных консервативных партий стран Западной Ев-

ропы социальный консерватизм в лучшем случае представляет собой второстепенную составляющую их риторики (например, для французского Союза за народное движение). В худшем случае мейнстримные консерваторы Европы открыто порывают с поддержкой традиционных ценностей христианского происхождения, замещая их постхристианской либеральной повесткой, как это сделала Консервативная партия Великобритании. Сегодня в странах Западной Европы поддержка идей социального консерватизма – удел правых популистов или небольших нишевых партий. Против социального консерватизма действуют социокультурные и демографические тенденции: под влиянием масс-медиа молодые поколения в Европе и Америке придерживаются значительно более либеральных взглядов, чем их родители. Так, и в консервативной Америке, и в достаточно религиозной Финляндии легализацию однополых браков поддерживают прежде всего более молодые группы населения.

Религиозный консерватизм

Это течение, как правило, тесно переплетается с социальным консерватизмом. В реальности идеи социального и религиозного консерватизма, особенно в США, часто разделяют одни и те же люди. В данном вопросе между Америкой и Европой существуют очень большие различия. В США религиозные консерваторы со своей повесткой играют большую роль в Республиканской партии еще с 1970–1980-х годов, когда они стали одной из важнейших групп республиканского электората. Поэтому в Соединенных Штатах и возможны попытки религиозных консерваторов уже в наше время добиться запрета на преподавание теории Дарвина и концепции эволюции в учебных заведениях некоторых штатов и городов.

В Западной Европе повестка религиозного консерватизма, напротив, почти ушла из программ мейнстримных консервативных партий. Они в лучшем случае ограничиваются мало к чему обязывающей риторикой о христианских корнях и христианском культурном наследии Европы, избегая конкрети-

зации этих установок в политической программе. Те мейнстримные консерваторы, которые играют ведущую роль в политике стран Западной Европы, избегают акцента на религиозных вопросах. Такой линии под руководством Ангелы Меркель придерживается Христианско-демократическая партия Германии, которая неофициально выступает образцом для подражания для большинства мейнстримных консерваторов Западной Европы. Например, в Дании правящая консервативная партия «Венстре», выступая за сохранение консервативных ценностей, в то же время призывает к отделению церкви от государства и введению свободы вероисповедания.

Традиционные же консервативные партии, подчеркивающие значение религиозной проблематики, сталкиваются с электоральным упадком и превращаются в маловлиятельные нишевые структуры, как например, Реформистская партия в Нидерландах и Христианско-демократическая партия в Швеции. Правые популисты и евроскептики, которые столь успешно перехватывают консервативную повестку и привлекают консервативно настроенных избирателей, как правило, весьма сдержанно относятся к религиозному консерватизму. Примером служит французский Национальный фронт, который делает акцент на необходимости сохранения светского характера государства и дистанцируется от ассоциаций с теми или иными конфессиями, хотя значительная часть ядерного электората партии – верующие католики.

Сегодня религиозный консерватизм напрямую успешно участвует в партийной политике только в США и некоторых странах Восточной Европы (прежде всего в Польше), где оказывает существенное влияние на повестку мейнстримных консервативных партий и может с их помощью добиваться ряда своих целей. Напротив, в странах Западной Европы сторонники этого направления вынуждены искать новые формы политического участия с помощью организации непартийных общественных движений вроде французского “Manif Pour Tous”, оказавшегося весьма эффективным способом мобилизации консервативно настроенной части общества.

Национальный консерватизм

Приверженцы этого типа консерватизма стремятся в первую очередь к защите национального суверенитета в условиях глобализации и евроинтеграции (в странах ЕС). Национальный консерватизм преследует такие цели, как ограничение иммиграции этнически и культурно чуждого населения, сохранение национальной идентичности и связанных с ней традиций, обеспечение максимально возможной степени независимости своего государства в современном мире.

С национальным консерватизмом тесно связаны идеи экономического национализма и протекционизма, предусматривающие масштабное государственное вмешательство в экономику и политику защиты внутреннего рынка от неограниченной конкуренции извне.

Национальный консерватизм очень широко распространен в Республиканской партии США. На протяжении длительного времени многие влиятельные политики-республиканцы настаивают на приоритете суверенитета и законодательства Соединенных Штатов над международными соглашениями и теми обязательствами, которые накладывает на Америку участие в международных организациях. Их усилия достаточно эффективны: национальным консерваторам удалось заблокировать участие США в ряде международных соглашений (например, добиться отказа Вашингтона ратифицировать Киотский протокол по глобальному контролю климата).

В Европейском союзе национальный консерватизм сегодня, как правило, принимает форму евроскептицизма. Базовыми идеями этого направления являются: защита национальной идентичности и культуры, передача полномочий от евробюрократии отдельным государствам (вплоть до выхода из состава ЕС), приоритет решений национального государства над решениями властей ЕС, расширение социально-экономической самостоятельности своей страны (вплоть до отказа от евро) и более эффективное противодействие миграции (включая выход из Шенгенского соглашения).

Почти все мейнстримные консервативные партии¹ поддерживают углубление евроинтеграции, поэтому в Западной Европе сторонники национального консерватизма, как правило, связаны с партиями правых популистов и евроскептиков. Наиболее яркий пример национального консерватизма этого типа – французский Национальный фронт. Партия Марин Ле Пен, кроме борьбы с иммиграцией, выступает за поддержку традиционных ценностей и семьи, сохранение национальной культуры, масштабные социальные программы в духе «государства всеобщего благосостояния», независимую от США, НАТО и ЕС внешнюю политику, активное государственное вмешательство в экономику и протекционизм в отношении национальных производителей в духе политики де Голля в 1960-х годах.

Политический консерватизм

Наиболее слабо на Западе сегодня представлен политический консерватизм – направление, которое фокусирует свое внимание на вопросах политической организации общества, а не на темах экономики и общественной морали. Данная ситуация сложилась после 1945 года, когда захват США мирового лидерства сделал в западных странах делом маргиналов отстаивание иных форм политического устройства, кроме демократии. В этом кардинальное различие с первой половиной XX века, когда многие консервативные партии и движения Европы выступали за создание политических систем, серьезно отличающихся от западной либеральной демократии.

В настоящее время различные консервативные силы в Европе не ставят вопрос о коррекции демократической политической системы. Мейнстримные консервативные партии просто не видят здесь проблемы. Правые популисты и евроскептики делают акцент на необходимости укрепления демократической политической системы на национальном уровне за счет возврата многих

¹ Исключение – Консервативная партия Великобритании, где национальные консерваторы сильны и успешно продвигают идею проведения референдума о выходе из ЕС.

полномочий, ранее переданных евробюрократии. Риторика правых популистов носит радикально демократический характер, они широко используют тезис, что элиты (включая политический истеблишмент мейнстримных консервативных партий) «предали демократию».

В Соединенных Штатах критика политической системы консерваторами также вдохновляется идеями усиления демократии за счет децентрализации власти. Американских консерваторов объединяет стремление к сокращению прерогатив «большого правительства» – федеральной власти в Вашингтоне путем расширения полномочий штатов и органов местного самоуправления. На данных позициях стоит «Партия чаепития» – а именно эта фракция, объединяющая социальных консерваторов, правых популистов и либертарианцев, сегодня оказывает наибольшее влияние на повестку мейнстримной консервативной Республиканской партии. Идеалом консервативных критиков в США является

приближение к опыту американской демократии XIX века, а не внедрение иных форм политического устройства общества. Отдельные проекты ревизии демократии как политической системы носят элитарный характер (как, например, идеи миллиардера Николаса Берггрюена о конвергенции западной демократии и китайской автократии в новую мировую политическую систему – меритократию). Влияние подобных идей на Западе весьма ограничено, и они не востребованы в публичной (прежде всего электоральной) политике. Так, одной из главных причин вытеснения неоконсерваторов из Республиканской партии стал их элитаризм. Они подчеркивали, что хотя демократия является наиболее предпочтительной формой политического устройства, она несет с собой риск чрезмерного вовлечения граждан в политику и связанной с этим нестабильности – и поэтому демократия должна быть уравновешена безусловным преобладанием элит в деле управления обществом.

Глава 2

Консервативные партии и движения в странах Запада

Электоральные результаты мейнстримных консервативных партий

Выборы глав государств, депутатов национальных парламентов, Европарламента и органов местного самоуправления на протяжении последних лет продемонстрировали неоднозначную для мейнстримных консервативных партий картину. Одни – например, германские ХДС/ХСС – удерживают лидирующие позиции в политике своих стран, другие – например, британская Консервативная партия – испытывают сильное давление со стороны политических новичков и уже уступили им значительную часть «своего» электората. В целом в ЕС политический вес мейнстримных консервативных партий с начала в 2008 году экономического кризиса сократился, причем в некоторых странах весьма существенно.

В США Республиканская партия потерпела поражения на президентских выборах в 2008 и 2012 годах. Но благодаря «Партии чаепития» республиканцы выиграли выборы в Конгресс в 2010 и 2012 годах и сохраняют контроль над его нижней палатой, уже три с половиной года блокируя большинство законодательных инициатив президента-демократа Обамы. Новые промежуточные выборы в Конгресс США в ноябре 2014 года дадут ответ на вопрос, сохранила ли еще Республиканская партия потенциал для успешной борьбы за президентское кресло в 2016 году?

Можно констатировать, что в последние годы главной электоральной проблемой для мейнстримных консервативных партий стали успешные новые партии, использующие риторику правого популизма, протеста против истеблишмента и/или евроскептицизма. В Европе новые партии в состоянии привлечь к себе значительную часть избирате-

лей, которых не устраивает фактический отказ традиционных консервативных партий от собственно консервативной идеологии. В США Республиканская партия не сталкивается с этим вызовом, так как сумела довольно успешно включить в себя правопопулистское движение «Партия чаепития», ставшее одной из главных составляющих электората республиканцев.

Давление новых партий достигло такой степени, что в ряде западных стран мейнстримные консервативные партии оказались перед необходимостью серьезно скорректировать свой курс путем перехвата ряда лозунгов новых партий (Великобритания) или же интеграции их в свои ряды (США). Эффективность этой стратегии в одних случаях очевидна (США), в других сомнительна (Великобритания). Но ясно, что при определенных обстоятельствах отказ идти на подобные маневры (как, например, во Франции) подрывает электоральные позиции традиционных консервативных партий.

Великобритания

Консервативная партия выиграла парламентские выборы в 2010 году, получив 306 мандатов из 650, и с тех пор ее лидер, премьер-министр Дэвид Кэмерон, управляет страной благодаря правительственной коалиции¹ с Партией либеральных демократов. Однако вскоре после выборов популярность консерваторов стала ощутимо снижаться, что было обусловлено неспособностью правительства преодолеть затяжной социально-экономический кризис и справиться с проблемой иммиграции. Деятельность кабинета министров осложняют серьезные разногласия между партнерами по коалиции: например, либеральные демократы настроены проевропейски, а многие тори (не менее 40%) выступают за выход из ЕС.

В результате Консервативная партия в мае 2012 и мае 2013 года проиграла частичные выборы в местные органы власти. При этом в минувшем году большого успеха добилась Пар-

тия независимости Соединенного Королевства (UKIP, лидер – Найджел Фарадж), получившая 23% голосов и 147 депутатских мандатов². Эту тенденцию закрепили выборы в Европарламент в мае 2014 года, на которых партия заняла первое место (27,5% голосов, 24 мандата), при том что Консервативная партия – только третья (23,6% голосов, 19 мандатов).

Консерваторы оказались в сложном положении. Неудачная политика правительства Кэмерона ведет к дальнейшему уменьшению их рейтинга накануне парламентских выборов 2015 года. К Партии независимости во все большей степени переходит базовый электорат тори³, разочарованный отходом⁴ руководства партии от консервативных позиций. Еще до выборов в Европарламент прогноз на парламентские выборы 2015 года обещал Партии независимости третье место по количеству набранных голосов⁵. Нельзя исключать, что через год Кэмерон будет иметь единственную возможность сформировать новое правительство лишь в коалиции с Партией независимости.

Поскольку Консервативная партия терпит тяжелые поражения от евроскептиков и правых популистов, руководство консерваторов ищет решение своих проблем в заимствовании ключевых идей Партии независимости. Премьер-министр Кэмерон высказался за

² Это серьезное достижение, так как в Великобритании применяется мажоритарная избирательная система относительного большинства, крайне неблагоприятная для новых и малых партий.

³ Local Elections: Ukip and Respect Gain Ground // The Telegraph, 4 May 2012. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/local-elections/9245045/Local-elections-Ukip-and-Respect-gain-ground.html>

⁴ Например, консервативное правительство Кэмерона добилось принятия парламентом закона об однополых браках. Напротив, Партия независимости выступила решительно против этого закона, в отличие от основных традиционных партий Великобритании.

⁵ Local Elections 2013: Nigel Farage's Ukip Surges to Best Ever Showing, Winning 150 Seats // The Telegraph, 3 May 2013. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/ukip/10036463/Local-elections-2013-Nigel-Farages-Ukip-surges-to-best-ever-showing-winning-150-seats.html>

¹ Нынешнее правительство Великобритании – первый коалиционный кабинет министров после окончания Второй мировой войны в 1945 году.

проведение референдума о выходе Великобритании из ЕС и призвал лишить права свободного передвижения внутри ЕС граждан бедных стран Восточной Европы, которые мигрируют в Западную Европу в поисках работы и социальных пособий. Хотя пока Кэмерон обещает провести референдум о выходе из ЕС только в 2017 году, не исключено, что ради повышения рейтинга своей партии ему придется заимствовать еще одно требование Партии независимости – о проведении этого референдума уже в 2015 году, вместе с очередными парламентскими выборами.

Испытывая сильнейшее электоральное давление со стороны Партии независимости, консерваторы вступили на путь использования ее повестки – радикального евроскептицизма и жесткой борьбы с иммиграцией. Консервативная партия ради выживания постепенно отказывается от преобладавшей в ней идеологии «неолиберального консенсуса», сдвигаясь к защите интересов британских «локалов». Поможет ли эта стратегия консерваторов, или наоборот, лишь ускорит восхождение их главного конкурента в лице Партии независимости, покажут парламентские выборы 2015 года.

Франция

Неудачное правление Николя Саркози привело к тому, что он сам проиграл президентские выборы в мае 2012 года¹, а его партия «Союз за народное движение» потерпела поражение на парламентских выборах² в июне того же года. Эти выборы были отмечены переходом значительного числа избирателей от традиционных консерваторов к Национальному фронту, который под руководством Марин Ле Пен превратился в правопопулистскую партию, сочетающую требования правых и левых.

К счастью для Союза за народное движение, правление президента-социалиста Фран-

¹ Проиграл во втором туре, набрав 48,36% голосов.

² На парламентских выборах 2007 года Союз за народное движение завоевал 313 мест из 577 в нижней палате парламента Франции, а в 2012 году ему досталось лишь 194 места (по сравнению с 280 мандатами у Социалистической партии).

суа Олланда оказалось еще менее удачным – за два года он и его партия почти полностью утратили популярность за пределами базового электората (15–20% избирателей). Эксплуатируя неудачливость правящей партии, Союз за народное движение в определенной мере восстановил свою популярность, а Саркози, вернувшийся на второе место в рейтингах, планирует участвовать в президентских выборах в 2017 году.

Вместе с тем нынешняя поддержка Союза за народное движение держится на довольно шатком основании. Хотя партия выиграла большинство частичных местных выборов в 2013 и 2014 годах, она испытывает сильное электоральное давление со стороны популистов и евроскептиков из Национального фронта. Это еще раз продемонстрировали выборы в Европарламент, на которых Национальный фронт набрал 24,85% голосов (24 места), тогда как Союз за народное движение получил 20,8% голосов (20 мест). Начиная с 2013 года, в ряде социологических опросов Марин Ле Пен также занимает первое место: она уверенно опередила бы Саркози, в случае если бы президентские выборы прошли в ближайшее время.

Местные выборы 2013 и 2014 годов показали, что популярность Национального фронта выросла до такой степени, что он стал одерживать победы в рамках крайне неблагоприятной для него избирательной системы, применяемой во Франции³. Представители Национального фронта уже выиграли мэрские выборы в ряде городов и имеют неплохие шансы в значительном числе пройти во французский парламент. Всё это связано

³ Во Франции с 1986 года применяется мажоритарная система абсолютного большинства, которая, как правило, приводит к голосованию в два тура по одномандатным округам. Она была введена специально для противодействия Национальному фронту. Если его кандидат проходил во второй тур, то социалисты и правые объединялись против него вокруг наиболее сильной кандидатуры одной из двух главных партий в рамках так называемого Республиканского фронта. Такая избирательная система и такая стратегия вплоть до 2012–2013 годов надежно блокировали доступ во французский парламент представителей Национального фронта.

прежде всего с «миграцией» к партии Ле Пен части электората Союза за народное движение, что угрожают сократить представительство во власти традиционных французских консерваторов.

Переход избирателей от Союза за народное движение к Национальному фронту обусловлен в том числе тем, что программа французских консерваторов во многом не удовлетворяет их прежних сторонников, которым становятся ближе более радикальные и решительные идеи Ле Пен. Например, если Союз за народное движение обещает стимулировать экономический рост и бороться с безработицей, то Национальный фронт призывает вернуться к полноценному протекционизму, подобно тому, как это делал в 1960-х годах президент де Голль.

Традиционные консерваторы высказываются за интеграцию и ассимиляцию иммигрантов, а правые популисты Ле Пен призывают к максимально жесткому ограничению иммиграции из мусульманских стран. Обе партии апеллируют к традиционным моральным и культурным ценностям, но партия Ле Пен делает это более последовательно. Например, и Союз за народное движение, и Национальный фронт выступили против введения во Франции однополых браков. Но почти все традиционные консерваторы воздержались в феврале 2014 года при голосовании в парламенте закона о равенстве мужчины и женщины, который отменял ограничения на аборт, – а их конкуренты боролись против его принятия.

Союз за народное движение твердо высказывается за дальнейшее развитие европейской интеграции. На фоне роста поддержки идей евроскептицизма электорально более выигрышной является позиция Национального фронта, который уже длительное время призывает к выходу страны из зоны евро, денонсации шенгенских соглашений, восстановлению таможенных границ, обретению Францией большей степени независимости от ЕС и международных организаций за счет возврата к принципу приоритета национального законодательства. В условиях нарастающего кризиса французской политической системы и процесса евроинтеграции все большую популярность при-

обретают призывы Национального фронта укрепить суверенитет Франции, вернувшись к традициям де Голля. Речь идет о независимой и сбалансированной внешней политике, хороших отношениях с Россией, масштабных социальных расходах, активном государственном вмешательстве в экономику и протекционизме для защиты французских производителей.

Мейнстримная консервативная партия «Союз за народное движение» находится в сложном положении: она продолжает уступать своих избирателей Национальному фронту. Попытки заимствовать отдельные идеи НФ, в первую очередь, антииммигрантскую риторику, не приносят видимого успеха. Хотя Союз за народное движение готов обсуждать угрозы, связанные с иммиграцией и исламским экстремизмом, его конкретные предложения всегда выглядят слабыми на фоне ясных и решительных лозунгов Ле Пен.

В то же время Союз за народное движение не может заключить альянс с Национальным фронтом, чтобы «удушить его в дружеских объятиях». Основная партия французских консерваторов скована политической традицией, идущей с 1980-х годов, согласно которой системные партии должны совместно бороться с Национальным фронтом и удерживать его в маргинальном спектре. К тому же над Союзом за народное движение довлеют негативные воспоминания о неудачном президентстве Саркози и связанных с ним коррупционных скандалах, в результате чего партия утратила в глазах очень многих избирателей образ реальной альтернативы социалистам.

Италия

Мейнстримные консервативные силы в Италии переживают глубокий кризис после заката в 2012–2013 годах политической карьеры Сильвио Берлускони и распада его правоцентристской политической коалиции. На последних парламентских выборах в феврале 2013 года коалиция Берлускони еще набрала 29,2% голосов на выборах нижней палаты и 30,7% голосов на выборах верхней палаты. Но из-за особенностей итальянско-

го избирательного законодательства¹ представительство депутатов правоцентристской коалиции не позволяет ей противодействовать работе большинства – депутатов от левоцентристской коалиции «Италия. Общее благо»², которая на самих выборах набрала лишь немногим больше голосов.

Коалицию Берлускони уничтожил конфликт между ним и секретарем его партии «Народ свободы» Анджелино Альфано, когда летом 2013 года Берлускони неудачно попытался спровоцировать правительственный кризис, чтобы избежать суда за неуплату налогов. В результате в сентябре 2013 года он объявил о самороспуске «Народа свободы» и воссоздании своей прежней партии «Вперед, Италия!». Вместе с Берлускони остались 98 депутатов нижней палаты (21,6% ее членов), которые не в состоянии серьезно влиять на расклад сил в парламенте.

Сегодня перспективы мейнстримного консервативного движения в Италии более чем туманны. Берлускони стар и дискредитирован, ему на смену не пришел сильный лидер, а сами консерваторы в результате ряда политических кризисов и неудачи на выборах фактически вытеснены на обочину итальянской политики. Возможности для поворота к популизму закрыты в результате взлета внепартийного движения «Пять звезд», которое сегодня является второй си-

лой в национальной политике и более чем успешно эксплуатирует повестку популизма и евроскептицизма.

Новым доказательством кризиса мейнстримных консервативных сил стали итоги выборов в Европарламент в мае 2014 года. Партия Берлускони «Вперед, Италия!» набрала 16,8% голосов (13 мест) по сравнению с 35,3% голосов (29 мест), которые на минувших выборах собрала партия «Народ свободы»³. Союзники Берлускони из регионалистской партии «Лига Севера», стоящей на позициях евроскептицизма, также ухудшили результаты, набрав 6,2% голосов (5 мест) вместо 10,2% голосов (9 мест).

Итальянский мейнстримный консерватизм пока не имеет очевидных путей выхода из кризиса. Его идеология, основанная на сочетании христианско-демократических идей, обещаний сохранить национальную идентичность, обуздать нелегальную иммиграцию и этническую преступность, утратила привлекательность для подавляющего большинства итальянских избирателей. Приверженность идеям углубления европейской интеграции не дает партии «Вперед, Италия!» сыграть на росте популярности евроскептицизма, к тому же эта ниша уже успешно занята движением «Пять звезд».

Германия

Христианско-демократический союз (лидер – канцлер Ангела Меркель) и его главный союзник в лице Христианско-социального союза в Баварии остаются ведущей политической силой в современной Германии. На парламентских выборах 2013 года альянс ХДС/ХСС получил 41,5% голосов (311 из 631 места в Бундестаге), резко увеличив свое представительство в федеральном парламенте⁴. Однако победа на выборах не дала ХДС/ХСС

³ На этом фоне больших успехов достигли левоцентристы из Демократической партии, которые получили 40,8% голосов (31 мандат) вместо 26,1% голосов (21 мандат) на предыдущих выборах в Европарламент. Хорошие результаты у популистского движения «Пять звезд» – 21,2% голосов и 17 мандатов.

⁴ По сравнению с выборами 2009 года, результат ХДС/ХСС увеличился на 7,8%, что эквивалентно дополнительным 72 депутатским мандатам в Бундестаге. Это лучший электоральный результат ХДС/ХСС за последние 20 лет.

¹ Хотя в Италии используется пропорциональная избирательная система, распределение мест в парламенте осуществляется крайне непропорционально. По инициативе С. Берлускони, когда он занимал пост премьер-министра, в закон было внесено положение о том, что партия, чей список набрал первое место по числу голосов, автоматически получает вдобавок к завоеванным ею мандатам большое количество «призовых» мест. Например, в результате действия этого закона на последних выборах сложилась ситуация, когда занявшая первое место левоцентристская коалиция получила в Палате депутатов 340 мест из 640, а немного отставшие от нее правоцентристская коалиция Берлускони и движение «Пять звезд» – только 124 и 108 соответственно. В настоящее время суд признал неконституционным это положение закона, и, вероятно, к новым выборам оно будет отменено.

² Левоцентристы набрали 29,5% голосов на выборах нижней палаты и 31,6% голосов на выборах в сенат.

достаточно голосов для того, чтобы самостоятельно сформировать новое правительство, в результате чего им пришлось пойти на заключение «большой коалиции» с главным политическим оппонентом – Социал-демократической партией Германии (СДПГ). Таким образом, немецкие консерваторы вынуждены согласовывать свой курс с политическими противниками, что сказывается на его содержании.

Германские политологи объясняют электоральные успехи ХДС/ХСС двумя основными причинами.

1. Правительство А. Меркель обеспечило сравнительно безболезненное преодоление Германией экономического кризиса в то время, когда многие страны ЕС испытали огромные трудности, столкнулись с массовой безработицей и были вынуждены прибегнуть к жесткой бюджетной экономии. Контраст между результатами работы кабинета Меркель и ее коллег в других странах ЕС носит разительный характер и вполне осознается немецкими избирателями.

2. Немецкие консерваторы проявляют большую гибкость в идейном отношении. Например, в 2011 году, после катастрофы на АЭС в японской Фукусиме, Меркель приняла решение о полном отказе Германии от ядерной энергетики к 2022 году. Это решение вполне соответствует настроениям более молодых избирателей, хотя в корне противоречит традиционной позиции альянса ХДС/ХСС, который всегда отстаивал развитие ядерной энергетики. Правительство Меркель пошло на заимствование ряда популярных идей, противоречащих консервативной идеологии: отмена всеобщей воинской обязанности, увеличение социальной помощи семьям, послабления в вопросах двойного гражданства для немецких турок, борьба с глобальным потеплением, введение на федеральном уровне минимального размера оплаты труда, противодействие быстрому росту арендной платы, шаги по юридическому признанию однополых партнерств¹.

¹ Germans Want a 'Mutti': The Secret of Merkel's Success // Spiegel-online International. September 22, 2013. URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/merkel-at-peak-of-her-powers-as-she-wins-third-term-a-923814.htmlSanguinetti.xhtml>

Курс, который Меркель проводит последние несколько лет, спровоцировал рост напряженности в отношениях между ХДС и ее традиционным партнером, баварским Христианско-социальным союзом (ХСС)². Последний настроен гораздо более консервативно, чем ХДС, поэтому серьезные подвижки Меркель в сторону либеральной повестки вызывают осложнения в отношениях обеих партий. Программа ХСС носит существенно более консервативный характер, чем программа ХДС. Например, баварские консерваторы выступают против любых попыток централизации, подчеркивают приверженность христианским ценностям и идее свободного рынка. ХСС призывает к отказу от евро, развитию элементов прямой демократии в виде референдумов и возобновлению использования ядерной энергетики.

По сравнению с другими европейскими странами, мейнстримные немецкие консерваторы находятся в весьма благоприятной ситуации. Политическая элита Германии жестко блокирует возможности для подъема правопопулистских и праворадикальных партий, оперируя аргументами о необходимости помнить уроки истории. Политическая конкуренция искусственно ограничивается, что пока позволяет нейтрализовать существующий в стране потенциал³ для создания новой мощной партии, стоящей на позициях правого популизма и евроскептицизма. Например, созданная в апреле 2013 года партия «Аль-

² На протяжении многих десятилетий ХСС является доминирующей политической силой в федеральной земле Бавария. На выборах в региональный парламент в 2013 году ХСС подтвердил свои позиции, набрав 47,7% голосов (101 место из 180).

³ По опросам накануне последних парламентских выборов, 20–25% немецких избирателей были готовы проголосовать за евроскептиков. Наблюдается ослабление традиционных малых партий вроде Свободной демократической и Левой, которые на выборах 2013 года потеряли значительную часть сторонников. В Германии постепенно растет число избирателей, которых не устраивают традиционные партии и которые готовы поддержать новую силу, способную предложить убедительную альтернативу.

тернатива для Германии»¹, которая стоит на позициях умеренного евроскептицизма², на выборах в Бундестаг набрала только 4,7% голосов³, а на майских выборах в Европарламент – 7% (7 мест).

Австрия

Мейнстримные консерваторы из Австрийской народной партии (лидер – вице-канцлер Михаэль Шпинделегер) на протяжении многих лет сохраняют позиции одной из главных политических сил страны. Австрийская народная партия во многом сохраняет приверженность традиционной консервативной идеологии: она выступает против аборт, однополых браков, введения новых налогов. В то же время австрийские консерваторы – решительные сторонники европейской интеграции. На парламентских выборах в сентябре 2013 года партия заняла второе место, получив 24% голосов (47 мандатов). После выборов партия вступила в правительственную коалицию со своим основным оппонентом – Социал-демократической партией Австрии.

Особенность австрийской ситуации заключается в чрезвычайно сильной конкуренции с так называемыми правопопулистскими партиями, в которой начиная с 1990-х годов вынуждены участвовать консерваторы. Например, на последних выборах очень хороший результат в 21,4% голосов (42 мандата) получила Австрийская партия свободы, которую некогда возглавлял знаменитый политик Йорг Хайдер. На этих выборах успешно выступила и новая партия – «Команда Штронах» (5,8% голосов и 11 мандатов), стоящая на позициях умеренного евроскептицизма и

¹ «Альтернатива для Германии» создана группой выходцев из ХДС в целях противодействия политике канцлера А. Меркель в отношении кризиса еврозоны.

² Главная цель партии «Альтернатива для Германии» – выход страны из зоны евро и возврат национальной валюты – марки. Партия не выступает за выход Германии из ЕС, считая эту организацию полезной для страны. «Альтернатива для Германии» высказывается за упрощение налогового законодательства и ограничение иммиграции.

³ Не преодолела 5%-ный барьер.

широко использующая популистские идеи (например, обеспечить участие наемных работников в прибыли предприятий).

В Австрии, как и во Франции, правые популисты фактически стали третьей политической силой, сравнимой по электоральной поддержке с традиционными консерваторами и социал-демократами. В этих условиях австрийские консерваторы не могут использовать антииммигрантскую повестку и тему евроскептицизма, поскольку они уже в полной мере задействованы в пропаганде правых популистов. Таким образом, политическое будущее Австрийской народной партии находится под вопросом: в электоральном плане она зажата между социал-демократами и правыми популистами, тогда как возможности для эффективного маневра у нее ограничены.

Нидерланды

«Народная партия за свободу и демократию» (лидер – премьер-министр Марк Рютте) остается самой сильной в стране, находясь сегодня у власти в составе коалиционного правительства вместе с левоцентристской Рабочей партией («Партия за труд»). Мейнстримные консерваторы оказались победителями последних парламентских выборов в сентябре 2012 года, когда их партия стала лидером, набрав 26,5% голосов (41 место).

В идейном плане «Народная партия за свободу и демократию» отказалась от консервативной идеологии и перешла на позиции правого либерализма. Выступает за политику жесткой бюджетной экономии, поддерживает аборт, право на эвтаназию и обеспечение прав ЛГБТ-сообщества, предлагает ужесточить ограничения на иммиграцию в Нидерланды из мусульманских стран.

«Народная партия за свободу и демократию» испытывает значительное давление со стороны правопопулистской Партии свободы (лидер – Герт Вилдерс). Правда, в последнее время это давление стало ослабевать: на парламентских выборах в 2012 году Партия свободы получила только 10,1% голосов и потеряла 9 из 24 депутатских мандатов; на выборах в Европарламент в мае 2014 года Партия свободы набрала 13,4% голосов (4 места), утратив с прошлых выборов 3,5% поддержки.

В таких условиях Партия свободы начала сдвигаться в сторону более традиционной консервативной идеологии, заключив на выборах в Европарламент альянс с французским Национальным фронтом Марин Ле Пен. Однако в целом Партия свободы остается на позициях правого либерализма, практически либертарианства американского типа, отличаясь от мейнстримных консерваторов главным образом евроскептицизмом и резким неприятием иммигрантов из мусульманских стран. Партия свободы по-прежнему поддерживает однополые браки, аборт и право на эвтаназию.

В современных Нидерландах партии с традиционной консервативной повесткой находятся на далекой периферии национальной политики. Так, ортодоксальная протестантская Реформистская партия, считающая, что деятельность правительства должна быть целиком основана на учении Библии, на последних парламентских выборах смогла набрать только 2,1% голосов (3 места). Другая партия – Христианский союз – выступает с позиций социального консерватизма (прежде всего против однополых браков), получила 3,1% голосов (5 мест).

Испания

Консервативная Народная партия (лидер – премьер-министр Мариан Рахой) преобладает в политической жизни страны. В 2011 году Народная партия одержала убедительную победу на выборах, набрав 44,6% голосов, что обеспечило ей 186 из 350 мест в нижней палате парламента. Идеология партии представляет собой сочетание правого либерализма и консерватизма. Так, она выступает с критикой легализованных в стране однополых браков, но в то же время поддерживает европейскую интеграцию и либеральную политику в отношении трудовых и нелегальных иммигрантов. Народная партия достаточно далеко отошла в сторону правого либерализма от традиционного испанского консерватизма, каким он был, например, в эпоху Франсиско Франко, хотя консервативных элементов в программе этой партии сохранилось больше, чем в программах немецкой ХДС или французского Союза за народное движение.

По оценкам некоторых экспертов, электоральный успех Народной партии в 2011 году носил в основном ситуативный характер, будучи обусловлен прежде всего реакцией испанских избирателей на катастрофический провал политики Социалистической партии, правившей страной с 2004 по 2011 год. К концу этого периода уровень безработицы превысил 25% (в том числе среди молодежи – 50%), внешний долг резко и существенно вырос, а политика жесткой экономии показала свою неэффективность. Доказательством тому стали результаты майских выборов в Европарламент, на которых Народная партия набрала лишь 26,1% голосов (16 мест) вместо 42,1% (24 места) на выборах 2009 года.

Несмотря на явное снижение популярности испанских консерваторов, они сохраняют лидирующие позиции в национальной политике во многом благодаря отсутствию в стране сильной партии правых популистов и/или евроскептиков. Специфика испанской политики заключается в том, что запрос на евроскептицизм локализован на левом фланге политической системы, где его выражает ряд сил¹, которые в совокупности ослабляют позиции Социалистической партии и препятствуют ее политическому рваншу.

Финляндия

Мейнстримные консерваторы представлены Национальной коалиционной партией (лидер, с июня 2014 года, – премьер-министр Александр Стубб, ранее – премьер-министр Юрки Катайнен), которая на парламентских выборах в апреле 2011 года заняла первое место, набрав 20,4% голосов (44 мандата). Коалиционная партия возглавляет широкое коалиционное правительство с участием социал-демократов, зеленых, радикальных левых и Партии шведского меньшинства. В идеологическом плане Национальная коалиционная партия практически перешла на позиции чистого либерализма. Она поддержи-

¹ Например, недавно созданная левая партия «Мы можем» (Podemos), набравшая на выборах в Европарламент в мае 2014 года сразу 8% голосов (5 мест).

вает углубление европейской интеграции, развитие мультикультурализма и толерантности, хотя большинство членов партии пока высказывается против легализации в Финляндии однополых браков.

Национальная коалиционная партия находится в той же ситуации, что и мейнстримные консервативные партии во Франции и в Австрии. Она зажата между социал-демократами и правыми популистами из партии «Истинные финны»¹. Традиционным финским консерваторам сложно противостоять натиску «Истинных финнов», которые подобно французскому Национальному фронту сочетают национализм, жесткую борьбу против иммиграции, протекционизм, евроскептицизм и социальную повестку.

Еще одной умеренной консервативной партией являются «Христианские демократы», которые заявляют о том, что стоят на позициях социального консерватизма. Реальная идеология партии носит либеральный характер: она выступает за защиту ценностей христианской культуры, окружающей среды, за социально ориентированную рыночную экономику, против расизма и дискриминации иммигрантов и языковых меньшинств. Электоральная поддержка партии «Христианские демократы» невелика: на парламентских выборах в 2011 году они набрали всего 4% голосов (6 мандатов).

Швеция

В настоящее время в Швеции правят либеральные консерваторы из Умеренной коалиционной партии и Христианско-демократической партии, которые одержали победу на парламентских выборах в 2010 году и создали правительственную коалицию. Ее основой является Умеренная коалиционная партия» (лидер – премьер-министр Фредрик Райнфельдт), набравшая на выборах 30,1% голосов (107 мандатов).

Программа этой партии, несмотря на остаточную консервативную риторику, носит чисто либеральный характер. Она высту-

пает за углубление европейской интеграции, сокращение бюрократических барьеров для бизнеса, политику жесткой бюджетной экономики и снижения социальных расходов. Умеренная коалиционная партия поддерживает однополые браки и усыновление детей однополыми парами, а также приветствует широкую иммиграцию в Швецию.

Младшим партнером Умеренной коалиционной партии является Христианско-демократическая партия, которая стоит на позициях социального консерватизма и призывает к углублению европейской интеграции. Она предлагает меры по повышению качества образования и расширению возможностей для трудоустройства молодежи, защите пожилых, поддержке малого бизнеса и наемных работников. Христианские демократы поддерживают традиционные христианские ценности и отвергают однополые браки, но при этом высказываются за обеспечение равенства в обществе между мужчинами и женщинами. Электоральная поддержка партии невелика: на последних парламентских выборах она набрала только 5,6% голосов (19 мандатов).

Консервативную повестку пытается использовать несистемная сила национальной политики – партия «Шведские демократы», которая придерживается идеи национализма и правого популизма. Это единственная сила в шведской политике, которая выступает за жесткое противодействие иммиграции, вплоть до депортации иммигрантов. Партия выступает против аборт, хотя поддерживает однополые браки. Популярность «Шведских демократов» постепенно растет: на парламентских выборах 2010 года за них проголосовали 5,7% избирателей (20 мест), а на выборах в Европарламент – уже 9,7% избирателей. Однако партия остается в маргинальном положении, поскольку как правящие умеренные консерваторы, так и оппозиционные левоцентристы (включая социал-демократов) подчеркивают недопустимость какого-либо сотрудничества со «Шведскими демократами».

Норвегия

Парламентские выборы в Норвегии, которые состоялись в сентябре 2013 года, были

¹ На последних парламентских выборах Финская социал-демократическая партия набрала 19,1% голосов, получив 42 мандата, «Истинные финны» – 19% голосов (39 мандатов).

отмечены победой Консервативной партии («Хёйре»). Консерваторы резко улучшили свои результаты, набрав 26,8% голосов (48 мест) по сравнению с предыдущими выборами, когда они смогли получить только 17,2% голосов. Лидер партии Эрна Сульберг сформировала правоцентристскую коалицию и возглавила новое правительство.

Победа «Хёйре» была обусловлена двумя обстоятельствами:

– ранее правившая Рабочая партия была дискредитирована коррупционными скандалами и неудачами во внешней и внутренней политике;

– правые популисты из Партии прогресса¹, несмотря на спрос норвежцев на антииммигрантскую риторику, до сих пор испытывают проблемы с электоральной поддержкой из-за преступления ее бывшего члена, печально известного Андерса Брейвика². Парламентские выборы 2013 года показали переток избирателей от Партии прогресса к Консервативной партии³.

Программа «Хёйре» в настоящее время соответствует позиции социального консерватизма. Партия высказывается за сохранение «государства всеобщего благосостояния» в его норвежской версии (например, предлагает увеличить государственные расходы на систему образования) и повышение эффективности его работы. При этом «Хёйре» заявляет о своем противостоянии социализму и защите принципов экономического либерализма.

Консерваторы заняли жесткую антииммигрантскую позицию (например, они обещают

сократить квоты на прием беженцев на 90% и запретить ношение хиджаба в школах), но при этом поддерживают однополые браки⁴. Хотя «Хёйре» ранее высказывалась за вступление Норвегии в ЕС, но сейчас с учетом непопулярности данной идеи среди избирателей⁵ партия ее переформулировала, заявив, что членство в Евросоюзе – это «долгосрочная цель».

Наблюдается идеологическое и политическое сближение мейнстримной Консервативной партии с Партией прогресса, которая стоит на позициях правого популизма. После парламентских выборов в сентябре 2013 года Консервативная партия и Партия прогресса создали нынешнюю правящую коалицию, причем правые популисты впервые за свою историю вошли в состав норвежского кабинета министров хотя бы на правах младшего партнера.

Консервативная партия во многом заимствовала антииммигрантскую программу правых популистов, а те, в свою очередь, заметно смягчили свою риторику, чтобы отмежеваться от ассоциаций с идеями А. Брейвика. В связи с образованием коалиционного правительства в 2013 году Партия прогресса резко сменила позицию по вопросам однополых браков – от категорического отрицания к решительной поддержке.

Более традиционалистские позиции в Норвегии занимает Христианская народная партия. Она выступает против однополых браков, усыновления детей однополыми парами, против легализации эвтаназии и за максимальное сокращение оснований для совершения аборт. Христианская народная партия стоит на позиции умеренного евроскептицизма, выступая против вступления в ЕС, но не поддерживает жесткое ограничение иммиграции в Норвегию. Партия по большинству вопросов поддерживает нынешнюю правящую коалицию, но отказалась войти в нее из-за принципиальных разногласий по

¹ В 1970–1980-х годах Партия прогресса была либеральной оппозицией норвежской версии «скандинавского социализма». С 1989 года она широко использует антииммигрантскую риторику и становится вариантом умеренной правонационалистической партии.

² А. Брейвик состоял в Партии прогресса с 1999 по 2007 год, но был исключен за неуплату членских взносов.

³ Консервативная партия набрала на выборах 26,8% голосов (48 мандатов из 169) – на 9,6% (и 18 мандатов) больше, чем на предыдущих выборах в 2009 году. Напротив, Партия прогресса получила 16,4% голосов (29 мандатов) – на 6,6% (и 12 мандатов) меньше, чем в 2009 году, и утратила положение второй по популярности партии в Норвегии.

⁴ В 2008 году «Хёйре» голосовала за легализацию однополых браков и разрешение однополым парам усыновлять детей.

⁵ По данным опросов общественного мнения, в 2013 году против вступления в ЕС высказывались 75–77% норвежцев. Эту же позицию занимают более 40% членов парламента.

вопросам защиты окружающей среды (речь идет о планах кабинета министров интенсифицировать добычу нефти и газа на континентальном шельфе, что партия считает неприемлемым). Электоральная поддержка Христианской народной партии сокращается: если на парламентских выборах в 1997 году она получила 13,7% голосов (25 мандатов), то на последних выборах в 2013 году – только 5,6% (10 мандатов).

Дания

С 2011 года либерально-консервативная партия «Венстре» (лидер – Ларс Расмуссен) находится в оппозиции. Несмотря на декларируемую приверженность консерватизму, идеология и программа «Венстре» типичны для правого либерализма. Основной акцент партия делает на необходимость сокращения расходов, ограничения государственного вмешательства в экономику и поддержку конкуренции. «Венстре» ратует за сохранение христианских ценностей, но в то же время выступает за свободу вероисповедания и отделение церкви от государства¹. Декларация связи с христианством не помешала фракции «Венстре» в парламенте в 2012 году проголосовать за легализацию однополых браков. Партия занимает проевропейскую позицию, призывая к дальнейшему углублению интеграции в рамках ЕС. Одновременно «Венстре» заимствовала у левых экологическую тематику, призывая проводить эффективную политику по охране окружающей среды, в частности, ввести экологический налог.

Другой партией мейнстримных консерваторов в Дании является Консервативная народная партия, которая плотно сотрудничает с «Венстре». Партия сочетает приверженность идеям свободного рынка, «малого государства», снижения налогов и сохранения традиционных моральных ценностей. Выказывается за достаточно жесткое регулирование иммиграции и сохранение особой роли государственной Лютеранской церкви в жизни датского общества. Политическая роль Консервативной народной партии резко

¹ В Дании существует официальная государственная религия, представленная Лютеранской церковью.

ограничена после поражения на парламентских выборах в 2011 году, где ей удалось набрать только 4,9% голосов (8 мандатов).

Традиционная консервативная повестка в стране широко используется Датской народной партией, которая стоит на позициях национализма и правого популизма. Партия высказывается за радикальное ограничение иммиграции, против легализации однополых браков и против усыновления детей однополыми парами, требует ужесточения наказания за растление несовершеннолетних. Важная составляющая партийной программы – защита датского бюджета от сокращения социальных программ, в первую очередь связанных с пенсионным обеспечением престарелых. Попытки государства сокращать социальные расходы на фоне притока в страну иммигрантов, претендующих на пособия, – важный фактор общественного недовольства, что способствует росту популярности Датской народной партии.

Подобно Национальному фронту во Франции, Датская народная партия расширяет свою повестку за счет включения в нее социальной компоненты, характерной для левых. В результате уровень поддержки партии в обществе растет: на парламентских выборах 2011 года она заняла третье место, набрав 12,3% голосов (22 мандата), а на выборах в Европарламент в 2014 году стала лидером в Дании, набрав 26,6% голосов.

Венгрия

В политике этой страны в последние годы безусловно доминируют консерваторы, жестко ориентированные на защиту традиционных ценностей и венгерский национализм. В данном отношении Венгрия решительно выделяется среди всех остальных стран ЕС, где мейнстримные консерваторы по большей части перешли на позиции нелиберальной идеологии и теперь мало отличаются в идейном плане от своих традиционных конкурентов – либералов и социал-демократов.

Начиная с 2010 года власть в стране находится у партии ФИДЕС и ее харизматического лидера, премьер-министра Виктора Орба-

на¹. Преобладание ФИДЕС подтвердили как парламентские выборы в апреле 2014 года, на которых партия набрала 44,9% голосов и получила 117 мандатов (из 199), так и выборы в Европарламент в мае – 51,5% голосов.

За время пребывания у власти Орбан провел политическую реформу, вершиной которой стало принятие новой Конституции. Основным направлением политической реформы было укрепление исполнительной власти, в том числе личной власти главы правительства, и сокращение прерогатив законодательной и судебной ветвей власти. Эта реформа дала почву для многочисленных обвинений ФИДЕС в намерении заменить демократическую политическую систему в Венгрии авторитарной, причем общим местом у критиков стало сравнение В. Orbana с В. Путиным.

В идейном плане ФИДЕС решительно отстаивает традиционные ценности. В новой Конституции Венгрии, принятой по инициативе партии в 2012 году, декларируется, что венгерскую нацию объединяют Бог и христианство. В тексте основного закона указывается, что браком является только союз мужчины и женщины, при этом государство наделено правом на защиту жизни с момента зачатия (что фактически равносильно запрету абортов).

ФИДЕС декларирует приверженность венгерским национальным традициям и видит своей приоритетной задачей защиту этнических венгров, проживающих за пределами страны. Исходя из этих предпосылок, в апреле 2014 года В. Орбан потребовал предоставления автономии венграм в Закарпатской области Украины. Партия делает ставку на венгерский национализм, отстаивая интересы венгерской нации и суверенитет национального государства перед лицом евробюрократии, с которой у Orbana сложились напряженные отношения.

ФИДЕС уделяет большое внимание социальной политике. Например, за время пребывания у власти правительства В. Orbana было осуществлено значительное понижение тарифов на услуги ЖКХ. В стране развива-

ются программы поддержки социально незащищенных слоев населения. Таким образом, консервативная партия ФИДЕС, находясь у власти, широко использует традиционную левую повестку, что во многом обеспечивает сохранение ее популярности в обществе.

Повестка правящих консерваторов испытывает давление со стороны правых радикалов из партии «Йоббик» (лидер – Габор Вона), которая является третьей по популярности в стране. ФИДЕС и «Йоббик» фактически вытеснили левые и либеральные партии на периферию венгерской политики. Хотя сам В. Орбан однозначно отвергает сотрудничество с партией «Йоббик», ФИДЕС в последние годы заимствует (часто в смягченном виде) те идеи правых радикалов, которые пользуются поддержкой в обществе. Последним примером этого стала реакция Венгрии на политический кризис на Украине. После серии акций с требованиями признать присоединение Крыма к России и присоединить Закарпатье к Венгрии, которые организовал «Йоббик», премьер-министр сам потребовал от Украины предоставить автономию этническим венграм в Закарпатской области.

Польша

Консервативная партия «Право и справедливость» (лидер – Ярослав Качиньский) является одной из двух лидирующих сил национальной политики. Партия, которая с 2007 года находится в оппозиции, на парламентских выборах в октябре 2011 года набрала 29,9% голосов (157 мест из 460 в нижней палате), а на выборах в Европарламент в мае 2014 года – 31,8% голосов.

Идеология партии носит ярко выраженный традиционалистский характер. «Право и справедливость» тесно связана с Католической церковью и подчеркивает, что в основе программы партии положено официальное католическое социальное учение. «Право и справедливость» считает необходимым максимальное ограничение оснований для абортов и запрет эвтаназии. Партия решительно высказывается против однополых браков и любых форм законодательного признания однополых союзов, против усыновления детей гомосексуалистами и поддерживает полити-

¹ Критики в странах ЕС давно называют венгерского премьер-министра «Виктатором».

ку ограничения в правах ЛГБТ-сообщества. Критики в странах Западной Европы оценивают «Право и справедливость» как гомофобную партию.

«Право и справедливость» высказывается за решительное реформирование политической системы Польши. Партия призывает резко усилить власть президента, сократить численность парламента, развернуть решительную борьбу с коррупционерами и лоббистами, провести массированную люстрацию лиц, сотрудничавших со спецслужбами коммунистической Польши до 1989 года. Для партии характерна популистская риторика, направленная против левых и либеральных элит, которые с помощью закулисных махинаций якобы присвоили себе реальную власть в стране.

В социально-экономических вопросах «Право и справедливость» поддерживает сохранение и расширение государственных социальных программ, направленных на поддержку малоимущих. Особое внимание партия уделяет развитию бесплатного государственного здравоохранения, а также призывает к созданию для молодых семей системы дешевых ипотечных займов под гарантии государства. Таким образом, «Право и справедливость» во многом придерживается левой повестки.

Партия стоит на позициях умеренного евроскептицизма, подчеркивая, что евроинтеграция обязательно должна быть выгодной для Польши. В то же время «Право и справедливость» призывает к теснейшему сотрудничеству с США и занимает радикально антиросийскую позицию.

Мейнстримные консервативные партии и новые правые партии

Отход мейнстримных консервативных партий от консервативной идеологии позволяет успешно использовать эту повестку партиям правых популистов и евроскептиков. После 1991 года переход мейнстримных консервативных партий к идеологии неолиберального консенсуса постепенно создал серьезное напряжение в их отношениях с традиционной электоральной базой. Многих консервативно настроенных избирателей не устраивает, что прежние выразители их ин-

тересов однозначно встали на сторону «глобалов», отказавшись от защиты социально-экономических интересов и традиционных ценностей «локалов». В целом утрата мейнстримными консерваторами части электората обусловлена такими процессами, как:

- продолжающийся экономический кризис, высокая безработица и неудачная антикризисная политика жесткой бюджетной экономии в ЕС;

- приток нелегальных иммигрантов и проблема адаптации многочисленных иммигрантов из западных стран;

- сдача мейнстримными консервативными партиями позиций по вопросам общественных ценностей, заимствование постхристианской повестки (например, однополые браки и эвтаназия);

- рост недовольства граждан усилением влияния евробюрократии и игнорированием элитами ряда насущных проблем общества.

В течение некоторого времени мейнстримные консервативные партии на Западе, приняв идеологию неолиберального консенсуса, по инерции удерживали свой прежний электорат. Его основная часть продолжала ориентироваться на традиционный консервативный бренд этих партий, не всегда отдавая себе отчет в их идеологической мутации. Но экономический кризис, начавший в 2008 году, выявил неспособность мейнстримных консерваторов в странах ЕС противостоять ему, что дало стимул части их избирателей пересмотреть свое к ним отношение.

В условиях сближения традиционных левых и правых партий на базе идеологии неолиберального консенсуса многие избиратели почувствовали себя лишенными политического представительства. Мейнстримные консерваторы столкнулись с ситуацией, когда часть избирателей перестала рассматривать их как альтернативу левым и либеральным партиям, полагая, что между всеми этими силами больше нет существенной разницы. Закономерным последствием стала серия громких электоральных успехов правых популистов и евроскептиков, подвергающих радикальной критике как левые, так и правые мейнстримные партии.

Консолидация традиционных левых и правых партий на базе неолиберальной

идеологии закономерным образом привела к «сдвигу» консерватизма вправо, что обусловлено его вытеснением из мейнстримных консервативных партий (в первую очередь в Западной Европе). В странах ЕС консервативная повестка и лозунги защиты традиционных ценностей все больше становятся достоянием партий правых популистов и националистов (например, французского Национального фронта или «Истинных финнов»), которые нередко успешно сочетают их с популярными социальными требованиями.

Поскольку на Западе интересы «глобалов» выражает идеология неолиберального консенсуса, то «локалы» проявляют все больший интерес к консервативной идеологии в ее различных формах, которая превращается в своего рода подрывную силу по отношению к миропорядку. Мейнстримные консервативные партии, перешедшие на сторону «глобалов», отстаивают выгодную им глобализацию, одной из основных форм которой является углубление европейской интеграции. Напротив, сторонники консервативной идеологии в странах ЕС в целом стоят на позициях евроскептицизма, который в той или иной степени разделяют почти все успешные партии правых популистов. Сегодня в Западной Европе евроскептицизм является органичной и необходимой составляющей консервативной идеологии.

Переход консервативного электората к правым популистам существенно понизил электоральные результаты мейнстримных консервативных партий в целом ряде стран ЕС. Парламентские и президентские выборы, начиная с 2009 года, а также выборы в Европарламент показали, что мейнстримные консервативные партии испытывают сильное давление со стороны правых популистов и евроскептиков в таких странах, как Франция, Великобритания, Италия, Австрия, Нидерланды, Финляндия, Дания, Норвегия, Швейцария. К настоящему времени правые популисты и евроскептики по уровню электоральной поддержки почти догнали или опередили мейнстримных консерваторов во Франции, Великобритании, Италии, Австрии, Финляндии, Дании. При этом во Франции, Великобритании и Дании партии правых популистов заняли первое место на

последних выборах в Европарламент. Не исключено, что на следующих национальных выборах в этих странах правые популисты станут лидерами.

Мейнстримным консервативным партиям удается успешно отражать угрозу со стороны партий правых популистов в трех случаях:

- при наличии бесспорных социально-экономических успехов правительства, которым руководят консерваторы (Германия). В результате основная масса консервативно настроенных избирателей не видит смысла изменять электоральные предпочтения, даже если их не вполне устраивает неолиберальная идеология той мейнстримной консервативной партии, которую они пока поддерживают;

- в случае сохранения партией верности консервативной идеологии и идее защиты традиционных ценностей (Польша, Венгрия). При этом мейнстримная консервативная партия еще не успела перейти на позиции идеологии неолиберального консенсуса. Поэтому она не сталкивается с утратой консервативно настроенных избирателей и не испытывает сильной угрозы со стороны партии правых популистов;

- в случае заимствования партией идеологии правого популизма (США). Несмотря на специфику американского избирательного законодательства, Республиканская партия избавлена от конкуренции с новой право-популистской партией именно потому, что правые популисты из «Партии чаепития» влились в ряды самих республиканцев и стали во многом определять их повестку и программу.

Реакция мейнстримных консервативных партий в случае наличия сильной угрозы со стороны правых популистов разнообразна: от попыток изолировать конкурентов до создания коалиции с ними и фактического объединения. Можно выделить три основные стратегии.

1. Мейнстримная консервативная партия идет на радикальный конфликт с правыми популистами, пытаясь сделать их маргиналами.

Классическим примером такой стратегии является поведение французского Союза за народное движение (и предшествовавших ему правоцентристских партий), который

всегда объединялся с мейнстримными левыми из Социалистической партии против правых популистов из Национального фронта. Во Франции такая стратегия имеет мощное институциональное подкрепление в виде мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства, которая применяется на всех национальных выборах. Эта система приводила к тому, что на протяжении почти тридцати лет представители Национального фронта практически всегда проигрывали во втором туре выборов, поскольку выступавших против них кандидатов независимо от их партийной принадлежности поддерживали и системные левые, и системные правые. Таким образом, электоральные успехи Национального фронта оказывались почти бесплодными, поскольку голоса, отданные за него, почти никогда не конвертировались в места в законодательной власти и органах местного самоуправления.

Аналогичная стратегия¹ использовалась или используется в настоящее время мейнстримными консерваторами в следующих странах:

- Австрия – против Партии свободы;
- Венгрия – против партии «Йоббик»;
- Нидерланды – против Партии свободы;
- Швеция – против партии «Шведские демократы»;
- Норвегия – против Партии прогресса;
- Дания – против Датской народной партии;
- Греция – против партии «Золотая заря».

Эффективность стратегии была подорвана социально-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 году, неэффективностью навязанной из Брюсселя политики жесткой бюджетной экономии и неспособностью справиться с кризисом большинства правительств, возглавлявшихся мейнстримными правыми и левыми партиями.

В настоящее время система «санитар-

¹ В Германии данная стратегия применяется мейнстримными консерваторами из ХДС/ХСС не столько против маргинальной Национал-демократической партии, сколько против третьей по популярности в стране партии «Левые», которая является наследницей Социалистической единой партии Германии, правившей в ГДР.

ного кордона»² против правых популистов в тех странах, где ее использовали, стала разрушаться. Например, по итогам выборов 2013 года в Норвегии Партия прогресса впервые вошла в состав правительственной коалиции вместе с мейнстримной консервативной партией «Хёйре». В Дании налажено сотрудничество между либеральными консерваторами из партии «Венстре» и правыми популистами из Датской народной партии. В их бытность правительственной коалицией была принята жесткая антииммиграционная политика.

Наконец, впервые на муниципальных выборах во Франции в начале 2014 года представители Национального фронта стали мэрами в ряде городов, преодолев крайне неблагоприятную избирательную систему. Это предвещает прорыв в парламент страны на следующих выборах целой фракции правых популистов. События 2012–2014 годов показали, что рост недовольства социально-экономическим курсом социалиста Ф. Олланда в первую очередь увеличивает электоральную поддержку Национального фронта, а не мейнстримной консервативной партии «Союз за народное движение». Массовый протест консервативной части общества против легализации однополых браков (движение “Manif Pour Tous”) в итоге также значительно усилил позиции Национального фронта, который имеет неплохие связи со многими «низовыми» консервативными общественными организациями.

Опрос общественного мнения TNS-Sofres, проведенный в 2014 году, обнаружил, что 34% французов готовы поддержать идеи Национального фронта, что на 12% больше, чем в 2011 году. По мнению 46% опрошенных, лидер партии Марин Ле Пен является «лицом консерваторов-патриотов, признающих традиционные ценности». Эти данные показывают, что большая часть консервативно настроенных французов отвернулась от мейнстримного Союза за народное движение, предпочтя правых популистов из Национального фронта, в которых они видят подлинных консерваторов.

2. *Мейнстримная консервативная партия заимствует идеи правых популистов, чтобы*

² Французский термин *cordon sanitaire*.

сохранить электоральную популярность.

Мейнстримным консерваторам приходится использовать эту линию поведения в тех случаях, когда по электоральным соображениям становится невозможным и дальше игнорировать рост популярности идей правых популистов и евроскептиков. Одной из важных составляющих такой стратегии является отказ мейнстримных консерваторов от самого простого способа политической борьбы – демонизации своих соперников справа, попыток изолировать их как «радикалов» и «экстремистов». Напротив, приходится признавать, что их идеи хотя бы отчасти оправданы и заслуживают использования.

Образец такого курса представляет Консервативная партия Великобритании. Испытывая сильное давление со стороны Партии независимости Соединенного Королевства, тори и их лидер, премьер-министр Дэвид Кэмерон, стремятся заимствовать лозунги своих конкурентов. В результате консерваторы в последние два года на официальном уровне стали поддерживать идею проведения референдума о выходе Великобритании из состава ЕС; сам Кэмерон призвал лишить граждан бедных стран Восточной Европы (прежде всего Румынии и Болгарии) права свободного передвижения в объединенной Европе, чтобы предотвратить их миграцию в поисках работы и социального обеспечения в богатые страны Западной Европы. *Ради электорального выживания и предотвращения раскола в своих рядах¹ Консервативная партия фактически перешла на позиции евроскептицизма, став первой мейнстримной партией в Европе, проделавшей подобную эволюцию.*

Опыт тори, однако, ставит вопрос об эффективности тактики ассимиляции мейнстримными консерваторами идей правых популистов. Ярким примером этого стали выборы в Европарламент в мае 2014 года, первое место на которых заняла Партия независимости. Заимствование повестки правых

¹ По оценкам британских экспертов, приблизительно 40% членов Консервативной партии относятся к числу приверженцев евроскептицизма, то есть занимают ту же идейную позицию, что и Партия независимости Соединенного Королевства.

популистов оказалось не слишком успешным средством: консерваторы пока так и не смогли остановить рост популярности своих конкурентов справа. Ситуацию осложняет то, что Партия независимости в расчете на расширяющиеся возможности сдвигается в сторону большей умеренности, что делает ее еще более приемлемой в качестве альтернативы для консервативного электората. Так, лидер Партии независимости Найджел Фарадж в последнее время отказался от расистских высказываний и стал использовать в своих выступлениях более сдержанную риторику.

Сходный эффект имели во Франции и робкие попытки Союза за народное движение использовать некоторые составляющие повестки Национального фронта перед президентскими выборами 2012 года. В ответ правые популисты, которых в это время возглавила Марин Ле Пен, совершили эффективный маневр: они открестились от бывшего антисемитизма и расизма, сделав акцент на социальные требования. Таким образом, и во Франции мейнстримные консерваторы способствовали легитимизации в обществе повестки правых популистов, но вместо привлечения к себе их электората уступили Национальному фронту часть избирателей.

Французский и британский примеры показывают, что стратегия заимствования мейнстримными консерваторами идей правых популистов (если те одновременно являются самостоятельными политическими игроками) не приносит ожидавшегося результата.

Зато достаточно эффективным способом нейтрализации партий правых популистов является их включение в правительство на правах младших партнеров мейнстримных консерваторов. В этом случае правые популисты, не имея возможности целиком формировать государственную политику, оказываются в трудном положении. Их электорат ждет от них достаточно радикальных и быстрых изменений, которые они объективно не могут реализовать. К тому же лидеры правых популистов, скованные коалиционной дисциплиной, вынуждены смягчать риторику и отказываться от многих привлекательных лозунгов, что усиливает разочарование среди их электората.

Применение подобной тактики в 2000 году в Австрии, где Партия свободы Йорга Хайдера

вошла в коалиционный кабинет на правах младшего партнера, закончилось распадом партии на две части и многолетними электоральными трудностями оставшейся части Партии свободы. Сегодня подобный процесс разворачивается в Норвегии, где правопопулистская Партия прогресса входит в кабинет на правах младшего партнера. В обмен на участие во власти Партии прогресса пришлось отказаться от многих своих предвыборных обещаний, в том числе по поводу резкого ужесточения миграционного законодательства. Все это самым негативным образом сказалось на рейтинге. По данным опроса национальной сети вещания NRK, в начале 2014 года уровень доверия избирателей к Партии прогресса достиг наименьшего уровня (11,7%) начиная с 2006 года.

3. Мейнстримная консервативная партия объединяется с правыми популистами и фактически поглощается ими.

Начиная с 2010 года в рамках этого сценария развивается Республиканская партия США. Особенности американской избирательной системы вынудили примкнуть к ней консервативное движение, известное под названием «Партия чаепития». Без вхождения в ряды республиканцев в США правые популисты остались бы на обочине национальной политики. Самой Республиканской партии после катастрофической неудачи на выборах 2008 года также требовались «свежая кровь» и новые популярные идеи. Так появился альянс, эффективность которого была впервые продемонстрирована по итогам промежуточных выборов в Конгресс США, состоявшихся в ноябре 2010 года.

Однако с течением времени выяснилось, что «Партия чаепития» фактически навязала свою повестку всей Республиканской партии. Такие идеи правых популистов, как проведение независимого аудита Федеральной резервной системы или введение «плоского» единого подоходного налога, которые еще в 2012 году казались утопичными, сегодня вошли в официальную программу республиканцев. Важнейшую роль в этом успехе сыграла тактика правых популистов, которые упорно работали над обеспечением побед своих представителей на республиканских праймериз.

Сложилась ситуация, когда множество членов «Партии чаепития» благодаря хорошо

налаженной системе мобилизации сторонников выигрывают праймериз Республиканской партии у мейнстримных политиков и в итоге выдвигаются на выборы в качестве официальных кандидатов партии. Правые популисты отслеживают и заблаговременно предотвращают угрозу внутри со стороны популярных политиков иных взглядов, как это было с близким старому истеблишменту партии губернатором штата Нью-Джерси Крисом Кристи, репутацию которого в начале 2014 года уничтожил хорошо организованный и раскрученный в СМИ скандал. Напротив, «Партия чаепития» не жалеет усилий для раскрутки и популяризации собственных лидеров, первым среди которых сегодня является либертарианец, сенатор Рэнд Пол (сын известного конгрессмена-либертарианца Рона Пола).

К настоящему моменту в США сложилась уникальная для современного Запада ситуация, когда мейнстримная консервативная партия благодаря электоральному альянсу с правыми популистами фактически перешла под их контроль. Последствия такого развития событий для Америки и всего мира сегодня невозможно предсказать в полной мере, особенно если президентские выборы 2016 года в США сумеет выиграть республиканский кандидат, хотя бы отчасти разделяющий идеи «Партии чаепития».

Тенденции развития мейнстримных консервативных партий

На современном этапе развитие мейнстримных консервативных партий характеризуется следующими тенденциями.

Отказ от харизматического лидерства. Современные мейнстримные консерваторы, как правило, избегают акцента на личных качествах своих лидеров. Типичный политик этого направления сегодня производит впечатление ответственного и скучного бюрократа. Немногие оставшиеся яркие фигуры вроде С. Берлускони или Н. Саркози¹ рано или позд-

¹ Победа Ф. Олланда на президентских выборах была во многом обусловлена тем, что его позиционировали как «господина Нормального» в противовес эксцентричному Саркози.

но отторгаются истеблишментом мейнстримных консерваторов, для которого они являются слишком непредсказуемыми, «хаотичными». Идеал современного лидера из стана мейнстримных консерваторов – канцлер Германии Ангела Меркель, которую считают политиком нехаризматичным, зато профессиональным и прагматичным¹. Значимое исключение составляют США, но и там наиболее яркие фигуры Республиканской партии – это лидеры «Партии чаепития», вроде сенаторов Рэнда Пола и Теда Круза, а не представители традиционного партийного истеблишмента.

Приверженность идеологии консервативного либерализма. В целом мейнстримные консерваторы сегодня (за исключением США) – это консервативные либералы, которые к тому же всё больше сдвигаются в сторону либерализма, как в социальной сфере, так и в экономических вопросах. Дело доходит до анекдотических случаев, когда представитель леволиберальной Социал-демократической партии Германии Пеер Штайнбрюк обвинил Ангелу Меркель в краже идей у его партии. В Европе из повестки мейнстримных консервативных партий ушли как защита традиционных ценностей, так и идеи национализма и протекционизма. Социальный консерватизм, который делает акцент на морально-нравственных проблемах, процветает в Республиканской партии США, но не пользуется большим успехом у мейнстримных консерваторов в ЕС, для которых он в лучшем случае второстепенная составляющая повестки (в отличие от многих правых популистов).

Поддержка руководством идей евроинтеграции. Практически все мейнстримные консервативные партии в странах ЕС разделяют идею углубления европейской интеграции, что на практике означает еще большую концентрацию власти в руках европейской бюрократии в Брюсселе и дальнейшее сокращение полномочий национальных правительств. На позициях евроскептицизма сегодня стоят лишь Христианско-социальный союз в Бава-

рии и весьма влиятельная группировка в Консервативной партии Великобритании.

Акцент на экономической политике. Мейнстримные консервативные партии Западной Европы во внутренней политике стараются делать упор на экономику и обходить важные проблемы морально-нравственного характера, социальные вопросы и тематику международных отношений. Европейских консерваторов вдохновляет пример Ангелы Меркель, которая на протяжении уже девяти лет пребывания на посту канцлера придерживается этой стратегии, успешно сохраняя электоральную поддержку.

Приоритетность экономических проблем мотивируется и надеждами на посткризисную перспективу, когда спрос на протестную повестку снизится, в результате чего электоральная поддержка правых популистов сократится. Правда, по мнению известного голландского политолога Каза Мюдде, анализ результатов выборов в странах ЕС демонстрирует отсутствие жесткой связи между экономической нестабильностью и подъемом правого популизма. Одна из важнейших причин кризиса мейнстримных партий в целом – это недовольство ими со стороны значительной части избирателей, которых не устраивает их приверженность идеологии неолиберального консенсуса². Само по себе улучшение экономической ситуации в Европе может и не привести к снижению поддержки такой альтернативы, как правые популисты.

Иная ситуация в США, где Республиканская партия использует гораздо более широкий набор тем, чем мейнстримные консерваторы в Европе, поскольку для нее гораздо менее остро стоит проблема расхождения декларируемой консервативной идеологии с реальной политикой.

Усиление внутренних конфликтов и утрата части электората. В Западной Европе мейнстримные консерваторы, которые де-

¹ См., напр.: *Kettle, Martin*. Angela Merkel: Uncharismatic Leader Who Dominates German Politics // *The Guardian*, 17 March 2011. URL: <http://www.theguardian.com/world/2011/mar/17/angela-merkel-germany-christian-democrats>

² *Mudde, Cas*. Contrary to Popular Opinion, Europe Has Not Seen a Sharp Rise in Far-Right Support Since the Start of the Crisis // *The London School of Economics and Political Science*, August 22, 2013. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/08/22/contrary-to-popular-opinion-europe-has-not-seen-a-rise-in-far-right-support-since-the-start-of-the-crisis/>

факто перешли на позиции неолиберального консенсуса, сталкиваются с нарастающим недовольством со стороны консервативно настроенных избирателей. Как показывает опыт Франции и Великобритании, разрушительный эффект для электоральной базы мейнстримных консерваторов создает их неспособность решить проблему миграции и уступки либеральной морали, требующей защищать права меньшинств, а не традиционные ценности.

Продолжение мейнстримными консервативными партиями нынешней политики чревато дальнейшим переходом их избирателей к правым популистам, а также обострением внутривнутрипартийных конфликтов. Например, Консервативная партия Великобритании уже расколота почти поровну на сторонников и противников членства страны в ЕС. В Германии проевропейская позиция ХДС контрастирует с риторикой его традиционно-го партнера, баварского ХСС, который призывает к избавлению от «еврократического балласта» путем ужесточения контроля над иммиграцией и сокращения полномочий евробюрократии.

Аналогичная проблема, хотя с противоположной «окраской», имеет место в США. Под влиянием «Партии чаепития» идейная радикализация Республиканской партии в последние годы зашла настолько далеко, что отталкивает от нее часть умеренных избирателей, особенно выходцев из Латинской Америки. В итоге, как показали президентские выборы 2012 года, республиканцы оказались в своеобразном электоральном гетто. Те социальные группы, которые поддерживают их консервативную повестку, не могут обеспечить победу кандидату партии, а привлечение других избирателей жестко заблокировано преобладающей среди республиканцев идеологией. Например, когда в марте 2013 года председатель Республиканского национального комитета Райнс Прибус заявил, что для победы на выборах партии необходимо заручиться поддержкой женщин, этнических меньшинств и гомосексуалистов, большинство партийцев сочли это мнение предательством консервативных ценностей и заблокировали любые подобные изменения.

Усиливающийся вызов со стороны правых популистов и евроскептиков. Разочарование

части электората истеблишментом мейнстримных консервативных партий, переходом последнего на позиции неолиберального консенсуса, его неспособностью противодействовать социально-экономическому кризису и иммиграции влечет за собой усиление партий правых популистов. Они успешно используют традиционную консервативную идеологию для мобилизации недовольных избирателей, отбирая их у мейнстримных консерваторов.

В таких странах, как Великобритания и Франция, на повестке дня уже стоит вопрос: сумеют ли в ближайшие годы мейнстримные консервативные партии удержать положение одной из двух главных сил – или же их вытеснят на третье место правые популисты? Чем больше в политический мейнстрим на Западе входят правые популисты, тем слабее становятся позиции «старых» мейнстримных консерваторов. Данная ситуация создает сильную напряженность внутри консервативных партий: определенные группы в их рядах видят выход в том, чтобы заимствовать часть повестки у правых популистов. В то же время тенденция к радикализации мейнстримных консерваторов создает новые конфликты в их рядах, но, судя по опыту Великобритании, отнюдь не гарантирует электоральной победы над конкурентами справа.

Сокращение количества членов партий. Традиционная база мейнстримных консервативных партий сокращается как по демографическим причинам, так и в связи переходом части сторонников к правым популистам. В результате нарастающей секуляризации молодых поколений и утраты ими доверия к политическому истеблишменту консервативные партии в Европе сталкиваются с ситуацией, когда число их членов постоянно сокращается. Старые партийцы постепенно уходят из жизни, но им на смену не приходят новые. Например, еще в 1950-х годах в британской Консервативной партии состояло приблизительно 2,8 млн человек, сегодня – только 170 тыс. Учитывая мнение сокращающейся и стареющей массы членов партий (значительная часть которых состоит в них в силу привычки), лидеры мейнстримных консервативных партий получают неверное

представление об отношении к своим программам большинства избирателей и отчасти просто теряют связь с реальностью.

Недостаточная эффективность коммуникаций. Специалисты по медиа указывают на то, что мейнстримным консервативным партиям труднее всего дается эффективное использование современных средств коммуникации с избирателями, включая Интернет. В этом отношении они серьезно проигрывают как традиционным соперникам слева, так и правым популистам и евроскептикам, часть которых (например, «Партия чаепития» или итальянское движение «Пять звезд») были бы немыслимы без Интернета. Даже в США Республиканская партия представлена в Интернете значительно слабее, чем Демократическая, причем *среди республиканцев наиболее активно в Сети действуют правые популисты из «Партии чаепития»*. На локальном уровне организации ряда консервативных партий в Европе сохраняют привычки 1960-х годов и осуществляют коммуникацию с избирателями, например, с помощью рассылки им почтовых открыток. Неудивительно, что мейнстримные консерваторы во многих странах Европы уступают соперникам справа и слева в охвате аудитории, в понимании проблем граждан и в скорости запроса на реальные запросы избирателей.

Типология мейнстримных консервативных партий

Идеологическая типология

Сегодня большинство мейнстримных консервативных партий на Западе стоят на умеренно либеральных позициях. Для них характерны особое внимание к проблемам экономики и стремление не делать акцент на собственно консервативной повестке. Такие проблемы, как национальная идентичность и иммиграция, сохранение традиционных ценностей присутствуют в программах подобных партий на заднем плане. Формально консерваторы этого типа заявляют о своей верности консервативной идеологии, но при этом стараются избегать открытых конфликтов с ценностями неолитерального консенсуса. К мейнстримным консервативным партиям этого типа относятся

французский Союз за народное движение, «Вперед, Италия!», немецкая Христианско-демократическая партия, австрийская Народная партия, испанская Народная партия, финские христианские демократы.

Значительная часть мейнстримных консерваторов в Европе уже пошла на открытый разрыв с идеологией консерватизма. Они заимствуют и реализуют на практике постхристианскую ценностную повестку (например, легализация однополых браков и эвтаназии), несовместимую с консервативной идеологией. Таким образом, речь идет о завершении процесса перерождения, когда вместо консервативной идеологии у соответствующих партий остается одно лишь название «консерватизм». Партиями этого типа являются Консервативная партия Великобритании, «Народная партия за свободу и демократию» в Нидерландах, Национальная коалиционная партия в Финляндии, Умеренная коалиционная партия в Швеции, Консервативная партия («Хёйре») в Норвегии, партия «Венстре» в Дании.

Вместе с тем, ряд мейнстримных партий на Западе продолжает отстаивать традиционную консервативную идеологию и связанные с ней моральные ценности христианского происхождения. Для этих партий большое значение имеет повестка социального консерватизма, ориентированная на нравственную и ценностную проблематику. В число подобных партий входят Республиканская партия США, баварский Христианско-социальный союз, шведская Христианско-демократическая партия, норвежская Христианская народная партия, венгерская партия ФИДЕС, польская партия «Право и справедливость», датская Консервативная народная партия.

Типология по роли в политической системе

Мейнстримная консервативная партия – одна из двух главных партий страны: Республиканская партия (США), Консервативная партия (Великобритания), Союз за народное движение (Франция), Христианско-демократическая партия (Германия), Народная партия (Испания), ФИДЕС (Венгрия), «Право и справедливость» (Польша).

Мейнстримная консервативная партия – одна из нескольких основных партий

страны: «Вперед, Италия!» (Италия), Народная партия (Австрия), «Народная партия за свободу и демократию» (Нидерланды), Национальная коалиционная партия (Финляндия), Умеренная коалиционная партия (Швеция), Консервативная партия (Норвегия), «Венстре» (Дания).

Мейнстримная консервативная партия – нишевая: Христианско-социальный союз (Бавария – Германия), «Христианские демократы» (Финляндия), Христианско-демократическая партия (Швеция), Христианская народная партия (Норвегия), Консервативная народная партия (Дания).

Типология по отношению к правым популистам

В различных странах Запада отношения мейнстримных консервативных партий с этими силами строятся с различных позиций.

В одном случае мейнстримные консерваторы испытывают сильное или хотя бы значительное электоральное давление со стороны правых популистов и даже вынуждены отчасти заимствовать их повестку. В подобной ситуации находятся Консервативная партия (Великобритания), Союз за народное движение (Франция), Народная партия (Австрия), «Народная партия за свободу и демократию» (Нидерланды), Национальная коалиционная партия (Финляндия), Консервативная партия (Норвегия), «Венстре» (Дания), ФИДЕС (Венгрия).

Во втором случае, напротив, правые популисты не представляют собой серьезной угрозы для мейнстримной консервативной партии, которая может себе позволить игнорировать их. В данной ситуации находятся Христианско-демократическая партия и Христианско-социальный союз (Германия), «Вперед, Италия!», Народная партия (Испания), Умеренная коалиционная партия (Швеция), «Право и справедливость» (Польша).

Наконец, в США имеет место слияние правых популистов из «Партии чаепития» с мейнстримной консервативной Республиканской партией.

Наиболее остро угроза со стороны правых популистов для мейнстримных консервативных партий стоит в Великобритании, Франции, Дании, Финляндии, где на выборах в Европарламент в мае 2014 года правые популисты заняли первое место. В этих странах уже в ближайшие годы правые популисты реально могут вытеснить мейнстримных консерваторов с позиции одной из двух главных партий, выдавив их на третье по популярности место и ниже. С аналогичной опасностью консерваторы сталкиваются и в Италии, хотя там угрозу им представляют не правые популисты, а идеологически аморфное протестное движение «Пять звезд», возглавляемое харизматическим лидером Беппе Грилло.

С аналогичной опасностью консерваторы сталкиваются и в Италии, хотя там угрозу им представляют не правые популисты, а идеологически аморфное протестное движение «Пять звезд», возглавляемое харизматическим лидером Беппе Грилло.

Комплексная типология мейнстримных консервативных партий

Партия	Идеология	Роль в политической системе	Отношение к правым популистам
Республиканская партия (США)	Консерватизм	Одна из двух главных партий	Слияние с правыми популистами
Консервативная партия (Великобритания)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из двух главных партий (положение под угрозой)	Острая конкуренция, заимствование повестки
Союз за народное движение (Франция)	Умеренный либерализм	Одна из двух главных партий (положение под угрозой)	Острая конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
«Вперед, Италия!» (Италия)	Умеренный либерализм	Одна из основных партий страны	Отсутствие угрозы от правых популистов

Партия	Идеология	Роль в политической системе	Отношение к правым популистам
Народная партия (Австрия)	Умеренный либерализм	Одна из основных партий страны	Острая конкуренция
Народная партия (Испания)	Умеренный либерализм	Одна из двух главных партий	Отсутствие угрозы от правых популистов
Христианско-демократическая партия (Германия)	Умеренный либерализм	Одна из двух главных партий	Отсутствие угрозы от правых популистов
Христианско-социальный союз (Германия/Бавария)	Консерватизм	Нишевая партия	Отсутствие угрозы от правых популистов
«Народная партия за свободу и демократию» (Нидерланды)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Острая конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
«Венстре» (Дания)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Конкуренция, заимствование повестки + альянс в парламенте
Консервативная народная партия (Дания)	Консерватизм	Нишевая партия	Конкуренция
Консервативная партия «Хёйре» (Норвегия)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Конкуренция, заимствование повестки + альянс с правыми популистами в правительстве
Христианская народная партия (Норвегия)	Консерватизм	Нишевая партия	Не конкурирует с правыми популистами
ФИДЕС (Венгрия)	Консерватизм	Безусловно доминирующая в стране партия	Конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
«Право и справедливость» (Польша)	Консерватизм	Одна из двух главных партий	Отсутствие угрозы от правых популистов
Национальная коалиционная партия (Финляндия)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Острая конкуренция
Христианские демократы (Финляндия)	Умеренный либерализм	Нишевая партия	Острая конкуренция
Умеренная коалиционная партия (Швеция)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
Христианско-демократическая партия (Швеция)	Консерватизм	Нишевая партия	Конкуренция, попытки маргинализации правых популистов

Консерватизм в США

Идеологические особенности консерватизма в США

Специфика современного американского консерватизма заключается в том, что он в целом сохранил собственно консервативную идеологию. В США консерватизм в гораздо меньшей степени затронут процессом внутреннего перерождения, который типичен для мейнстримных консервативных партий Западной Европы. Это объясняется как давлением со стороны массовых консервативных движений снизу, так и эффектом влияния консервативных медийных проектов, которые противостоят размыванию и выхолащиванию консервативной идеологической повестки.

В США сегодня, в отличие от Западной Европы, консерватизм как политика определяется не по его самоназванию (за которым легко может скрываться либеральная идеология), а по соответствию его взглядов устойчивой идеологической платформе. В Америке консерватизм неотделим от религии, защиты традиционных моральных ценностей, требований «минимального» государства, расширения прав штатов и местного самоуправления, призывов к снижению налогов и вмешательства государства в экономику. Политику стоит лишь однажды выступить против одной из составляющей «консервативного пакета», чтобы его объявили «неконсерватором».

Ключевые положения консервативной идеологической платформы в США таковы:

- минимальное государство: низкие налоги, невмешательство государства в личную жизнь, отсутствие государственной социальной защиты, государственного медицинского страхования и школ с государственными программами преподавания, неприкосновенность полномочий штатов и органов местного самоуправления;

- максимальная свобода предпринимательской деятельности: ограничение полномочий Федеральной налоговой службы, независимый аудит деятельности Федеральной резервной системы (ФРС), снижение налогов и упрощение системы налогообложения;

- обеспечение энергетической независимости США: расширение добычи сланцевых нефти и газа в Америке и Канаде, борьба с «зеленой» идеологией, противодействие теории глобального потепления;

- сохранение традиционных ценностей: противодействие легализации однополых браков, противодействие легализации абортов и генной инженерии, запрет на оплату контрацепции, стерилизации и операций по изменению пола из средств государственной программы медицинского страхования Obamacare, право на свободу молитвы в школах и государственных учреждениях, свобода ношения оружия.

Особенность американского консерватизма заключается в том, что в его рамках *фактически отсутствует противоречие между социальным и экономическим консерватизмом*. Те же люди, которые призывают к защите традиционных моральных ценностей, в то же время отстаивают сохранение свободной конкуренции и противодействие бюрократизации общества. Американские консерваторы постоянно подчеркивают, что свобода и собственность неотделимы друг от друга, а свобода важна прежде всего для исповедования и проповеди религии и консервативных моральных ценностей.

Консерватизм в США базируется на приверженности ценностям, заложенным в Конституции и первых десяти поправках к ней («Билль о правах»). Его приверженцы настаивают на том, что их главная цель – защита свободы, то есть ключевой конституционной ценности. Это обстоятельство во многом определяет специфическую реакцию консерваторов на те или иные явления общественной жизни в США и за рубежом.

Например, американские консерваторы рассматривают гей-парад как допустимое явление не потому, что они согласны с идеей «равных прав сексуальных меньшинств», а потому, что право на свободу слова и собраний гарантировано Первой поправкой к Конституции. Не следует полагать, что консерваторы в США приветствуют сами гей-парады. Почти каждое такое мероприятие сопровождается контрпарадом, где звучат лозунги, весьма не толерантные по отношению к ЛГБТ-сообществу. В этом плане ошибочно

воспринимается критика в американских консервативных СМИ (например, на телеканале “Fox News”) российского закона о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних. Многим консерваторам нравится отрицательное отношение российского общества к однополым бракам и их запрет в законодательстве РФ – однако запрет государством пропаганды со стороны ЛГБТ-сообщества оценивается как нарушение права на свободу слова и собраний.

Палеоконсерваторы и неоконсерваторы

Хотя в силу специфики избирательной системы американские консерваторы всех направлений вынуждены объединяться вокруг Республиканской партии, это не отменяет глубокой неоднородности консерватизма в США и наличия кардинальных противоречий между его направлениями.

Одним из основных расколов является конфликт между палеоконсерваторами и неоконсерваторами. В идейном плане палеоконсерваторы, которых сегодня представляют такие фигуры, как Патрик Бьюкенен, наиболее близкие историческому европейскому консерватизму и в то же время идеологии «отцов-основателей» США, особенно Томаса Джефферсона. Для палеоконсерваторов характерно пристальное внимание к сохранению традиционных моральных ценностей, обычаев и христианской религии, приверженность идеям «малого государства» и сокращения государственного вмешательства в экономику и социальную жизнь, скептическое отношение к активному вмешательству США в дела других стран.

Палеоконсерваторы являются наиболее симпатизирующей России группой среди американских консерваторов, хотя их влияние на политику сегодня, конечно, ограничено. Впрочем, идеи палеоконсерваторов во многом востребованы деятелями «Партии чаепития», которая стоит на позициях либертарианства и социального консерватизма. Наиболее близко к взглядам палеоконсерваторов стоит сенатор Рэнд Пол, один из основных республиканских претендентов на выдвижение кандидатом в президенты на выборах 2016 года. Правда, в отличие от своего

отца, экс-конгрессмена Рона Пола, Рэнд Пол подверг критике статью В. Путина в “New York Times” и осудил российскую политику во время украинского кризиса, в частности, воссоединение с Крымом.

Столь влиятельные в минувшем десятилетии неоконсерваторы, напротив, далеки от традиционных консервативных ценностей. Изначально они представляли собой интеллектуальное течение американских левых, симпатизировавшее троцкизму и негативно относившееся к СССР, и пропагандировали распространение американской модели демократии по всему миру. Постепенно они пришли к выводу о том, что обеспечить реализацию их главной идеи о насаждении демократии по всему миру может лишь опора на консервативную часть американского общества, которая в силу патриотических побуждений поддержит подобную политику.

Бывшие левые в 1970–1980-х годах примкнули к Республиканской партии США и стали из прагматических соображений поддерживать консервативную идеологию, внося в нее требования агрессивного внешнеполитического курса, насаждения демократии по всему миру и «гуманитарных интервенций». На руку неоконсерваторам сыграло то обстоятельство, что в глазах основной массы американских консерваторов (прежде всего религиозных правых) агрессивная внешняя политика и насаждение в мире демократии отождествлялось с успешным курсом их кумира – президента Рональда Рейгана и победой в «холодной войне».

Неоконсерваторы фактически использовали консервативные настроения части американского общества ради реализации собственной политической утопии. В глубине души они остались чужды идеям защиты традиционных ценностей, которые служили для них лишь инструментом мобилизации электората в поддержку своих внешнеполитических концепций.

Принципиальным для неоконсерваторов является ограниченный набор вопросов внешней политики: обеспечение исключительной роли США в мире, установка на односторонние (в том числе военные) действия на мировой арене, глобальное насаждение

демократии и всемерная поддержка политики Израиля¹. Поскольку собственно консервативная ценностная повестка здесь практически отсутствует, это привело к чрезмерной политической гибкости данного течения. Так, неоконсерваторы охотно поддерживали Республиканскую партию и ее консервативную идеологию в период президентства Дж. Буша-младшего, на внешнюю политику которого они оказывали огромное влияние. Но ослабление их позиций после поражения Митта Ромни на выборах 2012 года привело к тому, что неоконсерваторы стали массово переходить на сторону Хиллари Клинтон, ожидаемого кандидата Демократической партии на выборах 2016 года, невзирая на ее либеральные взгляды.

Неоконсерваторы сегодня делают ставку на этого кандидата лишь потому, что она поддерживает идею агрессивного насаждения демократии в мире. Это обстоятельство иллюстрирует чуждость неоконсерваторов собственно консервативной идеологии, их паразитический характер по отношению к американскому консерватизму. В то же время уход неоконсерваторов из Республиканской партии, их перерождение в либеральных «вилсоновских² глобалистов» открывают перед консерваторами-республиканцами возможность коренным образом пересмотреть свое отношение к вопросам внешней политики перед выборами 2016 года.

Низовые консервативные движения. «Партия чаепития»

В рамках избирательной системы США создание новой (третьей) партии и ее приход во власть по итогам выборов практически невозможны. Поэтому американские консерваторы еще с 1950-х годов сконцентрировались на установлении контроля над Республикан-

¹ О неоконсерватизме см.: *Межуев Б.* Конец неоконсерватизма? Республиканские праймериз в преддверии Южной Каролины // *Terra America*. 2012. 20 января. URL: <http://www.terra-america.ru/koniec-neokonservatizma.aspx>

² В честь президента США Вудро Вильсона (1913–1921), автора идеи Лиги наций – предшественницы современной ООН.

ской партией и навязывании ей своей повестки. К концу 1970-х годов консерваторы благодаря массовым движениям религиозных правых (например, «Моральное большинство» Джерри Фалуэлла) взяли Республиканскую партию под контроль. С тех пор Республиканская партия из идеологически аморфной структуры превратилась в партию с консервативной идеологией. Она остается таковой и по сей день.

Движения религиозных правых оказались настолько важны для республиканцев в электоральном плане, что истеблишмент партии с тех пор волей-неволей вынужден заимствовать и продвигать ту повестку, которую навязывают эти силы. Речь идет прежде всего о социальном консерватизме религиозных правых, ориентированном на защиту традиционных моральных ценностей.

Второй консервативной волной в Республиканской партии стало движение «Партия чаепития», оформившееся в 2009–2010 годах в качестве «низовой» консервативной реакции на леволиберальную политику Обамы. После неудачного президентства Дж. Буша-младшего истеблишмент Республиканской партии был деморализован, а серьезное сопротивление курсу Обамы смогла оказать лишь «Партия чаепития», опирающаяся на низовых активистов. Первого крупного успеха «Партия чаепития» достигла на промежуточных выборах в Конгресс США в 2010 году, на которых с ее помощью республиканцы завоевали большинство в Палате представителей.

Кандидаты «Партии чаепития» одержали в 2010 и 2012 годах на праймериз Республиканской партии множество побед над классическими республиканцами, а затем выиграли большое число выборов в Конгресс США. В 2010–2014 годах именно сторонники «Партии чаепития» (социальные консерваторы и либертарианцы) смогли не просто оживить Республиканскую партию, но подорвать в США культ личности Барака Обамы, который, как представлялось в 2008–2009 годах, надолго обеспечил безусловную победу левых либералов. Под влиянием «Партии чаепития» само слово «популизм» в последние годы

приобрело положительную окраску в американском политическом лексиконе¹.

Идеология «Партии чаепития» представляет собой специфическую смесь либертарианства, социального консерватизма, правого популизма и американского национализма. Хотя внутри «Партии чаепития» нет полного согласия в отношении идеологии, все-таки существует твердый идейный фундамент, на котором стоят все видные политики этого направления, успешно навязывая его в качестве официальной программы Республиканской партии. На портале teaparty.org представлены пятнадцать основных, «не обсуждаемых», принципов «Партии чаепития»:

- 1) нелегальные иммигранты должны быть объявлены вне закона;
- 2) преимущество при найме должно предоставляться местным жителям;
- 3) Америка должна иметь мощные вооруженные силы;
- 4) специальные интересы² должны быть исключены из политики;
- 5) право на оружие должно быть неприкосновенным;
- 6) сфера компетенции правительства должна быть уменьшена;
- 7) национальный бюджет должен быть сбалансированным;

¹ Подробное исследование современного популизма в США см.: Демченко Н. Сменщик Обамы по левому флангу. Что стоит за нью-йоркским экспериментом и зачем либералам де Блазио? // Terra America. 2013. 23 октября. URL: <http://www.terra-america.ru/smenshik-obami-rollevomu-flangu.aspx>; Лурье С. Приступы американского изоляционизма. Рон Пол и его либертарианский пацифизм – насколько это всерьез, и полезно ли это для России? // Terra America. 2013. 28 октября. URL: <http://www.terra-america.ru/pristupi-amerikanskogo-izolyacionizma.aspx>; Петров Д. Power to the People! Или наследие Сола Алинского. Не болтуны, но организаторы и народные представители // Terra America. 2013. 31 октября. URL: <http://www.terra-america.ru/power-to-the-people-ili-nasledie-sola-alinskogo.aspx>; Штепа В. Субсидиарность по-американски. Как сепаратисты всех мастей защищают основы конституционного строя // Terra America. 2013. 23 октября. URL: <http://www.terra-america.ru/subsidiarnost-po-americkanski.aspx>

² Имеется в виду корпоративный и этнический лоббизм.

8) с бюджетными дефицитами следует покончить;

9) спасение государством компаний-банкротов и планы по стимулированию экономики должны быть запрещены;

10) подоходный налог на граждан должен быть снижен;

11) налоги на бизнес должны быть понижены;

12) госучреждения должны быть открыты для обычных граждан;

13) вмешательство правительства в жизнь граждан и хозяйственную деятельность должно быть прекращено;

14) английский язык должен оставаться главным национальным языком;

15) традиционные семейные ценности должны всячески поощряться.

В целом «Партия чаепития» представляет обширный лагерь социальных консерваторов и либертарианцев, которые недовольны нынешним курсом Белого дома и стремятся к радикальным изменениям в американской внутренней политике. На руку движению играет то, что его приверженцы децентрализованы и расходятся во взглядах по ряду вопросов. Сторонники «Партии чаепития» рассматривают данную ситуацию не как слабость, а как силу. Это позволяет в полной мере задействовать потенциал низового активизма правого толка, без которого оказалась бы бесполезной финансовая поддержка со стороны бизнеса.

Общим идейным фундаментом «Партии чаепития» является возврат к принципам «отцов-основателей», то есть к ценностям XVIII–XIX веков, которые юридически закреплены в Конституции США и «Билле о правах». Эта позиция охватывает и призывы либертарианцев к сокращению полномочий государства, и требования социальных консерваторов и религиозных правых о защите традиционных моральных ценностей и устоев американского образа жизни, и предложения палеоконсерваторов «не нести демократию туда, где ее не поймут». «Партия чаепития» успешно использует идеи сразу нескольких основных направлений современного американского консерватизма. Ее руководители сознательно продвигают и поддерживают политиков, которые способны хотя бы от-

части объединить повестку либертарианцев, социальных консерваторов и палеоконсерваторов, – такие фигуры, как, например, сенаторы Рэнд Пол и Тед Круз, конгрессмен Пол Райан. *По идеологии и месту в политическом спектре «Партия чаепития» в целом соответствует новым партиям Западной Европы, стоящим на позициях правого популизма и евроскептицизма.*

Накануне промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2014 года и президентских выборов 2016 года Республиканская партия формулирует свою программу с учетом решающего значения повестки «Партии чаепития» и необходимости объединения усилий различных консервативных течений. Материалы выступлений на последнем ежегодном неформальном съезде республиканцев в 2014 году показывают, что Республиканская партия консолидируется вокруг следующих основных идей:

- объединение усилий всех консервативных течений в борьбе против леволиберального политического курса Обамы и его администрации;

- «Возврат к Конституции»: за этим лозунгом скрывается продвигаемая «Партией чаепития» программа внутривнутриполитических и социально-экономических реформ, направленная на сокращение роли государства в экономике и общественной жизни;

- возврат к наследию Рейгана – последнего по-настоящему успешного президента-республиканца. Во внешней политике подобная установка может спровоцировать конфликт с Россией. За исключением большинства палеоконсерваторов, остальные американские консерваторы склонны отождествлять современную Россию с СССР, который Рейган называл «империей зла» и «безбожной державой».

Секрет политического успеха «Партии чаепития» сводится к трем составляющим:

- умение создать максимально широкую коалицию сторонников консервативных взглядов. Повестка, требования, спикеры «Партии чаепития» подобраны таким образом, чтобы по возможности затушевать спорные вопросы между различными направлениями американского консерватизма и, напротив, сделать акцент на том, что их

объединяет. В свою очередь, консерваторы различных направлений учитывают то, что сотрудничество с «Партией чаепития» – эффективный способ побеждать на выборах и проводить в жизнь собственную повестку. Это обстоятельство побуждает их идти на максимально тесное сближение с данным движением;

- способность взять под контроль процесс выдвижения кандидатов-республиканцев на местах. По своей структуре «Партия чаепития» представляет собой широкое общественное движение. Его активность сконцентрирована на том, чтобы обеспечивать победу на праймериз в Республиканской партии и на выборах тем политикам-республиканцам, которые разделяют идеи «Партии чаепития». С этой целью движение на местах проводит многочисленные мероприятия своих сторонников (например, регулярные «Дни налогоплательщика»), проявляет большую активность в Интернете, систематически занимается фандрайзингом. Результатом этой непрерывной масштабной активности являются многочисленные победы кандидатов «Партии чаепития» на праймериз, что очень сильно уменьшило влияние традиционного истеблишмента на ситуацию в Республиканской партии;

- эффективное использование новых методов коммуникаций и фандрайзинга, в том числе посредством Интернета. Это позволило активистам «Партии чаепития» обойти барьер традиционных СМИ и обратиться напрямую к той части американского среднего класса, которая считает, что обе главные партии игнорируют ее проблемы. Ответом стала волна низового активизма приверженцев либертарианских и правопопулистских идей, которая подняла «Партию чаепития» на вершину американской политики.

В плане установления контроля над Республиканской партией сторонники «Партии чаепития» добились значительно больших успехов, чем религиозные правые и социальные консерваторы в 1970–1980-х годах. Уже на промежуточных выборах в Конгресс США в 2010 году было избрано приблизительно 60 приверженцев «Партии чаепития», причем этот успех был закреплен на парламентских выборах в 2012 году. Характерно

и то, что те же либертарианцы, которые изначально склонялись скорее в сторону Демократической партии, сегодня во многом заимствовали консервативную повестку.

За последние четыре года «Партия чаепития» установила контроль над повесткой и программой Республиканской партии в целом, причем этот процесс резко ускорился после поражения связанного с истеблишментом Митта Ромни на президентских выборах в 2012 году. В результате на неформальном съезде республиканцев – Консервативном конгрессе (СРАС) в 2013 году – было официально объявлено, что именно «Партия чаепития» является основной ударной силой республиканцев в борьбе с Демократической партией, и почти никто не стал оспаривать этот тезис.

Начиная с 2010 года «Партия чаепития» стала важной составляющей Республиканской партии, более важной для ее электоральных успехов в масштабе всей страны, чем неоконсерваторы и «ястребы», рокфеллеровские глобалисты вроде Ч.Хейгела или республиканцы-либералы (RINO – Republicans In The Name Only) наподобие К. Кристи. На президентских и парламентских выборах 2012 года программа кандидатов-республиканцев практически по всем пунктам совпадала с идеями «Партии чаепития». По оценке экспертов, в ближайшие годы Республиканская партия без поддержки «Партии чаепития» будет неспособна успешно конкурировать на выборах с Демократической партией и в перспективе не сможет сохранить свой статус одной из двух главных американских партий.

За несколько лет интеграции в Республиканскую партию сторонники «Партии чаепития» заняли настолько серьезные позиции, что фактически приобрели в ней «контрольный пакет акций». Согласно опросу, проведенному Институтом Гэллага и телеканалом ABC, в 2011 году 53% сторонников Республиканской партии считали, что «чайная» повестка должна стать основой программы партии, а еще 35% полагали, что отдельные пункты этой повестки важны для партии. На фоне «закрытия правительства» (Shutdown) осенью 2013 года доля сторонников «чайной» повестки среди избирателей республиканцев достигла уже 55%.

Подавляющее большинство ядерного электората республиканцев целиком или частично поддерживает идеологию «Партии чаепития». Среди перспективных молодых лидеров рес-публиканцев лишь губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи является либералом (RINO), тогда как четверо остальных – Рэнд Пол, Марк Рубио, Пол Райан, Тед Круз – сторонники «Партии чаепития». В настоящее время ни один кандидат от республиканцев на президентский пост не может рассчитывать на победу на выборах и даже на праймериз, если он находится в конфликте с «Партией чаепития».

Лидеры республиканцев вынуждены идти на поклон к «Партии чаепития», включая ее предложения в свою программу и заключая альянсы с ее представителями. Например, так поступил М. Ромни¹ в ходе президентской кампании в 2012 году: он заимствовал идеи «Партии чаепития» по бюджетной политике и сделал ее представителя П. Райана своим кандидатом в вице-президенты. Все это означает, что «Партия чаепития» будет определять повестку республиканцев на выборах в Конгресс США в ноябре 2014 года.

Под влиянием «Партии чаепития» идет ускоренный процесс перерождения Республиканской партии в аналог правопопулистских партий Западной Европы, при этом республиканцы идеологически становятся гораздо более консервативной силой. В настоящее время единственная реалистичная цель традиционного либерального истеблишмента Республиканской партии – предотвратить выдвижение кандидатом в президенты в 2016 году политика с изоляционистской внешнеполитической программой, например, Рэнда Пола. О противодействии же навязыванию республиканцам внутривнутриполитической повестки «Партии чаепития» не идет и речи. Истеблишмент смирился с включением в программу Республиканской партии таких радикальных требований либертарианцев, как независимый аудит Федеральной резервной системы, полное невмешательство

¹ М. Ромни – житель Массачусетса, одного из наиболее либеральных штатов, где он избирался губернатором, несмотря на принадлежность к весьма консервативной конфессии мормонов.

государства в частную жизнь и введение единой «плоской» ставки подоходного налога.

Медийные проекты американских консерваторов

Важнейшей составляющей современного американского консерватизма является развитая медиаинфраструктура. Благодаря этому консерваторы на протяжении десятков лет ведут «культурные войны» с либералами, не позволяя им добиться безоговорочного доминирования в масс-медиа. Такие СМИ, как “Fox News” и “National Review”, и такие «культовые» фигуры, как Гленн Бэк и Раш Лимбо, обеспечивают распространение и популяризацию консервативных взглядов среди десятков миллионов американцев.

Интерес консерваторов к массовым коммуникациям зародился еще в 1960-х годах, когда они пришли к выводу о необъективности главных либеральных СМИ, которая граничила с прямой пропагандой и даже фальсификацией фактов и новостей. С консервативной точки зрения, говоря о своей объективности и беспристрастности, руководители и журналисты либеральных СМИ скрывали истинное положение дел и навязывали публике свой взгляд на политические проблемы. После поражения на президентских выборах 1964 года республиканца Барри Голдуотера, который столкнулся с ожесточенным противодействием либеральных масс-медиа, американские консерваторы начали систематически разоблачать пристрастность и предвзятость либеральных СМИ, опираясь на собственные научные исследования.

Консерваторы сформулировали свой подход к масс-медиа, основой которого стало проведение различия между объективностью и беспристрастностью. С их точки зрения, объективность издания (то есть точное изложение фактов) вполне совместима с предвзятостью (оценкой фактов с консервативной точки зрения). Консерваторы полагают, что характерные для либералов отождествление объективности с беспристрастностью и требование разделять факты и мнения скрывают глубоко укоренившиеся в СМИ либеральные идеи и прячут искажения фактов в пу-

бликациях. Данной установкой обусловлено и стремление американских консерваторов к ведению полемики в СМИ: они полагают, что только в процессе полемики смогут адекватно и полностью представить гражданам собственные идеи.

Ключевой инструмент воздействия на общественное мнение для американских консерваторов – медиа-империя “Fox News”, центром которой является одноименный телеканал. Создатель “Fox News”, республиканец Роджер Эйлс, доказал, что консервативные новости и передачи могут быть популярными и прибыльными. По оценке американских экспертов, Эйлс успешно применил «развлекательные методы и технологии для формирования политической повествовательной линии консервативной направленности».

В 1996 году, к моменту старта “Fox News”, леволиберальный крен основных американских СМИ (прежде всего телевидения) был очевиден. По данным опросов, примерно 80% журналистов считали себя атеистами, что кардинально отличалось от взглядов общества в целом. Сторонники консервативных взглядов были сильно ограничены в доступе на телевидение, а их повестка систематически искажалась в СМИ, представители которых говорили о «соблюдении объективности». В той ситуации “Fox News” оказался настоящей отдушиной для консервативной части телезрителей.

Основой политики “Fox News” стало предоставление республиканцам и консерваторам тех же возможностей излагать свои взгляды, что и либералам. Успех не заставил себя ждать: с 2006 года “Fox News” стал в США кабельным телеканалом № 1, обойдя CNN и MSNBC. По итогам 2013 года “Fox News” оставался лидирующим по численности зрителей (в том числе в ключевой возрастной категории от 24 до 54 лет) и самым успешным телеканалом в стране. Этот телеканал вызывает восторг у сторонников консервативных взглядов и настоящую ненависть в среде левых либералов, которые склонны обвинять “Fox News” в распространении расизма, сексизма и гомофобии. Сам президент Обама публично называет телеканал «рупором республиканцев». При этом либералов среди сотрудников и ведущих “Fox News” куда больше, чем консерваторов на либеральных телеканалах, которые в по-

следние годы стараются избавляться от наиболее ярких из них¹.

Уже многие годы продвижение консервативных взглядов в США осуществляют несколько ведущих популярных радиопередач с многомиллионной аудиторией слушателей. Речь идет о таких медиа-звездах, как Марк Левин, Раш Лимбо и Гленн Бек. Каждый из них ведет или вел в прошлом на радио и на телевидении ток-шоу национального уровня, руководит производством контента консервативной направленности для десятков радиостанций по всей стране и является мультимиллионером.

Важным рупором консервативных идей в США являются популярные публицисты и блогеры, которые привлекают аудиторию за счет харизмы и увлекательной манеры изложения. В их числе надо назвать такие фигуры, как Энн Коултер, Чарльз Кратхаммер, Эмметт Тайрелл, Томас Соуэлл, Ли Эдвардс, Зев Чафев, Диана Уэст, Эндрю Маккарти, Джеймс Вудс.

Хотя по оценке таких консерваторов, как Патрик Бьюкенен, в настоящее время в США «культурную войну» выигрывают либералы, очевидно, что без развитой медиаинфраструктуры американские консерваторы давно потерпели бы сокрушительное и окончательное поражение. Без собственных сильных медиапроектов их постигла бы участь большинства мейнстримных консервативных партий Западной Европы, которые де-факто усвоили неолиберальную идеологию и постхристианскую моральную повестку.

Новые внепартийные консервативные движения на Западе

Отход мейнстримных консервативных партий от консервативной идеологии соз-

дает предпосылки не только для развития новых правопопулистских партий, но и для появления внепартийных консервативных движений. Условия для этого сложились в первую очередь в Западной Европе. В ряде стран Восточной Европы (Польша, Венгрия) ведущие партии остаются приверженными консервативной идеологии и традиционным ценностям. В США Республиканская партия по электоральным соображениям неразрывно связана с «низовыми» консервативными движениями (прежде всего «Партия чаепития», а также существовавшее в прошлом «Моральное большинство»). Напротив, в Западной Европе перерождение мейнстримных консервативных партий открывает дорогу для появления внепартийных движений консервативной идеологической направленности.

Наиболее ярким примером этого явления стало французское движение “Manif Pour Tous”, направленное против легализации однополых браков. Президент Ф. Олланд в 2012 году, выполняя свои предвыборные обещания, инициировал принятие законов² о введении во Франции однополых браков и разрешении однополым парам усыновлять детей. Опираясь на большинство в парламенте, Олланд и правящие социалисты полностью проигнорировали мнение значительной части³ общества, выступившей против этих новшеств, считая, что предоставление гомосексуальным союзам равного статуса с традиционным браком приведет к разрушению института семьи как такового.

В январе 2013 года Олланд отказал противникам введения однополых браков в праве на референдум⁴ по данным законопроектам, хотя они затрагивают фундаментальные аспекты общественной морали и культуры. Социалисты подчеркивали, что идея гей-браков была в предвыборной про-

¹ Например, в феврале 2012 года известный консервативный публицист Патрик Бьюкенен был вынужден уйти с телеканала MSNBC. Причиной стала публикация в 2011 году его книги «Самоубийство сверхдержавы: доживет ли Америка до 2025 года?», идеи которой президент телеканала Фил Гриффин назвал неприемлемыми для обсуждения.

² Эти законы в итоге были приняты в апреле 2013 года.

³ По данным исследований TNS, в 2012 году легализацию однополых браков поддерживали только 58% французов.

⁴ Французские консервативные организации с самого начала призывали провести референдум о легализации однополых браков и собрали 700 тыс. подписей за его проведение.

грамме их кандидата, следовательно, победу Олланда на президентских выборах можно считать уже состоявшимся аналогом референдума по этому вопросу и сам референдум не нужен.

Ответом консервативно настроенной части французского общества стала организация массового протестного движения. Оно началось с договоренности всех шести основных конфессий¹ Франции о совместной борьбе против легализации гей-браков. Основную работу по подготовке протестного движения провела Католическая церковь, чьи епископы и священники развернули широкую общественную кампанию по мобилизации противников однополых браков.

Вслед за выступлениями представителей церкви активизировались консервативные (прежде всего католические) общественные организации (более 30), многие из которых возникли «снизу» именно в связи с данным поводом. Расследование либеральной газеты «Le Monde» показало, что большая часть консервативных организаций, которые непосредственно организовали протестное движение, связаны с Католической церковью – напрямую или через связи их руководителей.

Постепенно в борьбу стали включаться видные представители и члены Национального фронта и партии «Союз за народное движение». Обе партии высказались против легализации однополых браков и голосовали в парламенте «против», но ни одна из них не сумела взять на себя руководство протестом – в том числе потому, что их руководство воздерживалось однозначно ассоциировать себя с массовым консервативным и католическим движением. Например, Марин Ле Пен демонстративно не присутствовала на протестных манифестациях, заявив, что борьба по поводу однополых браков – это попытка оживить старый раскол между левыми и правыми, чтобы отвлечь общественное мнение от наиболее важных актуальных проблем французов. Хотя Ле Пен подчеркивает, что французская идентичность – это

¹ Католики, протестанты, православные, мусульмане, иудеи, буддисты.

христианская идентичность, она выступает за незыблемость принципа отделения церкви от государства, видя в нем одно из главных средств защиты от растущего влияния ислама. Ле Пен подчеркивает, что религиозные нормы не должны становиться основой для законодательства. Это вызывает негативную реакцию со стороны части французских консерваторов, которые тесно связаны с Католической церковью и причастны к организации движения «Manif Pour Tous».

В период обсуждения закона в парламенте, с ноября 2012 по март 2013 года, Париж сотрясали марши и митинги противников закона, в которых приняли участие сотни тысячи² человек (по ряду оценок – более миллиона). Наиболее масштабными оказались три марша³ «Manif Pour Tous», которые сопровождалась столкновениями с полицией и угрозами штурма Елисейского дворца.

Именно «Manif Pour Tous»⁴ стала непосредственным организатором массовых протестных акций – при этом ее деятельность обеспечивалась и поддерживалась сетью консервативных организаций⁵ и идейно направлялась Католической церковью. Эта структура оказалась чрезвычайно успешной в деле уличной мобилизации консервативной части французского общества. На протяжении полугода она регулярно устраивала сидячие забастовки, креативные протестные акции, вела масштабную Интернет- и медиаактивность, организовывала все действительно масштабные протестные марши и митинги.

² Например, по разным оценкам в марше «Manif Pour Tous» в январе 2013 года в Париже приняло участие от 350 тыс. до 1 млн человек. Французские СМИ отмечали, что в среднем массовые мероприятия противников однополых браков были примерно в пять раз более многочисленными, чем акции их сторонников.

³ Первый марш прошел 17 ноября 2012 года, второй – 13 января 2013 года, третий – 24 марта 2013 года.

⁴ Название переводится как «Демонстрация для всех». Оно было выбрано в ответ на название законопроекта о легализации однополых браков «Брак для всех».

⁵ В первую очередь, поддержку «Manif Pour Tous» оказывала Национальная конфедерация католических семейных ассоциаций, резко выступающая против ЛГБТ-сообщества.

Важнейшей составляющей успеха “Manif Pour Tous” стал выбранный ею способ работы с общественным мнением. Движение сознательно отказалось от любых проявлений неприязни к ЛГБТ-сообществу как таковому. “Manif Pour Tous” продвигали не идею о том, что представители ЛГБТ-сообщества – плохие, а идею о необходимости защиты традиционных ценностей, собственной семьи и своей страны от угрозы их будущему. Таким образом, была сделана ставка на мобилизацию максимальной поддержки в обществе за счет привлечения колеблющихся граждан в ряды движения, чья повестка носит консервативный, традиционалистский характер. С этой целью лицами “Manif Pour Tous” были выбраны: Фриджит Бардо – привлекательная и харизматичная юмористка; Лоранс Чэн – левая активистка, выступающая против однополых браков, родом из Юго-Восточной Азии; Ксавье Бонжибо – лидер ассоциации «Геи против однополых браков», наглядно демонстрирующий отсутствие у протестного движения негативного отношения к ЛГБТ.

Выбранный способ работы с общественным мнением обеспечил привлечение на мероприятия “Manif Pour Tous” множества людей самых разных взглядов – не только консерваторов и католиков, но и атеистов, людей умеренных взглядов, массы ранее аполитичной молодежи и молодых семей.

Наконец, на последнем этапе своего развития “Manif Pour Tous” резко расширило повестку, выйдя за пределы вопросов защиты

традиционного брака и семьи и обратившись к социальной проблематике. Вдобавок к лозунгам «Все рождены мужчиной и женщиной!» и «Ни родителя А, ни родителя В: Отец и Мать!» появились лозунги вроде «Не трогайте брак. Займитесь безработицей!». После того как Ф. Олланд и социалисты проявили категорическое нежелание учитывать позицию протестующих, движение приобрело резко оппозиционный характер.

В отношении поставленной цели “Manif Pour Tous” не смогло добиться успеха: закон о легализации однополых браков был принят, несмотря на размах протестного движения. В то же время опыт “Manif Pour Tous” продемонстрировал как масштаб запроса на консервативную политическую силу во французском обществе, так и возможности для организации массового внепартийного консервативного движения.

Активность “Manif Pour Tous”, безусловно, стала одной из основных причин обвального снижения в 2013–2014 годах популярности президента Ф. Олланда и его Социалистической партии. Зато в несомненном выигрыше оказался Национальный фронт и его лидер Марин Ле Пен. Победа этой партии во Франции на выборах в Европарламент в мае 2014 года во многом обусловлена поддержкой со стороны бывших участников протестного движения, которым близка позиция Национального фронта, соединившего защиту традиционных ценностей с социальными требованиями.

Глава 3

Россия в западной полемике о консерватизме

В пространстве западной политики и СМИ существует прочная связка «Россия – Путин – консерватизм». Общим местом стало мнение, что президент В. Путин является консервативным политиком, под руководством которого Россия совершает «консервативный поворот» и во внутренней, и во внешней политике. Иностранные эксперты считают, что впервые после 1991 года Россия активно использует идеологию на миро-

вой арене, пытаясь занять ныне пустующую нишу страны, защищающей традиционные моральные ценности¹.

Сначала наблюдатели скептически восприняли обращение российского руководства к идеям консерватизма, высказывая сомне-

¹ См., напр.: Owen, Matthews. Vladimir Putin's New Plan For World Domination // The Spectator, 22.02.14.

ния в искренности подобных шагов. Однако восприятие «консервативного поворота» резко изменилось после выступления Путина на Валдайском форуме в сентябре 2013 года и его ежегодного обращения к Федеральному Собранию в декабре того же года¹. С этого времени западные эксперты стали склоняться к мнению, что консервативная идеология используется Россией для завоевания по всему миру симпатий тех сил, которые противостоят господствующему западному либерализму с его мультикультурностью, разрушением традиционных ценностей и защитой прав сексуальных меньшинств.

«Консервативный поворот» России практически сразу же спровоцировал острую полемику среди консерваторов в США. Ведущий идеолог палеоконсерватизма Патрик Бьюкенен в декабре 2013 года опубликовал ставшую знаменитой статью «Путин – один из нас?», в которой он охарактеризовал российского президента как единомышленника для американских консерваторов в борьбе за традиционные ценности². Фактически Бьюкенен открыто провозгласил Владимира Путина «великим консерватором», ценности которого идентичны ценностям здоровой части американского общества.

Вслед за этим один из влиятельных консервативных новостных комментаторов Мэтт Дражд назвал Путина «лидером свободного мира» в связи с тем, что российский президент поддерживает православие – традиционную религию своей страны, – противостоит ЛГБТ-сообществу, проводит сбалансированную бюджетную политику и сохраняет низкий подоходный налог³. По мнению видного консервативного политика Уильяма Линда, благодаря начатому Путиным «правому повороту» Россия возвращается к своей традиционной роли – ведущей консервативной державы, которая была свойственна ей до революции 1917 года⁴.

¹ См., напр.: *Whitmore, Brian*. Vladimir Putin, Conservative Icon // *The Atlantic*, 20.12.13.

² *Buchanan, Pat*. Is Putin One of Us? // *Townhall.com*, 17.12.13.

³ *Taylor, Adam*. Pat Buchanan Tells The Truth About Putin That American Conservatives Don't Want to Hear // *Business Insider*, 17.12.2013.

⁴ *Lind, William S*. Russia's Right Turn // *The American Conservative*, 11.02.2014.

Среди американских интеллектуалов, симпатизирующих России, следует назвать, например, такую фигуру, как Род Дрейер, ведущий редактор журнала «Американский консерватор», который сочетает приверженность христианскому традиционализму и озабоченность экологическими проблемами. Именно Дрейер вслед за Бьюкененом назвал Путина «лидером христианского консерватизма во всем мире» и сказал, что «христиане на Ближнем Востоке имеют большего друга во Владимире Путине, чем в Бараке Обаме и Джордже Буше»⁵. Значимую роль в лагере американских консерваторов играет и руководитель Американской семейной ассоциации Брайан Фишер, который назвал Путина «львом христианства»⁶.

Наконец, один из создателей консервативного телеканала «Fox News» Джек Ханик в 2013 году принял приглашение поработать в России, чтобы помочь в реорганизации православного телеканала «Спас» в консервативный общественно-информационный канал для более широкой аудитории. Ханик заявляет, что Россия гораздо более привержена традиционным ценностям, чем США, и их защита в нашей стране является более легким делом.

Пророссийские настроения вызвали резкую реакцию со стороны другой части американских консервативных публицистов. Например, палеоконсерватор Леон Хадар назвал размышления Бьюкенена «фантазией» и оценил Путина как авторитарного правого политика, а не консерватора американского типа⁷. Дополнительно осложнил ситуацию кризис на Украине, часть американских консерваторов перешла на антироссийские позиции или по крайней мере воздерживается высказывать симпатии в адрес Путина. Даже либертарианец сенатор Рэнд Пол, всегда неплохо относившийся к

⁵ *Drener, Rod*. Putin The Paleo? // *The American Conservative*, 18.12.2013.

⁶ *Fischer Praises Putin, Calls Him A "Lion of Christianity"* // *Right Wing Watch*, 10.10.13. URL: <http://www.rightwingwatch.org/content/fischer-praises-putin-calls-him-lion-christianity#sthash.f1NHw21L.dpu>

⁷ *Hadar, Leon*. The Right's Putin Problem // *The American Conservative*, 25.02.2014.

России¹ и выступавший против вмешательства США в дела Украины, после референдума в Крыму изменил свою точку зрения и примкнул к тем, кто критикует Белый дом за недостаточно жесткие санкции в отношении России. В результате полемики и разворачивающегося украинского кризиса большая часть американских консерваторов пока дистанцируется от поддержки России и проявляет скепсис в отношении консервативной риторики Путина.

Вместе с тем наступление на Западе либерализма с его постхристианской повесткой (в первую очередь по вопросам прав сексуальных меньшинств), которую продвигает администрация Обамы, – очевидный факт, который невозможно игнорировать. *Консервативная среда в США объективно вынуждена искать «сильного лидера», способного противостоять этим тенденциям. Американские консерваторы признают, что Путин «обращается к настроению всё большего количества обитателей Запада» и является сегодня единственным глобальным лидером, публично выступающим в защиту традиционных ценностей в условиях натиска либералов с их постхристианской идеологией. Это обстоятельство стимулирует рост политических и социокультурных симпатий американских консерваторов к В. Путину, ставший заметным в последние два года. По данному поводу известный консервативный политик Уильям Линд высказался следующим образом: «Нам нужно уважать право меньшинств на отличие, но права большинства не должны ставиться под сомнение, утверждает Путин. Американские консерваторы могут только мечтать о президенте собственной страны, который говорит такие вещи»².*

Значительная часть американских граждан испытывает симпатии к российскому президенту вне зависимости от его идеологии. В Америке сложился своего рода культ поклонников Владимира Путина как сильно-

го лидера, «мужественного мачо». Число сторонников подобных взглядов очевидно шире, чем круг тех, кто поддерживает Путина как выразителя консервативной идеологии. Например, бывший губернатор Аляски и кандидат республиканцев в вице-президенты в 2008 году Сара Пейлин назвала Путина на «Fox News» «куда более мужественным, чем президент США». Видный республиканец, бывший мэр Нью-Йорка Руди Джулиани даже заявил, что, отстаивая интересы России в Крыму, Путин показал навыки истинного лидера, пекущегося об интересах своего Отечества³. К восхищению личностью президента России недавно присоединился даже сверхпопулярный консервативный радиоведущий Раш Лимбо⁴. Важно отметить, что в этих случаях речь идет не о палеоконсерваторах вроде Бьюкенена, а о статусных политиках Республиканской партии, ее мейнстримных фигурах.

Поддержка Путина в США как сильного лидера априори неприемлема для либералов – сторонников Обамы, которые находятся в альянсе с радикальным феминизмом и защищают права сексуальных меньшинств. В. Путин – живой кошмар американского левого либерала. Российский президент олицетворяет собой всё то, что Запад «преодолевал» во вторую половину XX века – «белый мужчина-традиционалист», чьи взгляды и ценности глубоко консервативны. Поэтому господствующие в СМИ левые либералы автоматически относят всех поклонников Путина к числу «консерваторов»⁵. Тема «консерваторы преклоняются перед крутыми парнями вроде Путина, которыми движет тестостерон» активно используется либералами для критики консерваторов⁶ вплоть до

³ См.: *Horsey, David*. Conservatives Harbor an Odd Admiration for Vladimir Putin // *LA Times*, 07.03.2014.

⁴ См.: *Chotiner, Isaac*. The Increasingly Awkward Conservative Crush on Putin // *New Republic*, 04.03.2014.

⁵ *Cogan, Marin*. The Secret American Subculture of Putin-Worshippers // *National Journal*, 19.09.2013.

⁶ *Horsey, David*. Conservatives Harbor an Odd Admiration for Vladimir Putin // *LA Times*, 07.03.2014.

¹ Так, Рэнд Пол поддержал решение России предоставить политическое убежище Эдварду Сноудену, несмотря на требования США выдать его.

² *Lind, William S*. Russia's Right Turn // *The American Conservative*, 11.02.2014.

недавних высказываний самого Обамы по поводу того, что «голый торс Путина нравится политикам-республиканцам».

Резюмируя, следует отметить, что современные консерваторы на Западе неоднозначно реагируют на «консервативный поворот» в России и соответствующую риторику президента Владимира Путина. *Правое течение среди консерваторов занимает в целом как минимум сдержанную, а как максимум – явно негативную позицию в отношении России и ее президента.* Особенно неоднозначна ситуация в США и Великобритании. Твердые в своей «правизне» социальные консерваторы в США (например, ортодоксальные католики, которые видят в России наследницу атеистического СССР и «раскольнической» Византии) воспринимают нашу страну весьма критично. Максимум, что они себе позволяют, это публичное признание Путина более сильным лидером, чем Обама (правые американские консерваторы), или высокую оценку эффективности российских действий в Крыму (лидер британской Партии независимости Соединенного Королевства Найджел Фарадж, который обвиняет ЕС в кровопролитии на Украине и призывает не вмешиваться в украинский кризис).

Левое течение западных консерваторов относится к России гораздо более дружелюбно. Консервативный мессидж В. Путина в его выступлении на Валдайском клубе и Послании Федеральному Собранию в 2013 году находит отклик преимущественно в тех средах, которые в наибольшей степени открыты для диалога между левыми и социальными консерваторами. Там, где сторонники этих идей сближаются и приходят к взаимопониманию, возникает очевидное сочувствие к России как силе одновременно и консервативной, и в определенной степени ревизионистской по отношению к существующему миропорядку.

Россия пользуется на Западе наибольшей поддержкой в тех общественных средах и группах, где силен левый консерватизм с его идеей защиты большинства. В этой связи следует упомянуть прежде всего лидера французского Национального фронта Марин Ле Пен, которая в настоящее время

является, пожалуй, наиболее крупным пророссийским политиком в Западной Европе. Достаточно сказать, что Ле Пен – одна из немногих западных политиков, признавших результаты референдума о воссоединении Крыма с Россией. Судя по выступлениям Ле Пен и ее соратников, Национальный фронт признает Путина лидером подлинного консерватизма, защитником нравственных начал и традиционных ценностей европейской цивилизации.

Безусловно пророссийскую позицию занимают и праворадикальные партии «Йоббик» (Венгрия) и «Золотая зоря» (Греция), для которых характерно объединение консервативной и социальной повесток.

Среди мейнстримных консервативных партий симпатии к России и Путину в связи с «консервативным поворотом» наблюдаются в весьма ограниченной форме в рядах Республиканской партии США, Консервативной партии Великобритании, баварского Христианско-социального союза, венгерского ФИДЕС – там, где внутри партий есть сильные фракции, сохраняющие приверженность консервативной идеологии и не перешедшие на позиции неолиберального консенсуса.

Напротив, пророссийские настроения доминируют в большинстве партий правых популистов и евроскептиков, которые существенно лучше усваивают представление о России как глобальном оплоте консерватизма и традиционных ценностей. При этом скепсис в отношении «консервативного поворота» наиболее силен в Великобритании, странах Скандинавии (без Финляндии), Нидерландах, Германии, Польше. Благожелательно Россию и Путина в качестве консервативной силы воспринимают во Франции, Италии, Австрии, Венгрии, Финляндии, отчасти в США.

Идеологи американского либерального истеблишмента в последнее время проявляют озабоченность растущими симпатиями к России и В. Путину среди западных консерваторов. В США уже вступила в действие своего рода «идеологическая полиция», которая тщательно подмечает делаемые в публичном пространстве положительные высказывания о Путине и старается блоки-

ровать распространение симпатий к России и ее лидеру. *Белый дом осознал проблему усиления пророссийских настроений среди консерваторов в Америке и Европе и будет пытаться покончить с этой тенденцией.* Например, после речи Путина на заседании Валдайского клуба в 2013 году в американских СМИ были подвергнуты жесткой критике все консерваторы, которые позитивно откликнулись на обращение президента России к христианским ценностям Запада и Европы¹. Начиная с весны 2014 года либеральные СМИ в США и Великобритании уделяют много внимания разоблачению «европейских союзников Кремля», например, французского Национального фронта и венгерской партии «Йоббик».

Не исключено, что усилия либерального истеблишмента США, контролируемых им масс-медиа и его союзников в Европе остановят распространение симпатий к России среди западных консерваторов. Но *сам факт продолжающейся идеологической кампании, направленной на подавление пророссийских настроений в консервативной среде, указывает на серьезные опасения роста симпатий традиционалистского большинства к Путину и России.*

Западная критика претензий России и Путина на роль «мирового консервативного лидера», стоящего на страже интересов всемирного большинства, идет по нескольким основным направлениям².

Разоблачение «мифа о религиозности в России». Доказывается, что российское население глубоко поражено наследием советского атеизма, уровень его религиозности крайне низкий, поэтому претензии «кремлевской пропаганды» говорить о консервативной России не имеют под собой основания. Уже даже используется специальный термин «потемкинская религиозность» (Potemkin religiosity).

Дискредитация Русской православной церкви. Подчеркивается, что западные консерваторы не понимают ситуации в

России, где якобы нет свободы религиозного самовыражения, государство и РПЦ образуют «корпоративный симбиоз», а религиозные меньшинства «подвергаются гонениями».

Раскрутка тезиса о «преследовании сексуальных меньшинств» в России. Акцент делается на том, что поддержка Путина кем-либо на Западе объективно означает поддержку «государственных репрессий против меньшинств», в первую очередь против ЛГБТ-сообщества. Таким образом, консервативным силам дается сигнал, что открытая солидарность с Россией создаст поводы для обвинений их в нетерпимости к сексуальным меньшинствам.

Отождествление поддержки России и Путина с враждебностью к свободе и демократии. Идет открытое запугивание тех сторонников консервативных взглядов, которые симпатизируют нашей стране. Их предупреждают, что поддержка «диктатора» Путина консервативными силами на Западе позволит либеральным СМИ обвинить их в ненависти к свободе и демократии.

Навязывание идеи о России как «реинкарнации СССР и советской системы». Учитывая негативное отношение консерваторов к коммунизму, продвигается тезис, согласно которому президент В. Путин якобы стремится возродить СССР и советскую общественную систему. Очевидно, что усилия по созданию «всемирного консервативного интернационала» под эгидой России будут тем менее успешны, чем больше она будет напоминать СССР западным (особенно американским) консерваторам.

Как представляется, пока не сформировано определенное согласованное мнение по поводу стремления России к статусу «мирового консервативного лидера» и ее возможных сторонников на Западе. Вместе с тем истеблишменту Запада очевидно, что наличие у России сколько-нибудь значимого количества сторонников из числа граждан западных государств – это серьезный ресурс России. В настоящее время обсуждаются две основные стратегии противодействия идеологической экспансии России.

¹ Особенно упомянутые выше Бьюкенен, Дрейер и Фишер.

² Young, Cathy. Vladimir Putin is No Ally for The Right // The Boston Globe, 21.08.2013.

Во-первых, своего рода «новый маккартизм»¹. Речь идет об организации прямых и косвенных гонений на пророссийски настроенную часть консерваторов в западных странах с целью маргинализовать их повестку и свести к минимуму их политическое влияние. К выбору этого варианта склоняется администрация Обамы и близкие к ней либеральные элиты США. Если такая стратегия будет взята на вооружение, мы увидим форсированное насаждение либеральной постхристианской повестки и дискредитацию всеми способами идеологических оппонентов «неограниченной свободы и толерантности».

Уже в 2013 году критические тексты в американских СМИ о пророссийских симпатиях западных консерваторов по жанру напоминали доносы. После начала украинского кризиса исчезли последние ограничения в этом отношении. Так, один из рупоров «нового маккартизма», леволиберальное издание “The Daily Beast”, укомплектованное бывшими неоконсерваторами, ведет систематическую кампанию по «разоблачению» тех, кто сочувствует России и Путину. На страницах издания перечисляются имена и «проступки» сторонников консерватизма, их обвиняют в том, что они фактически являются агентами влияния «Владимира Путина и консервативного интернационала»².

Во-вторых, *развертывание «борьбы за консерватизм»*. В целостном виде эта предполагаемая стратегия изложена в тексте американского исследователя Джона Шиндлера «Обама не видит истинной идеологии Путина»³. По мнению Шиндлера, нынеш-

ний президент США, его администрация и западные либеральные элиты исповедуют принципы индивидуализма и секуляризма. Они просто не понимают того, что большая часть населения планеты (в том числе многие граждане самих западных стран) придерживаются совсем иных принципов организации общественной жизни. Условно говоря, венгерский националист из партии ФИДЕС может не любить Россию, но его взгляды на семейные ценности ближе к Путину, чем к Обаме.

Шиндлер полагает, что если США намереваются начать новую «холодную войну» с Россией, Белому дому следует осознать: экспорт социальных и сексуальных стандартов принесет больше вреда, чем пользы; навязывать незападным странам западные либеральные принципы организации общества и семьи – контрпродуктивно. США следует оставить «за скобками» международной и внутренней политики леволиберальную повестку (в первую очередь отношение к сексуальным меньшинствам) и вместо этого перехватить у России часть консервативной повестки, прежде всего тему защиты суверенитета других стран. По оценке Шиндлера, *отказ Запада от навязывания миру своих постхристианских социальных и сексуальных норм и его поворот к более сдержанной, консервативной внутренней политике поставят Россию в очень сложное положение*. В этом случае Россия может лишиться значительной части аргументов воздействия на консервативно настроенное мировое большинство как в незападных, так и в западных странах.

¹ Маккартизм – эпоха сенатора Дж. Маккарти, который в 1950–1954 годах руководил комиссией Конгресса США по расследованию «антиамериканской деятельности». На этом посту Маккарти подверг различным гонениям большое число левых американских политиков, общественных и культурных деятелей, обвиняя их в симпатиях к коммунизму, в подрывной деятельности и в шпионаже в пользу СССР.

² Kirchick, James. Why American Social Conservatives Love Anti-Gay Putin // The Daily Beast, 01.08.2013.

³ Schindler, John. Obama is Blind to Putin's True Ideology // Business Insider, 07.04.2014.

Консерватизм, его партнеры и оппоненты: конфликт как шанс на развитие

Постановка проблемы: взгляд либерала на консерватизм

Предлагаемая статья – это взгляд либерала на роль и место консерватизма в современной России – консерватизма скорее как политического течения, чем философии. Для либерала консерватизм в политике – это неременная составляющая политического сообщества, это партнер, без которого невозможен «политический танец». С этим партнером либерала многие базовые ценности объединяют, иные – разделяют и порождают острый спор и конкуренцию. Но всё же базовая ценность консерватизма, либерализма и, добавим, современной социал-демократии – в неприятии революционности в общественных преобразованиях, в необходимости эволюционного развития и цивилизованной конкуренции политических идей и программ. Именно это согласие лежит в основе политической стабильности современной западной демократии, обеспечивает динамический баланс посылов к сохранению и развитию. Забегая вперед, укажем, что это вполне созвучно взглядам на консерватизм Николая Бердяева.

Главной проблемой политического развития России и ответом на вопрос о роли консерватизма в нем в таком свете представляется нахождение российского аналога этого баланса. И наследие Николая Бердяева может дать весьма полезную пищу для размышлений.

Из наследия Н.А. Бердяева

Пятое письмо Н.А. Бердяева «О консерватизме» из труда «Философия нера-

венства», получившее известность благодаря мысли: «смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме», – дает четкое понимание, кого, точнее, что Бердяев усматривал в качестве антитезы консерватизма: *революционизм и радикализм*, в которых он видел *варварскую стихию*. Подчеркнем: не либерализм, а если социализм, то большевистский, а не социал-демократию в понимании даже современной ему Европы (вспомним, что и сам Бердяев в молодости увлекался социалистическими теориями).

Бердяев многократно закликает против разрыва с прошлым: травма многих пережитых им революций и изгнания на «философском пароходе» не могла не влиять на его мировоззрение, не говоря уже об эмоциональном состоянии. В революционных потрясениях он винит «и те консервативные силы, которые допустили в себе омертвление и окостенение», и революционные силы, которые «восстали на непреходящие ценности». Сравним это с известными пятью условиями Баррингтона Мура [2, р. 430], которые позволяют избежать обрушения в тоталитаризм (коммунистический или фашистский) при переходе от традиционного общества к современному. Последнее из них – наряду с отказом от абсолютной монархии и засилья старой аристократии – это «революционный разрыв с прошлым». В логике Мура этот революционный разрыв должны совершить силы, которые мы назвали бы «системными», – консерваторы, либералы, новая буржуазия, а «революционность» подразу-

мевают скорее решительность в реформах и отказе от феодальных и клерикальных пережитков, чем ниспровержение прежней власти: последним как раз занимаются «низы», если верхи оказываются к реформам неспособны. И неважно, «левые» это низы, как в СССР, или правые, как в Италии или Германии. Так что в этой диспозиции Бердяев и Мур только кажутся антагонистами – в главном они совпадают: чтобы избежать революций, нужно обновляться и не допускать окостенения старых структур. Разница же между ними – в отношении к «разрыву с прошлым»: Мур в отличие от Бердяева допускает его, поскольку пишет о той же эпохе, что и Бердяев, только почти полувеком позже. Он осмысляет все ужасы и фашистского, и сталинского тоталитаризма, которые воцарились не в последнюю очередь благодаря историческим поражениям «национальных моделей» консерватизма в России (Бердяев: «несчастлива судьба нашей страны [благодаря отрыву власти от народа]»), Германии, Италии в первые десятилетия XX века.

В своей апологии консерватизма Н.А. Бердяев постоянно подчеркивает необходимость его обращения в будущее:

– «в истинном сохранении и охране должна быть преобладающая энергия. Если в нем есть лишь инерция и косность, то это зло, а не добро»;

– «...иерархия... не должна препятствовать образованию новых качеств, не должна задерживать творческое движение»;

– и наконец: «наибольшую свободу для человека дает сочетание начала консервативного с началом творческим».

Таким образом, Бердяев видит «здоровую» альтернативу консерватизму в «творческом начале» и через их синтез утверждает сверхценность человеческой свободы. Увы, его научный спор с оппонентами разрешил не философ из другой школы, а обербург-гомистр города Штеттина Герман Хакен – именно его именем назывался «философский пароход», на котором большевики выслали из России Николая Бердяева и весь цвет отечественной интеллигенции, надолго прервав в нашей стране любой научный дискурс о консерватизме.

Применим ли в России опыт западного консерватизма?

Классический западный консерватизм (Эдмунд Бёрк) возникает как охранительный ответ на буржуазно-либеральный слом аристократических устоев. Добавим: возникает в Англии, где уже давно (к тому времени) существует цивилизованная, «джентльменская» конкуренция вигов и тори, причем тори считают себя «естественной властью», но виги часто оказываются у ее кормила. Напомним исчерпывающе точную характеристику этой ситуации в сатире Джонатана Свифта:

«Утверждают, что высокие каблуки [консерваторы-тори] всего более согласуются с нашим древним государственным укладом, однако... его величество постановил, чтобы в правительственных должностях... употреблялись только низкие каблуки [либералы-виги]... наследник престола, имеет некоторое расположение к высоким каблукам... один каблук у него выше другого, вследствие чего походка его высочества прихрамывающая» [то есть антагонизма между партиями нет – попытка маневрировать между ними заставляет принца хромать, но ни в коем случае не падать].

Политический консерватизм XIX века строится как антитеза: общая и естественно возникающая традиция противопоставляется политическим новациям; сословная иерархия – подъему новых групп и слоев; природное неравенство способностей – равенству возможностей; имманентное несовершенство человека (следовательно, осторожность и смирение) – смелому реформаторству. Эти противопоставления подчеркивают ситуационный характер консерватизма. Функция «охранения» остается, однако его объекты изменяются: в каждый исторический момент они разные, защищается то, что достигнуто, а достигнуто оно было не одними консерваторами и не одним сохранением, но и развитием. Традиционный «партнер-оппонент» консерватизма – это либерализм, хотя со временем все чаще (в Европе) эту роль играет социал-демократия, отказавшаяся от коммунистической революционности и включающаяся в общенациональный консенсус. Так возникает феномен, который американ-

ский историк Артур Шлезингер-младший назвал «жизненно важным центром» (vital center), – динамичный баланс охранения и развития, причем на первый план в разных исторических ситуациях выходят разные стороны.

В современном западном консерватизме, при всем его многообразии, можно выделить два течения: «традиционалистское» с более сильным акцентом на охранительстве и более новое – «либертариистское». Феномен его возникновения подтверждает сформулированный выше тезис об изменчивости реалий, которые «охраняет» консерватизм. Ценности свободы личности и индивидуализма, свободы рынка и предпринимательства, антиэтатизма – это историческое наследие либерализма, но ко второй половине XX века они стали центральными для «имущих классов», именно они стали «традицией» и потребовали охранения от новых оппонентов – государственного интервенционизма, эксцессов либерального «великого общества» (в США), «обретенных прав [droits acquis]» социалистического движения. Не случайно Милтон Фридман называл Маргарет Тэтчер «либералом из XIX века» (другие оппоненты говорили, что она «скорее виг, чем тори»). Именно этот новый консерватизм, либертарианство обеспечили экономический и политический успех рейганомии и тэтчеризма.

В выборе своих политических стратегий современный консерватизм постоянно колеблется между охраной традиций (чаще всего в том, что касается моральных норм) и стремлением к обновлению, как бы предпочитая осуществить его своими силами, чем «доверить» другим, потенциально более радикальным политическим силам.

Так, в большинстве случаев (США, континентальная Европа) консерваторы оппонировали расширению прав гомосексуалистов, эта тема даже становится мобилизующей для всех консервативных сил в обществе. Однако напомним «зигзаги» позиции британских консерваторов по этой теме. В 60-х годах прошлого века они поддержали «легализацию» гомосексуализма, в 1988-м наложили серьезные ограничения на его пропаганду в школах и деятельности органов самоуправления, а в 2012-м разрешили однополые браки, причем премьер-министр Кэмерон заявил: «Я поддерживаю гомосексуальные браки не

вопреки тому, что я консерватор, а потому, что я консерватор»¹. Секрет прост: консерваторы в Британии не могут допустить провала в молодом городском электорате, в котором популярны постмодернистские ценности.

Резюмируем: секрет успеха западного консерватизма в том, что он существует в конкурентной среде, а потому и внутри его существует конкуренция между «традиционализмом» и постепенным развитием. Именно эта конкуренция не дает консерватизму «провалиться» в реакционность (хотя отдельные сегменты консервативного общества туда постоянно попадают). Такая конкуренция отнюдь не всегда благоприятна – достаточно взглянуть на американский неоконсерватизм или на «партию чаепития», но ее преимущества и для консерватизма, и для всей национальной политики несомненны. Именно этот опыт требует изучения и осмысления для того, чтобы сделать российский консерватизм развивающей политической силой.

Российский политический консерватизм

Особенности российского консерватизма – от «допетровского» до современного – вытекают из того, что часто называют «властецентричностью» российского политического уклада. Эта властецентричность есть монополия правящего класса (а порой – одного только верховного правителя) на определение стратегии действий, то есть власть остается единственным субъектом политического процесса, оставляя всем прочим общественным силам роль исполнителей.

Согласимся с выводами вдумчивой и концептуальной статьи Л.В. Полякова [1]: в России государство, выстраивающее себя «не как публичное пространство, в котором представлены все общественные интересы, а как некий универсальный институт, введенный императором Петром Великим, – институт бюрократии», выполняет – в разные времена по-разному – функцию и охранения, и реформирования, порой ссорясь с определенными слоями элиты и общества, не принимающими реформ или, напротив,

¹ The Washington Post, March 30, 2012.

недовольными их недостаточной глубиной. Власть может быть и реакционером, и «единственным европейцем», и даже «революционером на троне». Кстати, и Л.В. Поляков указывает на важность этой властной «монополии»: «[при Николае I] каралось не инакомыслие, каралось само помышление о действии, независимом от государя». Не согласимся же мы с уважаемым коллегой в его мысли, что подобная ситуация была уникальна для николаевской эпохи: нам представляется, что все российские правители отличались лишь степенью нетерпимости к независимым от них политическим действиям, но никогда не поощряли их.

В такой модели российского консерватизма были очевидные преимущества. В первую очередь – это такой традиционный для любого реформирующего консерватизма ресурс как «перемены под флагом традиции», обеспечивающие их эволюционный характер и смягчающее противодействие реформе. С этим связаны еще как минимум два ресурса, определяемые тем, что реформы проводит власть, сакральная и консервативная по определению. Это принуждение к лояльности – во всяком случае, на самом болезненном этапе запуска реформ – и старой элиты, и консервативного большинства в обществе и обеспечение желаемой скорости реформ (тормозящая их необходимость согласования интересов при такой модели ниже, чем в обществах с развитым плюрализмом).

Вот как об этом пишет Салтыков-Щедрин: *«Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это значит, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы не виноваты. Прикажут – и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут – и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях»*¹.

Соответственно, власть имеет и такой ресурс, как управление процессами формирования элиты: в обычной ситуации

опирается на нее (равно как и на консерватизм большинства населения), в «реформаторской» – вынуждена ломать элитный консерватизм и стимулировать рост новых элит, которые становятся ее новой опорой.

Но вернемся к теме «охранения достигнутого»: недавно возрожденный Преображенский полк, символ традиции в русской армии, начинался как «потешная дружина», кузница петровских «гвардии сержантов» из низов, ломавших старую допетровскую элиту.

Нельзя не упомянуть и такой важнейший ресурс, как *патриотизм*. Любое реформирование – даже сопровождающееся массивным заимствованием не только технологий, но и институтов и культурных практик, – обосновывается необходимостью подъема России, обеспечения ее безопасности и процветания (впрочем, это черта любой модернизации сверху), и каждый модернизационный толчок приводит к переопределению национального достоинства – становится свидетельством национального успеха России.

Правда, в этих достоинствах есть и своя обратная сторона, связанная с описанной выше главной особенностью российской государственности – монополией власти на роль субъекта политики. Добившаяся успеха власть и поднявшаяся на этом успехе новая элита стремятся монополизировать плоды успеха и (выражение Хуана Линца) «зафиксировать стабильность», сохранить привилегии «ранних победителей». В этом контексте сохранившаяся неконкурентность политического поля становится именно орудием «фиксации»: она останавливает реформаторство и не дает плодам реформ породить новые общественные силы, которые поведут развитие дальше.

Патриотизм в этом контексте оказывается плохим советчиком: властная элита удовлетворяется достигнутым внешним сходством или сокращением отставания от наиболее развитых стран, не понимая (или, наоборот, очень хорошо понимая), что глубинное, институциональное сходство с передовыми образцами не достигнуто, а потому успех не становится «саморазвивающим».

Еще раз процитируем Салтыкова-Щедрина: он пишет, что если российско-

¹ Салтыков М.Е. [Н. Щедрин]. Господа ташкентцы // Сочинения М.Е. Салтыкова. Том четвертый. СПб.: Типография Стасюлевича, 1889. С. 3.

му чиновнику начальник прикажет открыть Америку, то тот *«разошлет во все места запросы и затем постарается кончить это дело измором», зато если приказ будет «привести всех этих Колумбов к одному знаменателю... вы не успеете оглянуться, как Колумбы подлинно будут обузданы, а Америка так и останется неоткрытой»*¹.

В результате через поколение или два отставание вновь усугубляется, потому что наши институты работают хуже. Нашему консерватизму всегда не хватает внутреннего и постоянно работающего «моторчика обновления», потому что таким моторчиком может быть только политическая конкуренция.

Без конкуренции же сочетание охранения и обновления в консерватизме (и во власти в целом) определяется лишь субъективными взглядами правителя, а не объективной потребностью страны в стабильности или переменах. И за ошибки в этих расчетах страна платит тяжелыми кризисами, а правитель может заплатить и жизнью. Дед Александра II внес эту плату собственным придворным, уставшим от бездумных перемен, а сам он, как и его внук, – разгневанным низам.

Наследие консерватизма по-советски

Еще один уникальный опыт нашей страны (прямо вытекающий из предыдущего тезиса) – на протяжении семи десятилетий роль консерваторов-охранителей в ней выполняли наследники творцов коммунистической революции – те самые, против которых направлен пафос консерватизма Н.А. Бердяева (и которые выслали его из страны). Функцию охранения они выполняли как любая российская власть, но со своей спецификой, по сути противной духу консерватизма. *Сохранять и охранять* большевики начали после того, как разрушили практически все устои старого мира. Конечно, в практике коммунистического режима можно найти немаловажные консервативные элементы: это и восстановленное уважение к патриотической исторической

традиции (но очень «отредактированной» жесткой партийной цензурой), и моральные нормы (не без существенных изъятий), и государственничество. Но отрицания базовых консервативных ценностей и упорствования в охранении этого отрицания всё же было гораздо больше.

Отрицание прав собственности и основанной на них меритократической иерархии, отрицание верховенства права, самоорганизации на уровне местного самоуправления – все эти коммунистические практики стали откатом назад даже в сравнении с последним полувеком существования империи, не говоря уже о консерватизме XX века. Добавим к этому тоталитарность идеологии и доведенную до абсолюта монополию государства на любые решения, будь то охранительные или преобразовательные, добавим полное удушение свободы личности, отрицание религии (воинствующее безбожие, сменившееся минимальной терпимостью к религии), добавим дремучий консерватизм в сфере культуры, особенно культуры современной и массовой, «коммунистический стандарт» которой все более отставал от реалий образованного и урбанизированного общества.

К сожалению, наследие этого советского псевдоконсерватизма не изжито и поныне. И пока это так, отечественный консерватизм будет лишен той жизненной силы, которой обладает консерватизм западный, да и любой иной: опоры на право, достоинство свободного собственника, меритократическую иерархию, освящающую мораль религию, сплочение для коллективных действий «по инициативе снизу», а не по «указке сверху».

Постсоветский консерватизм

Падение коммунистического строя – это одновременно поражение и победа консерватизма. Проиграл консерватизм советский, как показано выше, весьма непохожий на любые другие консерватизмы, но «матерый», укорененный, со своей историей успеха и телеологией. Поэтому его падение оказалось столь травматичным для всей нации. Однако с падением коммунизма стали восстанавливаться все те предпосылки консерватизма подлинного, которые

¹ Салтыков М.Е. [Н. Щедрин]. Господа ташкентцы // Сочинения М.Е. Салтыкова. Том четвертый. С. 7.

при коммунизме отсутствовали или были маргинализированы: собственность, рынок, общественная функция церкви, основные гражданские свободы и – пусть в зачаточном виде – политическая конкуренция.

Авторов рыночных реформ чаще всего именуют либералами, порой – «необольшевиками» за радикализм реформ. На самом деле по своим рецептам эти реформы, скорее либертарианские, то есть в логике консерватизма, обретшего черты «либерализма XIX века». Правда, западные либертарианцы по вопросам политики, общественном морали и т.п. чаще занимают «правые» позиции, а наши экономические реформаторы – скорее умеренные либералы, но тому есть свое объяснение – необходимость ухода от тоталитарного наследия.

Властная элита первого постсоветского десятилетия – это союз нового поколения «позднесоветской» номенклатуры, которая не сомневалась в необходимости реформ, и либертарианцев и либералов в федеральной элите. Без воспитанных в либертарианской традиции технократов, отвечающих за экономику и финансы, российская власть не обходилась никогда за последние четверть века, не обходится и сегодня. Однако их роль сугубо функциональна: они не являются акторами публичной политики, а потому не могут быть конструктивными оппонентами консерватизма в политике электоральной.

«Системный» же, то есть парламентский, спектр политических сил сегодня выглядит как торжество консерватизма. В нем доминирует «государственническая» консервативная партия, которая пытается сочетать охранение и обновление, а ее партнерами (или достаточно лояльными оппонентами) выступают партии «других консерватизмов»: советского, почти не обновленного у КПРФ и модифицировавшего риторику у «Справедливой России», или «квазиимперского» (по крайней мере по риторике) – у ЛДПР. С оговоркой, что у такой конфигурации партийной системы тоже есть достоинства (главное – достаточно высокая степень консенсуса), подчеркнем ее главный недостаток: это союз (или ограниченная конкуренция) *охранительных функций консерватизма, это конкуренция «вариантов прошлого» с настоящим.* В ней

у «Единой России» нет серьезных конкурентов из «лагеря развития», нет либералов, нет партий, опирающихся преимущественно на динамические и ресурсно обеспеченные слои общества, а у самой правящей партии с этими слоями довольно большие проблемы в коммуникации. То есть этот «триумф консерватизма» – мнимый, на самом деле – это тупиковый путь в поиске правильного баланса между охранением и развитием. В таком виде консервативный проект имеет большую вероятность превратиться в «проект стагнации», а не в «проект развития».

К национальной модели консерватизма развития

Возвращаясь к началу, подчеркнем: *в конечном счете* успехом и «проекта развития» России, и исторической миссии российского консерватизма мы считаем возникновение российского аналога «жизненно важного центра» – цивилизованной конкуренции консерватизма с другими идейно-политическими течениями. В то же время приведем две аксиоматичные мысли:

– без сильного консервативного течения на политической арене успешное развитие России представить невозможно;

– адекватная цивилизованная конкуренция консерватизму со стороны либеральной или социал-демократической партии в краткосрочной перспективе возникнуть не может – процесс партийного генезиса потребует даже в лучшем сценарии годы.

Путь к «жизненному центру», цивилизованной конкуренции и реализации проекта развития может строиться только через расширение конкуренции внутри политического истеблишмента, секрет его успеха – обретение баланса охранения и развития внутри этого самого истеблишмента. Осмелимся высказать некоторые соображения о продвижении к этой цели.

1. Строительство институтов. У нас институциональное строительство стало «проповедью» либералов и либеральных экономистов. На самом деле сильные институты – сугубо консервативная ценность: это залог сильного и эффективного государства и обеспечение универсальности

применения законов. Государство сильно только в том случае, если действует одинаково в одинаковых ситуациях и его действия не зависят от произвола чиновника.

2. Продвижение ценностей, вполне органичных современному и классическому консерватизму и не конфликтующих с особенностями российского консерватизма:

- верховенство права: любая консервативная традиция – глубоко правовая по своему существу. Независимость суда, универсальность применения законов – краеугольные камни государственной стабильности и традиции. В утверждении верховенства права огромную роль играет преодоление правового нигилизма и «верхов», порой злоупотребляющих своей властной монополией, и «низов», предпочитающих обманывать государство, а не соблюдать закон;

- развитие местного самоуправления. Консерватизм – это ценность приватной сферы и защита «своего», то есть возможность для гражданина влиять на то, как выстроена жизнь на его «малой родине»;

- продолжение этой логики требует справедливых и честных выборов, полноценной конкуренции – «меритократии» в партийно-политическом пространстве;

- непримиримость к коррупции – явлению, несовместимому с подлинным государственным делом, разлагающему элиту, бизнес, общество – сами основы консерватизма;

- прагматичное отношение к гражданским свободам. Да, это ценность в первую очередь либеральная (хотя в западных демократиях она давно стала консенсусной для всех основных политических течений). Но без соблюдения этих свобод трудно надеяться на завоевание симпатий городского среднего класса, особенно – молодого, а это во всем мире (вспомним описанную выше позицию Кэмерона) – один из основных столпов поддержки консерватизма.

3. В экономической сфере – развитие частной инициативы. Все, что связано

с этим: ограничение вмешательства государства в экономику, низкие и предсказуемые налоги, защита собственника и инвестора – изначально считалось ценностями либеральными, но так было в эпоху конкуренции старой аристократии с поднимающейся буржуазией. Ныне же свобода предпринимательства повсеместно считается ценностью консервативной.

4. Сфера морали и приватной жизни всегда имела огромное значение для консерваторов, и Россия – не исключение. Однако важно в этой сфере не ограничиваться темами, которые «модны и удобны», но не всегда значимы для приватной жизни большинства россиян. А вот такие явления, как алкоголизм и наркомания, вполне «достойны» того, чтобы российский консерватизм объявил им непримиримую войну, и успех в этой войне существенно поднял бы авторитет консерватизма и мобилизовал общество в его поддержку.

5. Деликатный момент: отношение российского консерватизма к Западу. Здесь можно выделить несколько моментов:

- проблемы, которые у российского государства есть в отношениях с ведущими странами Запада, не нужно путать с консервативной традицией этих стран: сложности в отношениях с господином Кэмероном или госпожой Меркель не отрицают полезности для России опыта западной консервативной традиции;

- никакие проблемы в отношениях со странами Запада не отменяют необходимости сотрудничества с Западом. Прimitивное антизападничество не есть синоним российского патриотизма и не способствует развитию России.

В процессе реализации такой программы, повторим, вполне соответствующей базовым консервативным ценностям, сложится новая коалиция общественных сил, которая и задаст параметры для «жизненного центра» – консенсуса по базовым принципам российской политики и цивилизованной конкуренции политических программ развития России.

Литература

1. Поляков Л. Пять парадоксов российского консерватизма // Отечественные записки. 2004. № 2 (17). С. 522–538.

2. Moore, Barrington Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1967. XIX. 559 p.

Классификация видов консерватизма. Новая версия

Декартовский «субъект» положил начало Новому времени. В зависимости от того, кто или что ассоциируется с этим субъектом, возникают три большие идеологии.

Там, где субъект – отдельная человеческая личность, индивидуум, мы имеем дело с так называемыми индивидуализмом, либерализмом, анархизмом. Сразу оговоримся, что названия условные, так как различные идеологии выпячивают ту или иную черту идеологии. «Любимыми» темами этой идеологии являются:

- признание свобод и прав и борьба за них;
- права меньшинств вплоть до индивидуальности;
- потребительство (потребности, счастье и удовольствие индивида есть крайняя цель);
- право на аборты;
- право на эвтаназию;
- право на выбор пола;
- право на выбор сексуального удовольствия;
- ненависть к государству;
- ненависть к армии;
- ненависть к церкви, религии любого рода;
- видение истории как прогресса свободы, эмансипации, удовольствия и удовлетворения потребностей;
- отстаивание права на частную жизнь;
- право на коммерческую тайну;
- право на самооборону и пр.;
- в экономике – максимально свободный рынок;
- в политике – либо крайний элитизм и презрение к демократии, крайний анти-

этатизм или представительная и максимально прямая демократия с ограничением прав большинства и широкой представленностью всех возможных меньшинств; анти-традиционность, провокационность, постоянная готовность к протесту против любых норм, вмешательств и навязываний;

– борьба с «перенаселенностью» планеты, тема «нехватки» ресурсов;

– любая этика держится не на долге, а на счастье, свободе и удовольствии индивидуума;

– эстетика держится на удовольствии индивидуума, на «эффекте переживания» и на проявлении индивидуальной оригинальности и конфликте с любыми традициями, канонами и нормами.

Там же, где субъект – это прежде всего общество, расширенное до человечества, мы имеем дело с социализмом, коммунизмом. Еще раз повторю, что названия условные. «Любимые» темы этой идеологии:

– борьба с эксплуатацией человека человеком, любыми формами неравенства;

– социальные гарантии (медицина, образование, пенсии);

– борьба с бедностью;

– культ науки и техники, технический прогресс как средство решение проблемы «нехватки ресурсов» и «перенаселения»;

– интересы общества и будущих поколений есть основание этики. Основное слово этики – долг, основная награда – прижизненная или посмертная слава, общественное признание вклада в дело эмансипации человечества;

– искусство, несущее общественную функцию, часто идеологическую и воспитательную;

- повышенное внимание к средствам информации и коммуникации; прозрачность, открытость, транспарентность и общественный контроль абсолютно во всех сферах жизни;

- негативное отношение к частной собственности, в том числе к интеллектуальной собственности, авторскому праву и пр.;

- борьба с индивидуализмом, эгоизмом;

- борьба с нарушениями социальных норм, хулиганством, преступностью;

- борьба с «паразитарными» социальными институтами (церковь), классом рантье, аристократией, недоверие к художественной и гуманитарной интеллигенции, чей вклад в общество трудно оценить;

- в экономике – общественно-обоснованный план;

- в политике – демократия большинства, чаще плебисцитарная, демонстрация любых форм солидарности;

- высокая оценка роли государства как органа планирования и управления, выразителя общественных интересов, но низкая оценка государства как инструмента эксплуатации.

Там, где субъект трансисторичен и трансчеловечен, как, например, Бог или какой-то иной абсолют, мы можем говорить о так называемом «консерватизме», хотя этот ярлык придумали либералы, чтоб выставить себя сторонниками, а своих противников – «тормозами прогресса», но оставим пока это имя для лучшей понятности. Видов консерватизма гораздо больше, чем либерализма и коммунизма, потому что разнообразны трансисторические субъекты и связанные с ними религии и идеологии.

Любимые темы консерваторов:

- традиции, ритуалы, духовные ценности, в зависимости от признаваемых религий;

- этика, но трансцендентного происхождения, а не человеческая, то есть заповеди, миссия человека, назначение движения истории; основной вопрос этики – спасение и выполнение предназначения, духовное развитие, реализация трансцендентного смысла;

- настороженное отношение к техническому прогрессу;

- настороженное отношение к правам человека самим по себе, вне связи с трансцендентной реальностью;

- сакрализация роли государства, церкви, культа;

- категорическое неприятие самоубийств, эвтаназии, абортот;

- настороженное отношение к человеческому или общественному и государственному планированию;

- борьба за свободу совести, в том числе от посягательств государства и общества;

- в экономике – принцип разумной достаточности, пренебрежение материальным и подчинение экономики культурному, духовному и религиозному, экономика есть средство для создания выдающегося и великого в культуре и трансчеловеческой области;

- в политике – чаще всего монархия, различные виды теократии;

- революции признаются в духовной и личной сфере как саморазвитие, общество же вообще может быть неизменным, традиционным и статичным и обеспечивать духовную жизнь.

Каждая из трех идеологий, как правило, видит две другие, ей противоположные, в одном цвете, не особо различая. Так, либералы клеймят и консерватизм, и коммунизм единым словом «тоталитаризм» и видят в них всего лишь разновидности этого тоталитаризма. Коммунисты видят в либералах и консерваторах единый феномен. Либо консервативная идеология видится всего лишь обслугой или ширмой либерального капитала, либо либерализм произведен от крайне антиобщественных религиозных взглядов («жидомасоны» и т.п.). Наконец, консерваторы видят в либерализме и коммунизме одну и ту же идеологию атеизма, попытку сделать богом только человека, построить царство Божие на земле, отрицать трансцендентные духовные измерения и погрязть в разновидностях материализма и гедонизма.

Кроме трех означенных крайних вариантов идеологий возможны еще три микса и несколько промежуточных вариантов между миксами, в зависимости от того, как тактически и исторически три вышеозначенные идеологии заключали между собой союзы.

В истории эти обозначенные идеологии в истом виде встречаются редко, а чаще – в виде миксов друг с другом и промежуточных вариантов.

Первый микс – это либерал-социализм, если так можно выразиться. А также все промежуточные позиции между либерализмом и социализмом. Чистый либерал-социализм характерен негативным отношением к любому консерватизму, к религии, церкви, государству, традициям и духовным ценностям. Он берет у социалистов веру в общественный и технический прогресс, уделяет огромное внимание средствам коммуникации, любит протест и революционность. Не чужд мерам социальной защиты и правам меньшинств. Аналоги из ближайшего столетия – это либеральный коммунизм Троцкого – Ленина, сегодня это еврокоммунизм, идеология политкорректности, толерантности, либеральная демократия в США и Европе, с их широкой базой социальных прав и гарантий и бюрократией. Но это микс с уклоном в либерализм. Если же уклон более социальный, то есть за субъект берется не человечество в целом, а отдельный народ, нация или раса, то мы имеем дело с разновидностями национализма и фашизма (особенно в их атеистическом, материалистическом варианте, лишенном трансцендентного измерения). Тогда к любимым темам такой идеологии добавляется тема демографии, сбережения и роста народа, войны (а значит, и тема милитаризма) за жизненное пространство, внутринациональной и расовой солидарности.

Второй микс – либерал-консерватизм. Права человека и свободы, которые чтит либерализм, понимаются как данные Богом, накопление богатства, достижение успеха в политике в обществе и пр. воспринимаются как божественное или религиозное служение или как средство спасения. Государство призвано охранять права и свободы в первую очередь и само либо является реализацией идеи свободы, как это было в идеологии либерал-консерваторов вроде Черчилля или Рейгана, либо имеет божественную, сакральную основу, а рынок и свобода личности есть просто наиболее адекватное общественное устройство в условиях конечности человеческого бытия,

которое не имеет права замахиваться на строительство рая на Земле, на всеобщее планирование и вообще подменять Бога человеком. Так, например, обосновывал борьбу с социалистами Франко.

Третий микс – социал-консерватизм. Здесь выполнение именно социальных норм и справедливая жизнь считаются священной и религиозной обязанностью. Взаимопомощь не из прагматизма и общественного долга, а из религиозного и традиционного долга или в целях спасения; распространенность коллективных действий, ритуалов. Жертвенность, общинность, массовый героизм или массовый подвиг. Государство-корпорация строится по принципу государства-монастыря, так как идеальные или идеологические и духовные стимулы к труду преобладают над материальными и прагматичными. Бытовая экономика функционирует по принципу разумной достаточности, отрицается роскошь. И в экономике, и в политике преобладают коллективные действия и проекты, носящие печать идеологии, поэтому господствует гигантомания, а не принципы прагматизма и удобства. Общественный и технический прогресс признается в отличие от чисто консервативных идеологий. Исторический аналог: Российская империя XIX века, особенно в период правления Александра Третьего. Из недавнего прошлого: СССР Сталина. Он, собственно, и демонстрирует переход от либерально-социалистического микса троцкизма-ленинизма к коммуно-консервативному. Недаром в позднем сталинском социализме и в период войны было реабилитировано православие. Безусловно, что идеология Александра Третьего – это больше уклон в консерватизм, а позднесталинская идеология – больше уклон в социализм, но это один и тот же микс.

Таким образом, мы выделили шесть идеологий Нового времени. Нельзя их путать с политическими режимами и способами государственного устройства. В зависимости от политических традиций и исторического момента эти идеологии имеют разные названия. Например, американские республиканцы в этой классификации – типичные либерал-консерваторы, а демократы – либерал-социалисты. Тори в Великобритании также либерал-консерваторы,

а виги – либерал-социалисты. В Латинской Америке мы видим социал-консерватизм под маской христианского социализма. Таким же поворотом к социал-консерватизму отмечена политика Путина, пришедшая на смену либеральному консерватизму 2000-х и либерал-социализму и либерализму 1990-х. Из шести выделенных идеологий и миксов три задействуют слово «консерватизм», и их место в общем и целом в идеологической системе Нового времени понятно.

Но наш анализ был бы не полон, если бы мы взяли только одну – рационалистическую философскую традицию Нового времени. Вместе с концептом декартовского «субъекта» в Новое время естественным образом развивается и «свое иное» – то есть традиция антисубъективизма во всех его проявлениях. Этот антисубъективизм может выглядеть как недофилософия, которая не имеет самостоятельного значения без того, что она отрицает. Но поскольку массовое сознание склонно к такой недофилософии, а именно оно зачастую оказывается решающим во всемирно-исторических событиях, то игнорировать популярные идеологии антисубъективизма невозможно.

Средневековое мировоззрение держалось на триаде: Бог – Царь (государь) – Отец (муж, мужчина). В Новое время эти ипостаси были перетолкованы в соответствии с рационалистической философией субъекта. То есть Бог стал абсолютным духом, субъект-субстанцией; государь – субъектом-сувереном; отец, мужчина – преимущественным носителем политических и экономических прав. Таким образом, средневековое мировоззрение было включено и снято в философии Нового времени.

Но с этим не согласилось мировоззрение эпохи Просвещения – поп-версия философии Нового времени и крайняя оппозиция любым элементам средневекового мировоззрения. Так, в философии Просвещения появляются три фронта против традиционных локализаций субъективности.

Первый – атеизм, он же материализм, борьба с трансцендентным субъектом, с божественным и священным в любом его проявлении, особенно в проявлении именно субъекта – отца или Бога-Вседержителя. Такой атеизм готов признавать материю, природу, стихийность атомов и энергии, но

не «руководящий и направляющий», а тем более личностный трансцендентный первопринцип. Поскольку ученые все же изучают порядок материи, то наука может так же объявляться человеческим институтом и порождением разума, а в «вещах в себе» можно подозревать царство случая и неопределенности и исповедовать не атеизм, а агностицизм. Атеизм и агностицизм особенно органичны чистому либерализму и в значительной мере чистому социализму и либерал-социальным миксам.

Второй фронт – это антимонархизм, демократизм, анархизм, парламентаризм в крайних его выражениях. Суть фронта в противостоянии. Фигуре царя, суверена, государя, любого лица, которому в той или иной степени принадлежит верховная власть. На первых этапах речь шла о войне с монархией и десакрализации образа верховной власти. Если монарх сохранялся, то его полномочия становились символическими и перераспределялись в пользу стихийного парламента, источником верховной власти объявлялся народ. Здесь, как и в случае с материей, важно, чтобы верховная власть носила безличностный характер, либо вообще отрицалась, как в анархизме, в пользу прямой демократии или революционной стихии, или в умеренном варианте – в пользу общественного договора. Этот фронт наиболее ценим представителями социалистических идеологий и миксов.

Третий фронт – это фронт против фигуры Отца, против семьи и против мужественности и мускулинности как таковых. Этот фронт рекрутирует в себя феминизм, движение поддержки ювенальной юстиции, движение сексуального просвещения, ЛГБТ-движение, чайлд-фри движение, различные виды нон-персонализма, как правило, психологического или религиозно-эзотерического толка. Просвещение начинает здесь с суфражизма, с требования равных избирательных прав мужчин и женщин, потом выступает против семьи как способа «закабаления женщины», потом требует права быстрых разводов и алиментов, а дальше переходит к атаке на традиционную семью, узакониванию гей и лесби-браков, навязывает моду на унисекс или метросексуализм в противовес мачизму. Заканчивается всё идео-

логией полной деперсонализации: сколько людей – столько и полов – и деперсонализацией – личности нет, есть стихии аффектов, энергий и пр.

В соответствии с этими тремя фронтами мы можем видеть и три консервативных варианта сопротивления.

Первый консервативный фронт – это религиозный консерватизм, теизм, формы религиозного сознания, разнообразные виды церкви. Причем церковные и общинные варианты вовсе не обязательны, теизм может быть и вполне «научным» и индивидуальным. Так, многие великие ученые – Ньютон, Дарвин, Эйнштейн – были субъективно теистами или деистами. В конце концов, наука открывает мировые законы и порядок, а крайний атеизм и антиперсонализм предполагает полное царство случая и стихий. Такие ученые, которые не считают науку только человеческим институтом на манер Канта и постпозитивистов, а верят в то, что они изучают так называемую объективную истину, даже часто солидаризируются с религиозными и церковными кругами, с богословами и теологами разных конфессий.

Второй консервативный фронт – это политический консерватизм. Чаще всего он подкрепляется религиозным, но острее его критики сосредоточено на демократии и ее проявлениях, на революции во всех ее видах, на парламентаризме и его издержках. Он жестко критикует все революции в пользу эволюции и легитимных процедур смен власти, критикует любые проявления прямой демократии, в том числе электронной и любые горизонтальные и сетевые стихийные организации в пользу вертикально ориентированных. Политический консерватизм – апологет монархии, крайних форм этатизма, часто – теократии. В современном мире, апологет сильной президентской власти или власти любого другого главы государства, увеличения сроков правления, отмены ограничений на количество избранных и пр.

Наконец, третий консервативный фронт – это, если будет позволено так выразиться, бытовой консерватизм. Он связан с отстаиванием так называемых «традиционных ценностей», под которыми чаще всего подразумеваются ценности традиционной семьи, распределение половых семейных

ролей и прежде всего мужчины как отца – главы семьи, добытчика, а женщины как матери и домохозяйки. Так же традиционный консерватизм подразумевает обязательное почтительное отношение к родителям и их первенство в воспитании, а не делегирование этого вопроса школе, органам опеки и пр. Бытовой консерватизм выступает за многодетные семьи, за затруднение возможности разводов и, конечно же, он против сексуальных девиаций и нетрадиционных видов семьи – «шведской» или ЛГБТ. Исключением является традиционное для некоторых исламских стран многоженство. Бытовой консерватизм поддерживает в принципе культ мужчины, мужчины – воина, борца, предпринимателя, творческой, ответственной, сильной личности против любых феминизаций и унисексуализаций образа мужчины. Естественно, бытовой консерватизм выступает против любых форм нон-персонализма, от эзотерического до постмодернистского.

Важно отметить историческую динамику взаимоотношения этих антисубъективистских и консервативных фронтов. Просвещение предполагало, что в триаде Бог – Царь – Отец главным и ведущим является Бог. Дескать, традиционная политическая система держится на освященном религией пьедестале, то же относится и к традиционной семье. И достаточно разрушить религию, церковь, как тут же рухнет и всё остальное: если Бога нет, то все позволено. Поэтому первый удар Просвещение наносило по религии и церкви и по теизму. Несколько позже исторически началась эпоха революций и «отрубания голов» монархам. Наступление на Отца, традиционную семью и особенно на «мужественность» началось исторически совсем недавно.

Однако есть все основания предполагать, что именно эта последняя историческая атака и является наиболее опасной для консерватизма, крайним бастионом обороны. То есть дело обстоит не так, что всё держалось на фигуре Бога – и царь, и семья, – а скорее сам концепт Бога был понятен и воспринимался через призму Отца и Царя, особенно в концепте Отца как наиболее близкого и знакомого, укорененного в бессознательном и микро-практиках. Даже в традиционных обществах религиоз-

ная жизнь и отправление культов занимают один день в неделю и один-два часа в день, политическая жизнь так же – только когда речь идет о применении законов и текущем управлении, судах, отношениях собственности. Большая часть жизни протекает скорее в кругу семьи, особенно в период формирования личности. Поэтому о политических и религиозных принципах и устройстве судят по аналогии с семейным устройством, и семейные микро-практики и отношения власти, пронизанные религиозным мировоззрением, остаются надолго даже в отрыве от этого мировоззрения. Часто можно заметить, что нарушение отношений на уровне семьи (например, безотцовщина как крайний вариант) ведет к нарушению отношений с обществом и властью (криминальные и революционные элементы часто из семей без отцов) и отношений с Богом и церковью и традиционной сферой, они мыслятся как несуществующие или придуманные или карающие, но не живые – человеческие, пронизанные уважением и благодарностью к прародителю.

В свое время первые атеисты настаивали на том, что нравственным человеком можно быть и без Бога, они показывали на безусловно порядочных людей, которые провозглашали свой атеизм, как на образец такой нерелигиозной нравственности и светской этики. Аналогично позже Просвещение демонстрировало, что можно быть гражданином государства и слугой народа без всякой трансцендентной этики и без этики «служения государю», без всяких «законов чести» и прочих консервативных мотиваций. Указывалось на гражданский героизм советских людей в период Отечественной войны – большая часть героев была со знательными коммунистами и атеистами. Однако во всех этих случаях мы забываем, что люди еще поколениями воспитывались в традиционной семье с ее традиционными консервативными микро-практиками и, по сути, еще религиозной этикой и правилами, религиозное происхождение которых было скрыто от самих носителей.

Человек может быть поверхностным атеистом и демократом, потому что так учат в школе и потому что так говорят средства массовой информации, но благодаря традиционному семейному воспитанию

он по своим паттернам поведения ничем не отличается от человека, воспитанного в религиозной и монархической среде. Для них обоих будут важны слова «честь» и «честность», понятны слова «долг», «благодарность», «уважение», почитание иерархии, потому что это было тождественно в их семьях. В современном же мире, где предпринята атака на традиционную семью, когда растет количество разводов, детей без родителей, детей с нетрадиционными родителями и так далее, автоматически растет количество преступников, коррупционеров, лжепредпринимателей, отмирают гражданские добродетели, растет пацифизм и аполитизм, начинают процветать неперсоналистские, синкретические, эзотерические и сатанистские нью-эйджевские культы и религиозные мировоззрения. Оказалось, что «смерть Кашея», то есть в данном случае консерватизма, находится вовсе не в концепте Бога, а в концепте Отца и Мужчины, в концепте Личности.

Именно атака на семью, отца, мужчину позволяет разрушить всё традиционное общественное здание вместе с его государственными институтами, законами и пр. и их идеологическим обоснованием, в конечном счете всегда религиозным. Разрушение идет в пользу анархических горизонтальных экономических и политических связей, медийных стихий и сетей, атомарных и случайных отношений.

Поскольку именно в семейной сфере находится центр и нерв общественного устройства, там происходит выбор между моделями развития и устройства общества, там основной фронт борьбы Добра и Зла. Пока богословы находят общий язык с учеными, а политические консерваторы ведут дискуссии с демократами в парламентах и на ток-шоу, настоящие войны разгораются по поводу ювенальной юстиции и отношению к ЛГБТ-сообществу, настоящие войны идут в семьях по поводу воспитания детей, по поводу семейных обязанностей и т.п. И с одной стороны есть сила традиционного бытового консерватизма и унаследованные паттерны и влияние консервативных идеологий, а с другой – влияние глянцевого журнала, масс-медиа и разлагающихся элементов традиции, свободных

радикалов, ибо один пострадавший в этой войне на личностном уровне стремится заразить других.

Какни странно, именно недооцениваемый интеллектуалами консерваторами «бытовой консерватизм» является самым главным оплотом консерватизма, что отлично понимают враги консерватизма и бьют именно в традиционные семейные ценности. Современный консерватизм, во всех его видах, если он хочет выжить и спасти себя, должен всю свою энергию направить именно на этот фронт. Политический консерватизм должен озаботиться принятием законов, связанных с укреплением традиционной семьи, церковь должна сказать свое веское и строгое слово, а не потворствовать «современным веяниям», переводя на церковный язык идеологию постмодернизма (вместо «все люди

разные и надо вести себя политкорректно с уважением к их различиям» говорят «все люди грешные и кто мы такие, чтобы судить другого за его грехи»).

Правильно выбрать точку приложения усилия и прорыва это значит правильно направить энергию борьбы миллиардов людей в мире. В свое время Рональд Рейган сумел выиграть борьбу либерализма с коммунизмом, перетянув себе в союзники консерватизм и начав рассуждать в терминах мирового добра и зла. Сегодня Владимир Путин мгновенно получил поддержку сотен миллионов людей во всем мире, консервативного бытового большинства, выступив в защиту традиционных ценностей против пропаганды ЛГБТ. Это значит, что нащупан правильный нерв, надо расширить и увеличить усилия в этом и смежном направлениях.

От Заката до Восхода

Мы не проповедуем войны – уже по одному тому, что такая проповедь была бы слишком смешна из наших слабых уст; мы утверждаем лишь... что борьба неизбежна... Европа не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасною.

Николай Данилевский

Я, пожалуй, на стороне зомби. Они хорошие парни – то есть, разумеется, они не хорошие парни, у них, знаете, есть проблема. Но они не врут, не жульничают. Они довольно откровенны. Понимаете, я... вырос с этой идеей – я американец. Американцем быть круто. Я думал, что мы единственные хорошие парни на свете. Со временем я понял, что это ничего общего с действительностью не имеет. Я просто не смогу тебе объяснить, как я разочарован.

Джордж Ромеро, классик фильмов о Зомби-апокалипсисе

Весна новой России, Христовой Руси, начинает заявлять о себе первой зеленью и цветами. Россия вступает в свою миссию. Россия, без которой нельзя существовать ни Востоку, ни Западу, постепенно выходит на свет.

Свт. Николай Сербский (Велимирович)

Украинский кризис – момент истины в отношениях между Россией и Западом. В предшествующие годы и века Россия (Московия, СССР и т.д.) выступала в качестве участника «европейского концерта», примыкала к тем или иным коалициям. «Русский фактор» не дал реализоваться двум грандиозным евроинтеграторским проектам – наполеоновскому и гитлеровскому, – благодаря которым «западный мир» мог бы полностью «консолидироваться» не в конце XX века, а раньше. Противостояние мира коммунизма евроатлантическому миру разыгрывалось по западным партитурам и в западном стиле. И только весной 2014 года карты вскрылись – Россия (если судить по официальной позиции государств Европы, Северной Америки и их цивилизационных союзников) оказалась в изоляции. В унисон с евроатлантами не играют разве что Китай (игрок сильный, но всегда солирующий) и некоторые развива-

ющиеся страны Азии и Латинской Америки, недовольные «однополярностью», но в той или иной степени зависимые от Запада экономически и культурно.

Украинский кризис – всемирно-исторический момент истины. Решается судьба Запада, судьба России и всего человечества. Осмысление и непротиворечивое описание происходящего, основанное на определенной системе аргументов, сегодня необходимо жизненно. Потому что на локальной гражданской войне в соседней стране гибнут первые жертвы очередного необъявленного *Drang nach Osten*'а, претендующего на «окончательное решение русского вопроса».

Россия и Запад

Общую судьбу России и Запада можно понимать и анализировать, но невозможно предсказать. Потому что мировой опыт

«заката» одних культур и «восхода» других не помогает – уникальны как современный Запад, так и его возможности в отношении других человеческих сообществ и всего человечества.

Освальд Шпенглер, многое говоря о *качественной* уникальности западной культуры, в контексте своей борьбы с «концепцией линейной истории» не концентрирует внимание на том, какой колоссальный *количественный скачок* сделал предзакатный Запад и какие фатальные последствия для человечества эта количественная глобальность западной культуры имеет с учетом специфики «западной души».

Специфику Запада предтеча Шпенглера Николай Данилевский сводит к «чертам романо-германского национального характера», главной из которых он называет «насильственность (*Gewaltsamkeit*)». По его мнению, насильственность «есть ни что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо-должен ему уступить, волю или неволю, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего – своему интересу даже не кажется с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма... чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему [сэр Редьярд прямо предложил Белому человеку: «*пошли своих сыновей на службу тёмным сынам земли*». – Д.Ю.]. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии – к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета. Конечно (старается соблюсти объективность Данилевский), он имеет и хорошие стороны, составляет основу настойчивого образа действий, крепкой защиты своих прав и т.д.».

Оценка Данилевского, которого с легкой руки Владимира Соловьева давно зачислили в обскуранты, эффектно резон-

нирует с выводами Шпенглера. «Западно-европейский человек, причем всякий, без исключения, пребывает... в плену колоссального оптического обмана. Все друг от друга чего-то *требуют*. Фраза “ты должен” высказывается в том убеждении, что здесь в самом деле что-то должно и может быть изменено, оформлено, упорядочено. Вера в это, как и в соответствующее право, оказывается непоколебимой. Здесь приказывают и требуют повиновения. Это-то в первую очередь и *именуется* у нас моралью. В нравственной сфере Запада все оказывается... претензией на власть... В этом нет никакой разницы между Лютером и Ницше, папами и дарвинистами, социалистами и иезуитами. Их мораль заявляет о себе вместе с претензиями на всеобщую и долговременную значимость... Всякий, кто мыслит, учит и волит как-то иначе, – грешник, отступник, короче, *враг*. Ему объявляют беспощадную войну... Неправильно связывать с нравственным императивом христианство “как таковое”. Это не христианство переформатировало [западного. – Д.Ю.] человека, а он переформатировал христианство, причем не просто в новую религию, но и в направлении новой морали... Воля к власти также и в области нравственности, страстное желание возвысить собственную мораль до всеобщей истины, навязать ее человечеству, желать... уничтожить всё, что не таково – вот истиннейшее наше достояние...». Так полагает искренний прусский националист и высокообразованный европейский интеллектуал Шпенглер.

Эта уникальная специфика Запада, претендующего на экспансию глобальную, то есть всепланетную, а главное, в принципе не способного к сдерживающей рефлексии и всегда уверенного в нравственной оправданности своей экспансии, за время становления западной цивилизации уже привела к нескольким необратимым и страшным последствиям. Западный мир – единственный мир-убийца: на его счету гибель как минимум двух самостоятельных цивилизаций (ацтеков и инков), уничтоженных конквистадорами похода, без особой необходимости и даже без осмысленной цели. В этом – полное несовпадение западного «большого стиля» с экспансией Римской империи (которую Запад ошибочно счита-

ет своей прародительницей), равно как и со становлением «русского мира», российской колонизацией огромных евразийских пространств.

Римские когорты, входя в города и подчиняя народы, брали под контроль только одно – систему управления. Формальная, управленческая лояльность со стороны «захваченных» в обмен обеспечивалась фантастической (с современной европейской точки зрения) идеологической лояльностью «захватчиков», доходившей часто до включения локальных богов в единый имперский пантеон. Иной, но также вовлекающей, гармонизирующей, была русская экспансия: в отличие от римлян, русские «колонизаторы» претендовали даже не на управленческую лояльность, а зачастую на «личные», «доверительные» отношения, на, как ни смешно это покажется, «дружбу народов» под эгидой белого царя.

Скорее всего «русский мир» попросту не выдержал бы прямого столкновения с Западом, если бы его – вопреки мнению славянофилов – не спас Петр Великий. Интересно, что Шпенглер и Данилевский парадоксально расходятся во взглядах на роль Петра I в русской истории. Оценка Шпенглера полностью совпадает с оценкой славянофилов: «Петр Великий сделался злым роком русскости... Народу, чье предназначение – еще поколениями жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история». Славянофил Данилевский, со своей стороны, признает Петра спасителем «русскости» – если бы не насильственная и искусственная европеизация русской жизни, полагает он, Россия не вынесла бы предстоящей борьбы против неминуемого *Drang nach Osten*, она просто не получила бы для самозащиты необходимых инструментов, хотя ценой их получения и стал «величайший вред будущности России» – «искажение народного быта и замена его форм формами чуждыми».

Результатом «петровского псевдоморфоза» русского культурно-исторического типа становится не только выживание и сохранение России, ответившей Западу на его языке и его оружием, но и участие России в европейской истории не в своей роли и не всегда в своих интересах. Данилевский приводит долгий перечень неспра-

ведливостей и травм, нанесенных России неблагоприятными «союзниками», то и дело спасаемыми силой русского оружия от собственных, европейских, соседей (Пруссия и вся Европа от наполеоновской Франции) или даже революционеров-сепаратистов (Австрия от венгерских повстанцев). Апофеозом неблагодарности становится, по его мнению, несправедливая и предательская Крымская война, впервые убедительно показавшая России, что ее в Европе не считают «своей». Однако урок не пошел впрок – Россия своей *отдельности от Запада* так и не признала.

В XIX веке Европа для образованных русских – это «любимое кладбище» (Достоевский), образец и пример прогресса (революционные демократы), источник неприятностей и организатор нестроений (охранители-консерваторы). Вокруг западных ценностей, вокруг идей Просвещения, вокруг религиозной и политической эмансипации развиваются идеология и практика великих реформ Александра II и постреформенной реакции Александра III. Но какие бы крайние формы не принимали про- и антизападные взгляды русских деятелей, никто из них (кроме, возможно, самых радикальных представителей народного религиозного поиска) не соглашался признать *Запад явлением цельным и враждебным России и русским*. Западные революционеры дружили с русскими, русские цари, политики и чиновники вели свои игры с европейскими дворами, заключались и перезаклучались союзы, достигались – после досадного поражения в Крымской войне – всё более значительные победы. Разве можно было приписывать «Западу» – от дружественной новой страны по имени Северо-Американские Соединенные Штаты и союзной Французской Республики до династически родственных Великобритании, Дании и Германии – какие-либо единые русофобские позиции? Вот, например, Япония с Россией воевала, финансируя при этом революцию 1905 года, а президент США Теодор Рузвельт Японию с Россией мирил. Или Англия вместе с Францией в общей Первой мировой войне против «центральных держав» и Турции поддерживала самые смелые упования русских в направлении Царьграда и Проливов, а германский генштаб, напротив, интриго-

вал, забрасывая в Россию своих агентов влияния в plombированных вагонах...

Можно даже не вникать в довольно известную фактографию начала века – о тайных усилиях японцев, немцев, англичан и французов, в результате соединенного действия которых обрушилась династия, а выстрадавшая победа русского оружия обернулась распадом Империи. «Тайная война против России» была тайной не потому, что «масонские» (или «сионские») мудрецы организовали ее по секрету. Цивилизационные конкуренты России ничего и не скрывали – это Россия, имея глаза, не видела, имея уши, не слышала. Вот и вся «тайна».

Само восприятие происходящего, сам язык обсуждения событий не позволяли русским умам увидеть свою вне-положенность Западу, свою роль *объекта* для «европейской» экспансии. Россия и русские воспринимали себя *субъектом* европейского исторического процесса. Между тем, достаточно будет просто отметить: Россия, одно из наиболее хорошо подготовленных к войне государств мира, держава с мощной армией и эффективной дипломатией, союзник и партнер основных центров силы в мире, за исторические ничтожное время – с середины XIX до середины XX века – *была остановлена Западом, именно им – Западом – вычеркнута из всех цивилизационных проектов, ради которых она участвовала в «мировом концерте».*

Еще в 1876 году Данилевский мог с полным основанием проектировать будущее «Славянского союза» со столицей в освобожденном Константинополе. С чем пришла Россия в XX век? С полной и системной потерей всех позиций, которые так или иначе зависели бы от лояльности или хотя бы отсутствия вероломства со стороны «наших партнеров» с западной стороны. С утратой шансов на «Проливы» и «Царьград». А самое главное, с западным коммунизмом, нанесшим русскому проекту сокрушительный удар в самое сердце, – удар, едва не ставший последним.

Россия и коммунизм

Призрак коммунизма пришел в Россию из Европы – а после его ухода из России она сама едва не стала призраком.

Коммунизм в середине XIX века подытожил европейское Просвещение, стал иррациональным обожествлением западного рационализма, довел до абсурда западный антропоцентризм, избавив идеологию Великого Инквизитора от остатков религиозной маскировки.

Однако коммунизм как западная идеология оказался для России и русских чудовищной социально-психологической ловушкой потому, что в его лицемерных, инквизиторских формулировках было погребено принципиальное различие между русской и западными системами ценностей.

Повторю здесь, не вдаваясь в подробный анализ, интуитивно очевидное. Ценности Запада – вовсе не «Свобода – Равенство – Братство» (это всего лишь французская революционная реклама). Ценности Запада – это «Свобода – Собственность – Законность» (интересно, что так был сформулирован современным русским философом-западником официальный лозунг партии «Выбор России» на выборах в Государственную Думу в 1993 году). Личная свобода. Священное право частной собственности. Закон, который должен торжествовать даже ценой крушения мира. Культ индивидуализма, конкуренции и всевластия юридической бюрократии.

Русская триада очень похожа, очень близка, но отличается в корне. Свобода, собственность и законность – для русского сознания важные, но служебные ценности. Инструменты. Свобода – инструмент для защиты чести и достоинства. Собственность – ресурс для труда и творчества. Законность – способ достижения правды и справедливости. И если бы Русская революция не стала Великим октябрьским социалистическим фальстартом, то на ее знаменах вместо французского слогана были бы, наверное, написаны слова «Честь, Труд и Правда».

Ловушка, заложенная в западном коммунизме для русской души, порождена сутью западной морали. Вместо «несть человека, яко жив будет и не согрешит» и «единого Безгрешного» – догмат о непогрешимости бюрократического института по имени «римский епископ». Вместо сознания собственного несовершенства – узурпация безусловного «знания как надо» и окончательность собственной правоты.

До определенного момента, пока задача избавления от химеры совести не была поставлена и решена честно, «быть правым» значило «быть хорошим», а понятие «хорошего» навязывалось – с давних времен – остатками христианства. Поэтому западный коммунизм, продолжая западный утопический социализм и западный же утопический католицизм, был вынужден кодифицировать христианские ценности, отбросив – первоначально – собственно Христа (сначала Его подменили «наместником» как единственного Главу Церкви, а потом и как Бога). В утопическом символе коммунистической веры были закреплены формулы, отвергающие в западной душе то, что осознавалось как противоречащее христианству, – индивидуализм, конкуренцию и государственное насилие. Закреплены, как это было свойственно культуре Запада до ее дехристианизации, лицемерно и неискренне.

Собственно, именно о таком – западном – социализме, «ангсоце», рассказывалось в гениальном романе Оруэлла «1984». Только сегодня можно понять, что оруэлловская пародия гораздо ближе к реальности политкорректного Евросоюза XXI века, чем к brutальной сталинской диктатуре 1948 года. «Свобода есть рабство». «Незнание – сила». «Война – это мир». Но на Западе коммунизм не победил – во всяком случае, напрямую, грубо и лживо.

Оказалось, что провозглашать в качестве политических целей «идеи добра» слишком опасно – они взрывают изнутри самое важное в организме европейской цивилизации, подрывают основы этики и идеологии успеха, давно уже вытеснившие за пределы западной идентичности евангельские заповеди. Русский мир срезонировал в 1917 году на лозунги коммунизма совершенно по-другому, чем западное общество. Диалектическое двоемыслие Запада было воспринято русским массовым сознанием «в лоб»: как провозглашение высших ценностей свободы, знания и миролюбия, ценностей «добра», противостоящего «злу». Воспринято с колоссальным, сокрушительным *доверием*. Доверием, тут же жестоко обманутым, но так и не сломленным.

Общим местом антикоммунистической пропаганды стало развенчание ре-

волюционных лозунгов. Землю у крестьян отобрали и передали государству. Провозгласив народам мир, объявили войну «всем буржуям». Хлеб стали распределять по карточкам. А власть рабочих узурпировала номенклатурная бюрократия. Незамеченным осталось другое: сила (а значит, и правда) этих лозунгов пережила и грубый обман, и десятилетия жестокой диктатуры. В конце концов, именно сила коммунистических лозунгов, *искренне* впитанных и усвоенных миллионами бывших пионеров и комсомольцев, сокрушила казавшуюся нерушимой силу советской власти – лицемерной, бюрократической и жестокой. Потому что деятельное отторжение народом еще вчера могучего строя было бы невозможно имитировать или навязать снаружи – советская власть рухнула под ударом возвратной волны обманутого народного доверия.

В результате русская душа осталась наедине с идеалами, разрушенными «своею собственной рукой». Великий октябрьский фальшарт 1917 года закончился в 1991 году Великим августовским сходом с дистанции и едва не выгудел в гудок колоссальную мощь рождающейся русской цивилизации. Мощь, в течение семидесяти лет совершившую невозможное – превратившую безграмотный «пранарод» в эффективную человеческую силу, наделенную энтузиазмом и интеллектом, творческой энергией, военной мощью, социальной гибкостью. Силу, которая вынудила чуждую, по сути своей враждебную, коммунистическую надстройку мимикрировать под русский базис, перемешивая и сплавляя воедино – до полной неразличимости в памяти потомков – великие русские успехи и огромного масштаба коммунистические провалы.

«Смыслом русского коммунизма» в XX веке стала не прекращающаяся – а только нарастающая и особенно страшная из-за завязанных глаз и заткнутых ушей – война Запада против становящейся русской цивилизации. Война, успешно перенесенная не просто на территорию России, а на территорию русской мысли и русского коллективного бессознательного.

Русский коммунизм перенаправил энергию русскости в русло решения проблем Запада. Вместо реализации своей судьбы русские занялись собиранием «за-

падных земель» – того самого Abendlandes – в антинациональный «союз советских социалистических республик», в имени которого сразу же растворилось имя России. Вместо пестования своей души и своих ценностей, русские вышли в авангард западного богоборчества. Обе эти «адовы работы» решали – правда, только как вариант – обе главные задачи западного мира: задачи выхода за государственные границы и рамки морали, задачи территориальной и моральной глобализации.

Однако глобализация Запада, его усиление и разрастание, его ориентация на конкуренцию и конфликт не могли не расширить спектр возможностей. К «глобальному миру» вело сразу несколько путей. Путь, по которому направили Россию, пугал – слишком мощные силы были выпущены на поверхность, слишком неожиданно наполнились русским духом романтические алые паруса нарисованной бригадины. Поэтому – как реакция на неоднозначность коммунизма, на его лицемерие, на его опасное заигрывание с моральным чувством – была реализована гораздо более честная, чисто западная, альтернатива. Фашизм.

Запад и фашизм

В последнее время силу и содержательность понятия «фашизм» пытаются изо всех сил дискредитировать. Утверждается, что слово «фашизм» стало бессмысленным ругательством, синонимом слова «очень плохо», которое каждый может бросить в лицо тому, кто ему не нравится. Это – эффективная ментальная самозащита части человечества от неожиданной, пугающей актуальности фашизма.

Никакого «расширения» и тем более «растворения» понятия «фашизм» на самом деле не происходит. Фашизм – далеко не «всякое» зло. Жестокость ордынских набегов, изощренность китайских пыток, саморазрушительная ярость ближневосточных шахидов, хищничество русских «братков» – все это разные формы зла, которые вовсе не обязательно являются фашизмом.

Если попытаться сформулировать кратко, то фашизм – это форма *деятельного человеконенавистничества*, это *нигилистический тоталитаризм*, основанный на культе

собственной правоты, которая оправдывает ненависть и жестокость через отрицание *биологического* равноправия «врага». «Враг» (которым по мере необходимости может быть произвольно назначен политический или религиозный оппонент, экономический конкурент, «туземец», заселивший вождленную территорию) провозглашается и осознается *недочеловеком* (subhuman, Untermensch). Это позволяет *снять любые ограничения* с биологически и этически запрещенных форм внутривидового взаимоуничтожения и вогнать пораженное фашизмом общество в состояние истерической эйфории, массового садомазохистского психоза. *Освободить его от химеры совести.*

Формой самоорганизации фашистского общества становится «духовная бантустанизация» – социально-психологический апартеид, разделяющий людей по достаточно формальному признаку на «наших» и «не наших». Для всех разновидностей фашизма характерна особая форма брендинга, которая вводит в массовый обиход определенную «политическую моду» (от «Хайль Ющенко» до «Так Гитлер» – возможны варианты). Способом формирования кастовой структуры пораженного фашизмом общества (и одновременно способом выбора бренда) является самозванство – произвольное, не основанное ни на каких реальных предпосылках самоотождествление какой-либо группировки с произвольно же провозглашенной символической позитивной ценностью (возможны варианты: расовая чистота, социальная справедливость, рукопожатность, интеллигентность, пролетарское происхождение, иное).

Из вышесказанного следует, что фашизм – порождение именно западной культуры, дистиллят «насильственности» Запада, концентрированное выражение агрессивного западного стиля. Стиля, основанного на безудержном и бессовестном произволе *фанатичной правоты*. На «расизме» не обязательно этническом, возможно – социальном, политическом или даже этическом. На публичном и – да, *честном* – отказе от моральных ограничений при достижении собственных целей и реализации своего успеха.

Насыщенность западных идеологий прямо противоположными утверждения-

ми – о ценностях свободы, о протестантской этике, о Правлении Права и т.д. – не должно никого обманывать: все эти утверждения никогда не мешали и не мешают любым проявлениям самой агрессивной жестокости.

Удивительное дело – русскому самосознанию это очень трудно осмыслить хотя бы потому, что с нашей точки зрения мы, представители русской цивилизации, гораздо более жестоки, чем Запад. Один Иван Грозный чего стоит со своими опричниками. А тут еще Петр Великий с Петербургом, построенным на костях. Не говоря уже об ужасах революций и гражданских войн, о жестоких полицейских традициях, о религиозной нетерпимости и многом другом.

И только внимательное сопоставление некоторых фактов может нас встряхнуть и огоршить. Да, ужасы и жестокости опричнины Ивана Грозного – это ужасы и жестокости. Русские историки и политики рассуждают о них всегда горячо, иногда с сокрушением, иногда со вздорным, неумным восторгом, но никогда с безразличием и отстраненностью. А вот фигуры вроде Генриха VIII уже следующим поколением соотечественников воспринимались скорее как литературные персонажи. Кровавые пляски опричников потомками, современниками, да, похоже, и участниками осознавались как нечто апокалиптическое. Правоприменение в старой доброй Англии – смертная казнь через повешение для бомжей, побирушек и мелких воришек (не говоря уже об изощреннейшей в своей изобретательности системе видов квалифицированной смертной казни, то есть сочетания разных способов медленного убивания на фоне чудовищных пыток, за более серьезные преступления, вроде ведовства или фальшивомонетничества) – всего лишь издержки становления самой безупречной в истории юридической практики. Гонения на старообрядцев – многих казнили, а многие покончили с собой самосожжением – до сих пор ставятся некоторыми совестливыми мыслителями в вину грубости и жестокости русской власти и русского народа. Многовековая католическая гекатомба – публичные сожжения заживо на улицах и площадях европейских городов, продолжавшиеся до XIX века, – вносится разве что в реестр обви-

нений в адрес Церкви (а лучше – христианства как такового), но никак не отражается на благополучной самооценке «западного мира». Что уж тут говорить о проклятом и извечном русском «крепостничестве» (нечего и пытаться использовать в качестве аргументов какие-то слова о глубокой нравственной и религиозной рефлексии русского общества по поводу крепостного права, о специфике традиционных взаимоотношений между помещиками и крестьянами в России, о долгом пути к освобождению крестьян, начатом еще Екатериной II) на фоне давно изжитого и такого нормального производственного процесса эффективно использования черных рабов в качестве домашних животных в стране, основанной отцами-рабовладельцами на идеалах свободы и демократии!

Да что там говорить о минувших веках! Вот времена недавние – Вторая мировая война и все, что после нее. Все наше национальное самоосознание наполнено скорбью, сомнениями и горечью. Здесь и огромные жертвы, и предвоенные репрессии, и отношение к солдатам как к «пушечному мясу»... А вот западное общественное мнение – Good Guys – как-то совсем не угнетено сотнями тысяч гражданских жертв в Дрездене, Хиросиме и Нагасаки.

Так что, возвращаясь к «ценностям Запада», можно назвать феномен Good Guys уникальным. Безграничная способность оправдывать самих себя позволяет Западу «списывать» всё – сотни тысяч иракцев, стертых с лица земли не за понюшку фальшивого порошка, миллионы голодных и нищих во всем мире. Более того, современная самоуверенность морально несокрушимого Запада, основанная на «ценностях глобальной демократической цивилизации», освобождает от химеры совести эффективнее и безвозвратнее, чем самый откровенный нацизм и – потенциально – выводит за пределы гуманитарных ограничений уже не сотни тысяч и не миллионы, а миллиарды.

Парадоксальным образом фашизм – в его гитлеровском и муссолиниевском изводах – оказался интегрально менее опасен, чем глобальный демократический либерализм. Фашизм Гитлера был тоталитарен, но не был тотален – он содержал в себе ограничитель собственной мощи, потому

что не мог включить в свое нацистское «мы» весь западный мир (хотя и надеялся на это). Слишком резкий, слишком честный, слишком далекий от двоемыслия англофашизм – это воспаление на теле западного мира – оттянул энергию этой цивилизации от решения главной задачи, задачи *окончательного решения русского вопроса*.

Потому что Закат Запада – процесс неостановимый, но долгий. А вот Россия до его окончания может и не дожить. Потому что пока Запад вновь начал свой накат. Неостановимый. Глобальный. Чтобы «закатать» Россию и весь так и не возрожденный Русский мир в небытие раньше, чем «закажется» сам.

Накат Запада

Запад не победил Россию при Петре и после Петра, потому что не был достаточно силен. Он не справился с Россией ни в XIX, ни в XX веке, потому что не смог полностью консолидироваться. Но то, что не сложилось вокруг династических принципов или религии, то, что не срослось вокруг идеи чистой расы, то, для чего не хватило антикоммунизма, – стало гораздо ближе сегодня. Когда плюрализм, свобода личности, мультикультурность и толерантность стали основой воистину *тотального* всемирного тоталитаризма.

Шпенглер, описывая характерные черты заката цивилизации, выделяет понятие «второй религиозности» – то, что в новой, свежей культуре рождается как живой порыв души еще до того, как возникает навык рационального мышления, то, что на «пике» развития оформляется в величественные культы, совмещающие религиозное чувство и силу мысли, то на нисходящей линии – когда интеллект цивилизации угасает – проявляется вновь как яркая вспышка догматического иррационального суеверия. И если в «первой религиозности» душа культуры впервые показывает миру свой юный живой облик, то «вторая» – это прощальный взгляд стареющей и умирающей цивилизации.

Облик «второй религиозности» Запада, о котором в 1922 году Шпенглер только гадал, сегодня прояснился так же ясно, как сбывшийся по одному из его прогнозов об-

лик политической системы западного мира («Превратится ли при посредстве Наполеона “Соединенным Штатам” Европы ... в романтическую военную монархию на демократическом основании, или проделать это в XXI столетии... притом осуществляясь в виде чисто хозяйственного факта, – все это относится к области случайностей исторической картины»). «Религия» современного Запада избавляется от «чуждых» христианских наслоений католичества и протестантизма, сохраняя, со своей точки зрения, главное, что в них есть, – культ личного успеха, священное право на удовольствие и комфорт – ценой отказа от таких «лишних» и «устаревших» религиозных домыслов, как вера в Бога.

Конечно, это никакое не христианство – идеология *гомоцентризма* (в русской транскрипции слово приобретает необходимую двусмысленность) похожа на тот дух, который поднимал средневековых рыцарей в поход за Святым Граалем, как зомби на живого человека, трупом которого этот зомби является. Но всемирный апофеоз фашизма – глобальная западная *зомби-цивилизация* – куда опаснее, чем живой и растущий западный мир в лучшие свои годы. Хотя бы потому, что физических сил, материальных ресурсов и оружия у зомби-цивилизации ничуть не меньше, а то и больше. А вот насчет того, чтобы коммуницировать с ней, договариваться, достигать компромисса... Вот тут вместо хитрых, злобных, да каких угодно, но человеческих лиц – будь то Никсон, Киссинджер, Бжезинский, Тэтчер, Коль – появляются керри, псаки, нуланды, саманты остин-пауэрс... Ну, короче, кино все смотрели? Вот так они прут, выпустив когти, утробно рыча (о свободе, демократии, толерантности) – и безошибочно разделяя человечество на первый (свой) и последний (все остальные) сорта.

Зомби-цивилизация – именно то, чем она кажется. Мы привычно не верим в искренность Обамы и Псаки, обвиняем «наших партнеров» в двойных стандартах и подозреваем их в хитрых заговорах. Но «вторая религиозность» – интеллектуальная и нравственная деградация западного мира – действительно обрекает нас иметь дело с «партнерами»-роботами, с политикой, доведенной до пустых штампов на уровне лозунгов и до при-

митивного автоматизма – на уровне решений и действий. Очевидная аморальность, наглядная бесчеловечность, полная недоговороспособность – а что еще вы хотите от прущих на вас бесчисленными бесчувственными толпами высокоцивилизованных живых мертвецов?

Сегодня зомби группы «Центр» идут по Украине. Именно там начался и разворачивается глобальный «постхристианский крестовый поход» Запада. И ничего другого, кроме «наката Запада», за «украинской революцией 2014 года» нет.

Трансформация российско-европейско-американских противоречий вокруг Украины началась сразу же после 23 мая 1992 года – со дня подписания никакого не Будапештского, а действительно эпохального Лиссабонского протокола – приложения к договору СНВ-1 между СССР и США. До момента подписания этого протокола Запад в лице США активно сотрудничал с Россией, «выкручивая руки» министру иностранных дел Украины Зленко и добиваясь от него прекращения наглого ядерного шантажа. Однако после того, как Украина, Казахстан и Белоруссия (на территории которых к моменту распада СССР оставалось ядерное оружие) согласились с передачей России контроля и ответственности за него, политика стран Запада избавилась от двойственности. Всё, что происходило после этого, было направлено на превращение Украины в плацдарм для разрушения постсоветского пространства как платформы русской цивилизации.

До 2004 года эта деятельность носила умеренный, постепенный характер. Велась тонкая подстройка украинской элиты под западный формат, вкладывались серьезные средства в формирование гражданской инфраструктуры «украинства» как антироссийского и антирусского проекта. Сначала – протivoестественный для нового большого государства отказ украинской элиты от двуязычия и культурного многообразия (что обеспечило бы сохранение и укрепление общественного консенсуса, сложившегося в конце 1991 года вокруг государственной независимости Украины). Потом, на рубеже веков – постепенная активизация конфликтности украинского политического класса с активным вовлечением

в процессы «гражданского строительства» и гражданского протеста (от проекта «Кучму – геть» до «оранжевой революции») огромных финансовых, организационных и политических ресурсов.

Начиная с 2004 года Запад перешел к системной цивилизационной аннексии Украины. При этом процесс носил комплексный – надполитический и внеэкономический – характер. В него были вовлечены все элитные группы общества (от экономических до культурных и образовательных), все политические силы – и никаких границ между бывшими «оранжевыми» и нынешними «донецкими» при этом не проводилось. Ключевым моментом здесь является «линия смерти» – до которой возможны любые компромиссы и гибкость, после которой – вообще никакие невозможны. Эта линия касалась исключительно вопросов участия России и никак не касалась тех сил на Украине, которые ошибочно считались «пророссийскими» (Виктора Януковича и его политических и экономических сообщников).

У Запада получилось практически все. Он просто немного поторопился.

Уже при Януковиче Украина – вслед за государствами бывшей советской Прибалтики, Молдавией и Грузией – стала превращаться в *полицайское государство*, в буферную структуру, обеспечивающую политическое и организационное прикрытие для окружения и оккупации (и последующей *евродезинтеграции*) России. Вмешательство Путина, попытавшегося (и даже сумевшего на какое-то время) остановить превращение Украины (с Януковичем во главе) в антироссийский плацдарм, стало жестом отчаяния, который был обречен на неудачу – почти. Почти – потому что слишком быстрый темп блицкрига, заданный Западом, не учел инерции процесса. Да, украинская политическая и бизнес-элита, подобно своим *одноклассникам* из других «союзных республик» бывшего СССР, подчинилась оккупационному полицай-президиуму быстро и без сопротивления. Дело оставалось за малым – за реальностью жизни миллионов людей, за их национально-культурной идентичностью, за социально-экономическими связями, не позволившими разрушить живое и целое без шума и крови. Вот и при-

шлось поднимать шум и – если понадобится – проливать большую кровь.

Именно поэтому геополитическая агрессия стала в феврале 2014 года слишком радикальной, слишком явной и создала для Запада и России ситуацию момента истины.

Стало очевидным: коридор возможностей для российской внешней политики предельно сужен. Потому что речь – кто бы и в чем «режим Путина» ни обвинял – идет не о выборе между нападением и нейтралитетом. А о выборе между капитуляцией и попыткой защититься, чтобы уцелеть. О выборе, который стал для России и ее элиты вызовом.

Тем более что резко сузился и коридор возможностей для российской внутренней политики. Украинский разлом прошел через русскую национальную душу – и сделал особенно наглядным все, о чем до сих пор удавалось молчать и не думать: ее границы, выходящие далеко за пределы государственных границ Российской Федерации, и ее сущность, ее индивидуальность, ее отдельность от духа и души западного мира.

Возникли совершенно сами собой – без изысканий политологов и конференций философов – те самые *духовные скрепы*, которые соединили и русскую «массовку», и русскую элиту в единый человеческий конгломерат. Все эти люди, еще полгода назад раздраженные друг на друга и не понимающие друг друга, соединились вокруг «нашего Крыма», все оказались готовыми к лишениям и способными на воодушевление. Мгновенно и кардинально изменился характер бытования и функционирования российского государства в российском обществе, стали возможными совершенно новые взаимоотношения между ними, позволяющие избавиться от неэффективной и репрессивной бюрократической автократии, но в случае необходимости – обрести мощнейший мобилизационный потенциал.

И сразу же стало ясно, что идеология нашлась сама собой. Что время для убеждения в чистоте евроинтеграционных намерений «западных партнеров» исчерпано. Что свобода, конечно, лучше чем несвобода, но и Россия – гораздо лучше, чем отсутствие

России. И что перед Русским миром во весь рост стоит задача глубоко *технологическая*. Это, кстати, было не раз показано в самых лучших западных фильмах категории Б и разобрано в замечательной шутке Министерства здравоохранения США¹. Потому что убедить или испугать автоматизированную, лишённую разума и эмоций зомбицивилизацию невозможно. Но против нее можно сражаться, ее можно перехитрить, в ней можно найти болевые точки и от нее можно защититься. Время – от Заката до Восхода – пока есть.

Дожить до Восхода

Поэтому полное и безоговорочное признание факта межцивилизационного конфликта с Западом, практическое планирование и реализация действий России в этом конфликте становится вопросом не просто государственной, но и биологической безопасности для всех, кто живет и собирается жить в Русском мире, для всех, кто является русским, независимо от национальной или этнической принадлежности.

Для нас – для таких людей – пространство возможностей сужается. Все мы – со всей нашей историей и культурой – ментально приучены к ориентации как на западные ценности, так и на западные стандарты личного комфорта. Все мы впитали гуманитарные достижения великой западной культуры. Провозвестье нового Русского мира, ослабленного десятилетиями тайной войны на уничтожение, ищущего новые формы для реализации и самоопределения, скорее всего будет выглядеть для нас как варварство – то есть так, как выглядели передовые отряды готов и вандалов с точки зрения их соплеменников, воспитанных в лучших римских традициях.

Знает ли Владимир Путин, что делает он сам и какими процессами вынужден пытаться управлять? Ответ не так уж важен. «Так всегда бывает в истории, – полагает Ни-

¹ Preparedness 101: Zombie Apocalypse // Centers for Disease Control and Prevention, May 16, 2011. URL: <http://blogs.cdc.gov/publichealthmatters/2011/05/preparedness-101-zombie-apocalypse>; русскую версию см.: <http://www.zombieparty.ru/2012/12/101.html>

колай Бердяев. – Ближайшие реальные цели служат лишь временным средством для далеких и таинственных исторических целей».

Единственное, что может сейчас противопоставить русский мир западному зомбированию, выводящему человеческие массы в автоматический режим социальной истерии, – это духовное и интеллектуальное индоктринирование, массовое воодушевление живым и искренним чувством правды.

Парадоксальным образом переводится на наших глазах смысл еще недавно общепризнанной западной ценности – верховенства закона. На высшем градусе эмоционального накала России бросают обвинения в законопреступлении, в нецивилизованном отрицании международного права (напомним, речь идет о так называемом Будапештском меморандуме 1994 года, который, в отличие от Лиссабонского протокола, является всего лишь политической декларацией) и – более того – в неполноценности: именно тут некоторые вспоминают об известном противопоставлении «понятий» «закону».

Русская традиция действительно иронизирует над юридическим законом («что дышло»), но совершенно по-другому относится к *правде*. Отторжение Крыма и Севастополя от России в 1991 году было *неправедным*. Унижение русского языка в Новороссии – *неправедным*. И ниспровергать ради торжества закона и принципов Будапештского меморандума весь мир (да хотя бы и несколько небольших городов, населенных сотней тысяч «ватников») русское чувство *по правде* допустить не может. Как не допустило в Крыму.

А вот умирать *за правду* – и за то, чтобы можно было говорить на своем языке, и чтобы детей можно было называть своими именами, и чтобы их не бомбили во имя торжества меморандума и европейского выбора – русское чувство рекомендует настоятельно...

Именно поэтому острота внешне-политического противостояния, в которое сегодня втянули Россию, не столь велика, пожалуй, как интенсивность внутривнутриполитического напряжения. И дело вовсе не только в массовой и давно перешедшей в автоматический режим истерике «пятой колонны»

(позволю себе здесь это дурацкое определение – оно достаточно емкое – для тех, кто осознанно и последовательно считает себя приверженцем западных ценностей, убежденным «западником»). В «пятой колонне» тоже разные люди бывают – в том числе (пока остались) и довольно искренние. Хотя их голос все более тих и (или) фальшив. Мадридская аналогия напоминает нам, что не только в «пятой колонне» было дело – Испанскую республику деятельно уничтожала изнутри *шестая колонна*, доблестные борцы за дело антифашизма во главе с товарищем Андре Марти, его консультанты из НКВД и прочие, кто развязал в тылу республики кровавую бойню. Не будем сегодня погружаться в анализ их марксистских разногласий, скажем лишь о том, что для всякой «шестой колонны» – бюрократических зомби – продажный враг (в нашем случае – белоленточник, за деньги Госдепа ненавидящий Путина) классово близок и понятен. А вот искренний союзник, который смеет поддерживать Путина *просто так*, потому что имеет собственные убеждения и видит в Путине их выразителя, – это гораздо хуже, чем предатель.

Так что пресловутая новая искренность Русской весны – та вдруг ниоткуда взявшаяся сила, которая быстро, по мановению руки, вернула России Крым, – куда более враждебна убогому, насквозь западному искусственному интеллекту роботизированной русской бюрократии, чем самое яростное «болотно-белоленточное» кликушество.

Их многое объединяет – симулянтов лояльности и имитаторов протеста. Сегодня и всегда. Точно так же сто лет назад объединенными силами придворных реакционеров и местечковых революционеров толкали они в пропасть «царский режим», соединившись своими враждующими меньшинствами против русского большинства, против нормального, человеческого и рассудительного русского народа. Тогда им удалось многое – вырвать казавшуюся неминуемой победу из рук могучей армии, уничтожить жизненный уклад огромной страны и подложить «международную» бомбу под оставшееся единым государством.

Сегодня отступать совсем некуда. Нужна ли нам гибель Запада? Нет, Россия

никогда и ни с кем не воевала на уничтожение. Она не делит мир на сорта. И если (когда) накал противостояния утихнет – снова заговорят о единстве и дружбе «от Атлантики до Тихого океана». Нужна ли Западу живая Россия? Западу как совокупности людей – да, многим миллионам среди мил-

лионов. Западу как цивилизации, жестокой, безумной и бесчувственной – ни в коем случае. Только смерть.

Так что вариантов нам не оставили. Чтобы выжить, нам нужно сопротивляться. Чтобы дожить до Восхода России – не быть закатанными Западом.

Консерватизм как фактор мягкой силы России

По заказу Фонда ИСЭПИ

Понятие консерватизма – Глобальная повестка дня современного консерватизма. Цивилизационные вызовы эпохе «модерна» – Россия как субъект консервативной повестки дня – Россия как «другая Европа» – Консервативный диалог на мировой арене – Имидж консерватизма

I. Понятие консерватизма

Консерватизм как реакция на распад традиционного общества

Ученые и практики нередко пытаются найти общеобязательные типологические признаки консерватизма. Отсюда характерные определения из серии «консерватор – это тот, кто уважает а) религию, б) семью, в) частную собственность, г) государство и т. д.». Противоречия и неувязки в этом «джентльменском наборе» неизбежны – ведь он составлен из смешения разных контекстов, начиная от феодального консерватизма и заканчивая рейганизмом, то есть как бы собран из аксессуаров разных эпох и стилей. Такие определения непродуктивны – как были бы непродуктивны попытки определить физиогномические семейные сходства просто по перечню специфических черт, которые объединяют всех членов семьи. Таковых может вообще не оказаться. И тем не менее физиогномическое родство существует. Об этом говорит Людвиг Витгенштейн, применяя метафору «семейные сходства» к языку.

Поэтому продуктивнее, на наш взгляд, идти не от общности типологических признаков, а от общности переживаемой ситуации – ситуации кризиса традиционного общества, распада прежних оснований власти и общественного порядка – и первичной реакции на этот кризис со стороны тех, кто видит в нем угрозу или утрату. Примерно так, кстати, пытается определять цивилизации Арнольд Тойнби – не от статики, не от перечня признаков, а от динамики, в кото-

рой возникает континуум «вызова-и-ответа». В традиционном обществе власть и мораль обосновываются «космологически», как проекция объективного, установленного «свыше» порядка вещей, не зависящего от мнений и действий отдельных людей, воспринимаемого как первичная, безусловная реальность и последняя инстанция в разрешении споров. Карл Мангейм называет этот комплекс представлений «объективным онтологическим единством мира» и говорит о его распаде в Новое время. Подразумеваемой или прямо описываемой исследователями моделью этой «социальной космологии» является иерархический порядок средневековой христианской Европы. Отчетливые признаки его распада проявляются с эпохи Возрождения и абсолютизма, но своей кульминации этот процесс достигает в эпоху Просвещения и французской революции. Именно ее принято считать «осевым временем», в котором берут исток политические идеологии современности, каждая из которых по-своему отвечает на исходный вызов – вызов распада традиционного общества в его европейской / христианской версии.

В чем же состоит специфика консерватизма как реакции на этот вызов? Прежде всего в том, что именно консерватизм наиболее остро ощущает свою связь с «уходящим миром» (собственно, он вырастает из ощущения этой связи) и наиболее остро ощущает угрозу, связанную с разрушением традиционных оснований общественного порядка.

История современности – это не только история научно-технического прогресса, или прогресса рационализации, или прогресса в осознании свободы, но и история растраты «ресурсов» традиционного общества. Таких, как трудовая или семейная этика, аскетизм общественного служения, потенциал доверия и солидарности, религиозно определенный стандарт человека. Все эти и им подобные социальные опоры жизненно необходимы для успешной модернизации, но не производятся ею самостоятельно, а заимствуются из предшествующей эпохи. И кардинальный вопрос состоит в том, возможно ли сохранение жизненно важных фрагментов (артефактов) традиционной картины мира в ситуации распада той целостности, которой они были исходно порождены? Могут ли подобные базовые культурные «ресурсы» воспроизводиться современной цивилизацией самостоятельно, или она обречена на «промаывание» цивилизационного наследства и хроническую жизнь взаимы?

Исходя из этой дилеммы, может быть сформулирована миссия консерватизма. Она состоит в том, чтобы делать жизненно важные культурные ресурсы традиционного общества доступными и воспроизводимыми в современном обществе. Консерватизм в этом качестве предстает парадоксальным проектом, который озабочен не целями, конечными состояниями общественного развития, а его основаниями, истоками, поскольку они оказываются под угрозой. Но именно «проектом», поскольку основания и истоки социальной жизни больше не даны сами собой и нуждаются в сознательной культивации и возобновлении в условиях современного общественного порядка.

Лейтмотивы консервативной идеологии

Рассмотрим некоторые проявления этой стратегии продуктивного реванша (реактуализации ценностей традиционного общества в современном) на примере трех классических лейтмотивов консервативной мысли.

Наследственный капитал нации. Консерватизм будет лучше понят, если иметь в виду, что его внутренним референтом,

психологически значимой доминантой является не столько «традиция», сколько «наследство». При этом можно использовать и термин «традиция» – в качестве обозначения для такого специфического наследства, которое не только принадлежит нам, но и существенным образом нас определяет. Собственно, именно таково наследство в его феодально-аристократическом понимании – земельный надел или замок – определяют статус человека в обществе, но принадлежат не ему, а его роду. Они требуют сомасштабной субъектности.

Тему наследственного капитала как стержня экономической жизни (в том числе нематериального, невещественного капитала – такого, как знания или язык) разрабатывал Адам Мюллер. В его лице преимущественное внимание к теме наследования дало начало вполне оригинальной консервативной политэкономии, главный мотив которой, несколько осовременивая, можно свести к проблеме поддержания нематериальной инфраструктуры публичных благ, связывающей общество и объединяющей его в нацию. Таким образом, запрос на защиту наследственного капитала был сознательно переведен консервативной мыслью с семейно-династического на национальный уровень.

Ни либерализм, ни марксизм не могут адекватно не только решить, но даже поставить эту задачу. Либерализм является преимущественно философией частного капитала. Марксизм гораздо более озабочен трудом, чем наследованием. И обе идеологии – даже в том случае, когда они признают значение культуры как разновидности капитала, – видят в ней скорее абстрактное достояние человечества, чем конкретное, требующее планомерной заботы и воспроизводства национальное наследство.

Особенно важны различия в трактовке проблемы наследственного капитала для рентных государств. У каждой из трех больших идеологий – либерализма, марксизма, консерватизма – есть свои основания быть требовательными к государству. В либеральной модели таким основанием являются налоги: «Мы платим налоги, следовательно, можем спрашивать с тех, кто ими распоряжается». В марксистской эту роль играет приба-

вочная стоимость: государство как агент капитала живет за счет прибавочного продукта, созданного нашим трудом. В консервативной логике требовательность к государству основана на том, что оно распоряжается совместным наследством (напрямую или определяет правила его использования).

Каждое из этих трех оснований, несомненно, важно. Однако в условиях сегодняшней России первые два из них не столь существенны. Мы предъявляем свой счет сегодняшнему государству не потому, что мы налогоплательщики. Большую часть налогов государство получает от крупных корпораций, преимущественно сырьевого сектора. И не потому, что мы – трудящиеся. Ведь корень проблемы не в том, что «олигархический капитал» эксплуатирует наш труд, а в том, что он присваивает общественный капитал, включающий и овеществленный труд предшествующих поколений, и землю с ее недрами.

Какое отношение сегодняшние жители России имеют к тому, что добыто предшествующими поколениями (кстати, не только трудом, но и правом завоевания)? На каком основании мы можем говорить о недобросовестном использовании совместного достояния? Дать ответы на эти вопросы может только консервативный подход к проблеме наследственного (в данном случае – национального) капитала.

Государство как органическая общность. Оппозиция «общности» и «общества» – одна из основополагающих для социологии. Фердинанд Тённис и другие теоретики, которые ее использовали, как правило, не считали, что современность означает окончательное вытеснение одного принципа социальной связи (принадлежность, свойственная «общности») – другим (расчет и обмен, свойственные «обществу»). Скорее они говорили об их сосуществовании. Но расширение территории «общества» за счет «общности» ими, несомненно, признавалось и зачастую в качестве серьезной угрозы.

Проблема реактивации элементов «общины» в «обществе» – сквозная тема размышлений консервативно настроенных социологов. Отчетливо выделяются три линии размышления и три стратегии решения этой задачи:

– корпоративизм как попытка, повысив значение профессиональных сообществ в повседневной и публичной жизни, укрепить промежуточное звено между индивидом и государством (Э. Дюркгейм, О. Шпанн);

– национализм как попытка придать самому государству более органический характер, усматривая исторический синтез принципов «общности» и «общества» в нации (В. Зомбарт, Х. Фрайер);

– коммунитаризм как ставка на «демократию участия» в рамках локальных органических сообществ, в том числе вопреки прерогативам государства (Ч. Тейлор, М. Зандель).

Если корпоративизм в целом можно считать исчерпанной попыткой реванша «общности» – сегодня тон задают скорее корпорации капитала, чем корпорации труда, – то две другие линии по-прежнему актуальны. Будучи оппонентами, национализм и коммунитаризм тем не менее объединены рядом важных убеждений, характерных для республиканского мировоззрения. В частности убеждением в том, что:

– предпосылкой политической культуры (демократии и гражданства) является наследуемая культура, то есть культура как таковая;

– предпосылкой человеческого Я является принадлежность сообществу и вовлеченность в историю;

– определением гражданской свободы является свобода участия во власти и публичной сфере, то есть свобода-связанность, а не свобода-эмансипация.

Культивация человеческого типа. Революция, увиденная глазами Гегеля, представляла собой итог так называемой «диалектики господина и раба», преодоление их оппозиции. Но в самом этом преодолении заключен серьезный цивилизационный вызов – вызов «человеческому типу». За время существования сословного общества «этика господ», этика чести, обособилась от «этики рабов», этики выгоды и самосохранения. Какая этическая система, какая модель человека станет преобладающей в обществе, где снято различие между «господином» и «рабом»?

Гегель является оптимистом в этом вопросе, считая, что «гражданство» – это всеобщий аристократизм, господский статус

каждого члена политического сообщества, поскольку в акте революции «рабы» этически дотягиваются до «господ» (ставят «честь выше жизни»). Но акт революции неповторим, и возможно, «низы» дотягиваются до аристократических ценностей лишь затем, чтобы их навсегда упразднить. Если вспомнить, с какой остротой ставили этот вопрос Ф. Ницше или Х. Ортега-и-Гассет, противоречие не выглядит снятым.

Попытка утвердить в массовом обществе аристократический тип личности как надсословный идеал человека – отдельная и нетривиальная задача для консервативной культурной политики. Удачным примером ее решения В. Цымбурский называет викторианскую Англию, в которой политика ограничения сословных претензий аристократии соединялась с политикой «воспитания неофитов политического класса через закладку идеалов нового надсословного аристократизма – аристократизма жизненной формы». В самом деле, «культ жизненной формы, аристократизм, продвинувший в массы», выработал в английском обществе характерный дух превосходства (выразившийся, например, в своеобразном прочтении «бремени белого человека»).

Но дело не только в эстетической стилизации аристократизма для нужд воспитания буржуазного общества, а в политической этике. Прежняя оппозиция «этики господ» и «этики рабов» в постреволюционном обществе не исчезла, а перешла в новую форму. Например, в форму оппозиции между «гражданином» (носителем обновленной этики чести) и «буржуа» (носителем поднятой на пьедестал этики выгоды).

Консерватизм как соавтор современной эпохи

Если обобщить эти и подобные примеры контрнаступления консерватизма на современность, то мы придем к не вполне привычному выводу. Вопреки расхожему убеждению в обреченности консерватизма его миссия – если понимать ее именно как миссию продуктивного реванша, реактивации традиционных ценностей в современной цивилизации (а не поворота современности

вспять) – была во многих отношениях успешной. По крайней мере достаточно успешной для того, чтобы он мог признать за собой соавторство в формировании цивилизации «модерна». Эту цивилизацию несправедливо считать лишь детищем левых и либеральных идей. Она представляет собой плод сначала столкновения, а затем и синтеза реформации и контрреформации, революции и реставрации, Просвещения и консерватизма.

Вопреки ложной точке зрения о несовместимости консерватизма и прогресса, их взаимной противоположности в современной истории именно консервативные идеи часто играли важнейшую роль в общественном прогрессе, а консервативные мыслители не раз опережали представителей других мировоззренческих течений в осмыслении явлений, тормозящих развитие.

Примечательно, в частности, что идея о социальном рыночном хозяйстве была выдвинута консервативными мыслителями Германии, и претворение этой идеи в практической плоскости – также заслуга консервативных немецких политиков-реформаторов, а не немецких же социал-демократов. При этом, заметим, данная идея стала основой общественного компромисса политических сил всех идеологических окрасок – она императивна и не подлежит ревизии.

Так же и идея освобождения крестьянства в России от крепостной зависимости активно развивалась в среде российских консервативных мыслителей (славянофилы А.С. Хомяков, братья Киреевские и др.) и во многом благодаря их последовательным усилиям по популяризации этой идеи позже была взята на вооружение либералами-государственниками времен Александра II.

Консервативные по своим ценностным основаниям реформы Менделеева и Витте во времена царствования Александра III привели в России к самым высоким темпам экономического развития, которые к тому времени только знала человеческая история (об этом свидетельствует и работа В.И. Ленина 1899 года «Развитие капитализма в России», эти же выводы сделал и основоположник современной социологии Питирим Сорокин), к прорыву в инфраструктурном обустройстве территории (которым мы пользуемся до сих пор), к небыва-

лому развитию промышленности, технологий, торговли, финансов. Все это сопровождалось миром, неучастием в войнах, переходом к золотому рублю, который стал одной из самых устойчивых валют своего времени.

Подобных примеров в истории каждой из стран европейского мира (в широком понимании) довольно много. Именно поэтому современная консервативная мысль по преимуществу не отвергает принципы современного демократического общества от имени той или иной реакционной утопии, а подчеркивает консервативные основания, консервативный подтекст этих принципов, рассматривая в частности:

- культурную целостность общества и национальный суверенитет – как основание представительной демократии;

- национальную / социально-корпоративную солидарность («горизонтальное братство») – как основание социального государства;

- национальный эгоизм промышленной политики (своего рода искусство «закрепления капитала») – как основание экономического богатства;

- стандартизацию общества на базе единой высокой культуры (как правило, «аристократического» происхождения) – как основание современных систем массового образования/воспитания;

- унаследованную христианскую идентичность европейских народов – как основание культуры прав человека.

Эти утверждения трудноопрровержимы. Тем не менее в современном западном политическом дискурсе они зачастую оказываются за рамками «политической корректности». Миссией консерватизма, таким образом, оказывается артикуляция этих непризнанных и, как следствие, рискующих быть утраченными оснований проекта «модерн».

В этом смысле применительно к сегодняшнему дню можно говорить о таком феномене, как консерватизм «второй волны». Консерватизм «первой волны» – это попытка реактуализировать ценности аграрно-сословного общества в городском, массовом обществе. Консерватизм «второй волны» – это стремление отстоять те основы современной цивилизации, которые были заложены благодаря конфликтному, но в целом успешному синтезу консерватизма и Просвещения.

Наиболее системным воплощением этого синтеза является феномен национального государства, понятого как суверенное, солидарное, культурно однородное / интегрированное сообщество, основанное на равенстве гражданских прав и демократических принципах власти.

II. Глобальная повестка дня современного консерватизма. Цивилизационные вызовы эпохе «модерна»

Особенность текущего исторического момента состоит в том, что некоторые системообразующие элементы современной цивилизации оказываются под угрозой, и для консервативной идеи это становится не менее серьезным вызовом, чем тот, который вызвал ее к жизни в эпоху Просвещения и французской революции.

Сегодня мы наблюдаем в мире процессы цивилизационной трансформации, весьма отличные от логики геополитических противостояний СССР и Запада в недавнем прошлом. Речь вообще больше не идет о противостоянии одних лишь государств. Скорее

можно говорить о глобализационном идеологическом лобби, в составе которого – весьма широкий круг как государственных, так и негосударственных институтов и организаций в основном западных стран, но не только.

С идеологической точки зрения это лобби представляет собой союз «мутировавших левых» (прежде всего так называемых новых левых из фрейдо-марксистского лагеря) и «мутировавших правых» (сторонников нелиберальной глобализации). Глобализированные левые – это лагерь, в котором ценности социальной справедливости ушли далеко на второй план, а на первый вышли защита

прав меньшинств, анархизм и экологизм. Глобализированные правые – это сторонники неолиберализма как экономической и социальной системы, закрепляющей тотальное неравенство под видом свободного всемирного рынка. В этом ряду стоят и различные организации неомальтузианской направленности, связанные со структурами Римского клуба, а также институты, занимающиеся «экспортом демократии» или идеологически его обслуживающие: Совет по международным отношениям (CFR), RAND Corporation, система фондов Джорджа Сороса и семьи Рокфеллеров, McArthur Foundation, National Endowment for Democracy, Freedom House и целый ряд университетских, государственных и частных исследовательских центров.

На первый взгляд отнесение взаимных оппонентов – новых левых и неолибералов – к общему идеологическому полюсу кажется странным. Однако невозможно игнорировать тот факт, что дежурный антагонизм не мешает им занимать, по сути, общую позицию по многим ключевым вопросам нашего времени. Как новые левые, так и неолибералы – хотя и по разным причинам – поддерживают так называемую замещающую иммиграцию (с перенаселенного «бедного Юга» на стареющий «богатый Север»), экспансию меньшинств (образованных по разному признаку – главное, чтобы присутствовал сам комплекс «меньшинства»: активное самосознание, противопоставление себя остальному обществу, борьба за особые права, за привилегии и в конечном счете за гегемонию), разрушение правовых и культурных рамок традиционной семьи, глобальную политику вмешательства (размывания суверенитета) и т.д.

Идеологические контуры этой глобальной международной сети можно увидеть, если проанализировать проходящие по всему миру «цветные революции», молодежные протестные акции, повестку множества работающих на «демократизацию» всего мира НКО и ряд идей, уже вошедших в официальный мейнстрим в виде норм и законов в некоторых западных странах. Составные части этого мировоззренческого стереотипа – отрицание любой иерархии, освобождение от авторитетов (государственных, военных, религиозных), семейных ценностей

и предрассудков «морального большинства», экологизм (как доктрина равенства и даже приоритета «прав природы» над правами человека) и в конечном счете отказ от суверенитета государства в пользу глобальных наднациональных структур. В обязательном порядке присутствует указание на то, что уже отжили, не подходят для современной жизни и полностью дискредитировали себя все структуры, характерные для национального государства, – вертикаль власти, традиционные институты, такие как церковь, семья, система образования.

Сегодня очевидно, что роковой переход, во многом предопределивший упадок экономического, культурного, да и вообще цивилизационного потенциала Запада, относится ко второй половине 1960-х годов: именно тогда выходит на авансцену революция нового типа, практически не затрагивающая политические основы общества, но переворачивающая его культурные основы.

Одним из маркеров этой эпохи стал термин «контркультура», принадлежащий одному из ее идеологов Теодору Роззаку. Однако более точным представляется термин «враждебная культура», введенный в научный оборот оппонентом «новых левых» Дэниелом Беллом. В основе этого явления лежала именно глубокая враждебность по отношению к таким базисным элементам европейской (в широком смысле) цивилизации, как трудовая и семейная этика, дисциплина и самоконтроль, национальная идентичность, научная и техническая рациональность (один из ведущих идеологов «новых левых» Герберт Маркузе объявляет, что на современном этапе наука и техника – еще недавно помещенные в эпицентр революционных ожиданий – выступают в качестве новой идеологии капиталистического господства) и т.д. У истоков этой концепции обнаруживается фигура Антонио Грамши, писавшего в «Тюремных тетрадях» о том, что революционная теория не достигнет успеха в Европе, если не признает, что изменения на уровне сознания способны предвдвять политические и экономические изменения и что «социальная группа может и даже должна стать ведущей (в смысле культурной власти) задолго до того, как она завоюет правительственную власть».

Культурная революция, вдохновленная идеей Грамши, во многом имела успех. Разумеется, она не преодолела современный капитализм, но сильно повлияла на него, придав ему более глобальную и изощренную форму. Точно так же она не перевернула современную цивилизацию, как призывали некоторые из ее идеологов, но запустила ее далеко идущую трансформацию. Последствия этой трансформации могут быть описаны как совокупность трех взаимосвязанных процессов:

– *дегуманизация*; речь идет о сломе культурных и цивилизационных основ, на которых строится само понимание человека, трансформации человека в биологическом и социальном смысле в совершенно иное существо, размывании и деконструкции границ, формирующих человеческую личность (гендерные границы, психофизический барьер);

– *десуверенизация*; складывается ситуация, когда в правовой сфере над нормами государства главенствуют международные, в политической источником легитимности государств и режимов выступают «международные арбитры», при необходимости реализующие политику вмешательства, в экономической ключевую роль играют транснациональные корпорации, в социальной и информационной сфере международные организации занимаются «ценностным переформатированием» ментальности и культурных традиций;

– *десоциализация*; под лозунгами защиты отдельных групп общества на самом деле происходит его максимальная фрагментация, оно превращается в хаотическую мозаику таких групп вместо единого органического целого, глобализация закрепляет вопиющее имущественное неравенство на уровне как внутренних, так и межстрановых диспропорций.

Рассмотрим эти линии угроз более подробно.

Дегуманизация

В качестве «передовых» и «прогрессивных» сегодня преподносится набор идей и «ценностей», которые консерваторы считают деструктивными. В этом списке – биологическая трансформация человека (ряд репродуктивных технологий и в том числе сурро-

гатное материнство, генные эксперименты), эвтаназия, ювенальная юстиция, однополые браки и гипертрофированная поддержка прав ЛГБТ-сообщества, радикальный экологизм, тотальная информационная прозрачность, примитивизация и виртуализация массовой культуры.

Консерваторы считают эти и ряд других явлений неприемлемыми вовсе не из абстрактного традиционализма. На самом деле речь здесь идет о том, что, будучи поощряемы на бытовом и практическом уровне, все эти тренды приводят к «взлому» тех культурных и цивилизационных основ, на которых строится общество, а в пределе – к «расчеловечиванию», то есть радикальной трансформации человека и в биологическом, и в социальном смысле. Консерваторы расценивают такой «прогресс» не как благо, а, напротив, как деградацию относительно тех идеалов гуманизма, которых достигла цивилизация.

Биологическая трансформация человека. Современная наука и развитие технологий позволяют уверенно говорить о том, что человечество в обозримой перспективе будет иметь возможности генных экспериментов с человеком, клонирования, имплементации в человеческое тело разнообразных технических устройств, позволяющих создавать гибридное, биотехнологическое тело человека. Сегодня подобные технологии позволяют помогать людям в случае болезней и увечий, однако консерваторы обращают внимание, что бесконтрольное и этически не лимитированное расширение применения таких технологий приведет к тому, что человек как биологический объект будет «собираться, как конструктор» с заданными характеристиками, что неприемлемо в парадигме как традиционных религий, так и светского гуманизма, где подчеркивается уникальность каждого человека. Идея улучшения биологических характеристик человеческого тела рассматривается консерваторами как евгеника и путь к кастовому обществу, где полноценность и неполноценность человека смогут задаваться с помощью биотехнологий.

Репродуктивные технологии. Консерваторы являются противниками всех экспериментальных эмбриональных технологий, а также суррогатного материнства. Ребенок не

может рассматриваться как товар, подарок или объект генетического конструирования. В ситуации невозможности иметь собственных детей консервативная этика считает наиболее правильным и социально ответственным поведением усыновление.

Этаназия. Консерваторы являются последовательными противниками этаназии. Законодательное делегирование кому-либо права на убийство, будь то родственники или врачи, неприемлемо, поскольку, во-первых, легализует в социуме убийство как таковое, а во-вторых, открывает дверь для дискуссии – по каким параметрам будет определяться, должен ли кто-то жить. Легализация этаназии для неизлечимо больных может обернуться обсуждением, не является ли умерщвление лучшим выходом и в других ситуациях.

Права ЛГБТ и гендерное равенство. Признавая право каждого человека на частную жизнь, консерваторы вовсе не призывают, как это часто представляется либералами, к каким-либо репрессиям или ограничениям прав лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Вопрос идет лишь о противодействии объявлению ЛГБТ-практик нормой для общества в законодательном смысле и влиянии ЛГБТ-сообщества на воспитание детей. Консерваторы являются последовательными противниками однополых браков, поскольку, отказавшись от формулировки, что брак является союзом мужчины и женщины, общество разрушает традиционную модель семьи, роль которой далеко не только в юридическом подтверждении союза любящих друг друга людей. Традиционная семья является важной структурой, на которой держится сама модель общества. Консерваторы выступают за сохранение в обществе понятий «мать» и «отец», против усыновления детей однополыми парами и против включения информации о равнозначности нетрадиционных и традиционных отношений в школьные программы.

Кроме того, консерваторы подчеркивают, что начинавшийся как здоровая рациональная борьба за равные права женщин феминизм сегодня пришел к гипертрофированным и абсурдным требованиям гендерного равенства. Попутно можно обратить внимание, что организации, поддерживающие ЛГБТ и

феминизм, сегодня являются активнейшими участниками «цветных революций» и часто оказываются связаны с институтами, занимающимися «экспортом демократии», в частности, National Endowment for Democracy (NED), RAND Corporation и фондами семьи Рокфеллеров.

Также консерваторы обращают внимание, что одна из самых этически сложных проблем в контексте феминизма – вопрос об абортах – тесно связан с легализацией использования в медицине эмбриональных тканей.

С точки зрения консерваторов, гипертрофированная поддержка гендерных меньшинств и современный феминизм совершенно не связаны с «преодолением дискриминации», но способствуют: а) ревизии и разрушению понятия семьи; б) снижению рождаемости и в) продлению жизни состоятельного класса.

Экологизм. «Антиаватар». Отсутствие в русском языке общепринятого аналога термину environmentalism, обозначающему не науку, а мировоззрение, затрудняет понимание того, что экологизм – это не экология (наука о том, как сохранять окружающую среду), а идеология, в которой речь идет о прекращении прогресса в его прежнем виде. Тезисы экологизма о недостаточности природных ресурсов и их скором истощении ведут в пределе к постановке вопроса о сокращении численности человечества, отказу от парадигмы ускоренного индустриального развития, а также отказу от доступных и мощных источников энергии (АЭС) в пользу возобновляемых источников энергии (производство и утилизация которых сами ведут к истощению редких минералов и загрязнению природы). Это является предлогом для нового мирового разделения труда. Индустриальные страны должны стать «экономическими услугами», а бедные – даже и не мечтать об индустриализации.

Популярный фильм «Аватар» является примером успешной пропаганды идеологии экологизма. Можно вспомнить, что реакцией многих зрителей было сожаление, что они не могут поменять наш мир технологического прогресса на гармоничную природу удивительной планеты племени На-Ви.

Тотальная прозрачность и контроль. Как известно, главной «страшилкой» либералов

является тотальный контроль над жизнью гражданина. Однако именно в сегодняшнем свободном обществе благодаря современным технологиям осуществляется тотальная слежка, о которой не мечтала никакая диктатура прошлого. Всюду идет фиксация каждого действия человека (видеокамеры, электронные метки, постоянно подключенные к Интернету электронные гаджеты и мобильные телефоны). Вопрос не в том, что эту информацию собирают спецслужбы. А в том, что общество стимулирует постоянный виртуальный «экспозиционизм», – человек всегда имеет с собой камеру, фотоаппарат, может в режиме онлайн публиковать свои комментарии, то есть он оказывается «на сцене» нон-стоп, что вынуждает его к театрализованному поведению, когда любое действие из элемента частной жизни превращается в нечто транслируемое всему миру через социальные сети. Сами современные гаджеты уже полностью сконструированы под данную задачу: все действия, перемещения в пространстве, общение, даже физические характеристики самочувствия (например, учет скорости ходьбы) – все это записывается и является доступным для внешнего наблюдения и учета.

Консерваторы выступают против уничтожения права на частную жизнь, против превращения частной жизни в бесконечную интернет-трансляцию, что приводит к потере суверенитета личности.

Мозаичная культура и виртуальная реальность. Консерваторы видят серьезные опасности в той гипертрофированной роли, которую виртуальные технологии играют в жизни людей, подменяя реальную жизнь, реальное общение. Интернет-среда в силу своих особенностей способна серьезно влиять на поведение человека и восприятие им окружающего мира.

Мгновенный эмоциональный отклик, на который нацелен в большей части контент Интернета и его формат, снижает шансы на рациональное, осознанное построение картины мира. Мозаика кратких и ярких реакций на такие же мозаичные стимулы создает цепочку разорванных и кратких эмоциональных реакций (понравилось / не понравилось, прикольно / занудно) и т.п., но абсолютно не

нацелена на содержательный синтез. Сюзен Гринфилд, занимающаяся исследованиями влияния интернет-культуры на социум, говорит о трансформации формирования личности: «Представьте себе, что вы молоды, живете только настоящим моментом, где вы говорите “фу” и “вау”, играете в компьютерные игры и болтаете с девятьюстами френдами на Facebook. Поскольку вы молоды, ваша индивидуальность определяется не тем, чего вы успели достичь, а вашей реакцией на конкретный момент и связью с огромным количеством других людей. Современные технологии помогают людям формировать личность совершенно по-новому. И это очень привлекательно, потому что вы характеризуете себя количеством друзей в соцсетях, количеством людей, которые с вами общаются, количеством твитов, и это ваша жизнь»¹. С ее точки зрения, молодежь без жизненного опыта, живущая «в сети» рискует без опоры в виде знаний, которые помогают правильно трактовать то, что происходит сейчас, оказаться «в ловушке у настоящего», и может быть легко превращена в орудие манипуляции.

Что является общим знаменателем для этих и подобных им тенденций к радикальной трансформации человеческой личности и, в каком-то смысле, мутации человека как вида? С философской точки зрения, таким общим знаменателем является одна издавна оспариваемая консерваторами идея – идея эмансипации.

На первый взгляд, она не заслуживает отторжения. В снятии ограничений в правах, освобождении от опеки или гнета нет ничего заведомо плохого. Но в наиболее существенном смысле, эмансипация – это освобождение не от внешнего, а от *внутреннего* принуждения со стороны сил общества. Это освобождение человека от социальных идентичностей, претендующих на то, чтобы *определять и обязывать* его. К числу таковых относятся базовые представления, через которые происходит наша социализация: представления о национальности, поле, родстве, традиционной вере. Поэтому в сво-

¹ Баронесса Гринфилд: соцсети подменяют вашу жизненную историю // РИА «Новости». 2011. 12 августа.

ем радикальном виде эта идея предполагает, что человек обязан отбросить заданные ему характеристики и должен обладать свободой радикальной трансформации и любых экспериментов. На завершающем этапе в виде тоталитарной структуры, ограничивающей свободу и подлежащей преодолению, предстает само физическое тело человека. В полном соответствии с постмодернистской культурой не должно остаться ничего недеконструированного, и, разрушив структуры государства, религии, семьи как «тоталитарные», далее необходимо разрушить представление о физическом теле человека как о чем-то, предписывающем рамки, – а значит, приветствуется смена внешности, пола и т.п.

Майкл Хардт и Антонио Негри – авторы бестселлера «Империя» – прямо говорят о том, что дело «освобождения» человека требует его глубокой *психофизической мутации*. Их слова звучат местами загадочно, но в целом понятно, что они вдохновлены опытом субкультур, ломающих рамки «нормального» человеческого облика (наркокультура, панк-движение и т.д.). *«Воля быть против... нуждается в таком теле, которое будет совершенно неподвластно принуждению. Ей нужно тело, неспособное привыкнуть к семейной жизни, фабричной дисциплине, правилам традиционной половой жизни и т.д.»*

Тенденции к мутации человеческого вида под влиянием социокультурных и биотехнологических экспериментов обобщил Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее». Характерно, что эти тенденции, как мы и говорили выше, оформляются не только со стороны радикальных «новых левых» наподобие Негри и Хардта, но и со стороны неолибералов. Знаковым автором в этом отношении является Жак Аттали. Основным содержанием истории для него является «торжество индивидуализма» – свержение диктатуры коллективных идентичностей и переоформление всех связанных с ними безусловных обязательств в расторгимые договорные отношения.

Здесь вполне уместно вспомнить «либерпанк» – оригинальное направление российской фантастики, моделирующее общество, в котором основная идея Аттали – экспансия «законов рынка» и договорных отношений на

все сферы жизни – доведена до логического предела. Таким пределом, как утверждал еще Маркс, является утрата человеческой сущности. И сегодня, когда капитализм делает человека не только объектом эксплуатации, но прежде всего ареной безудержного производства потребностей, это куда более очевидно, чем во времена Маркса.

Десуверенизация

Настойчивая институционализация права на вмешательство и, в еще большей мере, своеобразное применение этого права в интересах демонстративно-показательного регресса, варваризации и фрагментации общества (Косово, Афганистан, Ирак, Ливия) говорят о том, что Запад больше не является субъектом модернизации для остального мира. В этом отношении так называемое «право на вмешательство» само во многом уничтожает тот исторический потенциал Запада, на котором оно могло бы быть основано. А именно потенциал лидерства в модернизационном проекте. Проекте строительства и развития национальных государств, который всегда обладал исключительной притягательностью для остального мира и позволял Западу удерживать позицию исторического превосходства. «Право на вмешательство» и «преодоление суверенитета» ставят этот проект под вопрос, поскольку означают принципиальную невозможность для государства выступать субъектом развития.

Чтобы понять, что представляет собой десуверенизация государства, полезно обратиться к одной из классических интерпретаций суверенитета, которую дает Пьер Бурдьё в работе «Дух государства». Проследив эволюцию феодальных дворов Европы, преодолевающих (либо, напротив, не сумевших преодолеть) порог государственности, он пишет: *«Государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического – концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакпитала... позволяющего государству властвовать над*

различными полями и частными видами капитала, а главное – над обменным курсом между ними (и тем самым над силовыми отношениями между их владельцами)».

В предложенных Бурдые терминах суверенитет характеризуется как концентрация разных типов социального капитала на одном уровне, дающая государству уникальную позицию регулятора процессов социального обмена. Соответственно, распад суверенитета означает обратное расхождение (деконцентрацию, освобождение от государства) указанных типов социального капитала. И что не маловажно – далеко идущую эмансипацию их владельцев: держателей информационного капитала (медиакратия), силового (организованная преступность, частные армии), финансового (ТНК) и т.д. Одним словом – эмансипацию олигархий.

Этот процесс в корне меняет природу отношений власти в обществе. Суверенная государственная власть может быть созидательной или безуспешной, демократической или авторитарной, но у нее есть одно неотъемлемое качество – по самой своей природе она является публичной, явной и уже за счет этого ответственной.

Именно публичность отношений власти, открытость власти как таковой, а не пресловутая «транспарентность» ее процедур составляют основу государственной этики ответственности. И именно это качество с необходимостью утрачиваются по мере распада государственного суверенитета.

Карл Шмитт в работе о «Левиафане» Томаса Гоббса посвящает много усилий демонстрации того, что гораздо более зловещим, нежели злоупотребление открытой властью, является подчинение государства разрастающейся системе неясных властей. «Суть косвенной власти, – пишет он, – состоит... в том, что она лишает ясности однозначное соответствие... между властью и ответственностью, предоставляемой защитой и повиновением и, безответственно пользуясь всего лишь косвенным, но оттого не менее интенсивным господством, сосредоточивает в своих руках все преимущества политической власти, не сталкиваясь ни с каким связанным с ней риском».

Иными словами, отсутствие суверенитета как инстанции «окончательной власти» делает

власть принципиально анонимной и неподотчетной. В постсуверенной ситуации власть вообще больше не выступает как таковая.

Так, крупнейшие корпорации, концентрируя гигантские ресурсы и применяя их по своему усмотрению в масштабе, ранее доступном лишь государствам (свидетельством чему – создание частных армий или информационных империй на службе финансовых групп), «всего лишь» осуществляют коммерческую деятельность. Можно сколько угодно рассуждать о преимуществах демократических процедур и глобальном продвижении демократии, но эти разговоры становятся всё более беспредметными по мере вымывания реальной власти из орбиты демократических институтов и ее перехода в неясную / непубличную форму.

Аналогичная безответственность и анонимность начинает задавать тон и в процессах так называемой глобальной демократизации. Складывается впечатление, что после неудачного опыта оккупации Ирака западный мир выработал своеобразный консенсус безответственной гегемонии, основанный на одновременном признании необходимости вмешательства и невозможности оккупационного контроля над территорией.

Непосредственным выражением этой стратегии стала волна «твиттер-революций». В последние годы традиционная модель «продвижения демократии» с помощью «цветных революций» претерпела целый ряд изменений. Если раньше эта модель была связана с процессами политической борьбы, пестованием соответствующих взглядов у интеллигенции, выращиванием «демократических» лидеров, то нынешние «твиттер-революции», которые прокатились по миру в виде «арабской весны», а также событий на Украине, используют технологию распространения хаоса. На смену протестующему «креативному классу» на сцену крайне быстро выходят радикалы, и под формально «демократическими» лозунгами продвигаются практики политической деградации и примитивизации массового сознания.

Десоциализация

В послевоенные десятилетия сложилась уникальная в истории ситуация, когда – по обе стороны «железного занавеса» – боль-

шая часть общественного богатства так или иначе принадлежала большинству. Это стало результатом довольно жесткой линии западных государств на сглаживание социальных диспропорций (что было актуально, в том числе, перед лицом конкурирующей социалистической системы). Возник широкий средний класс, выполнявший роль «амортизатора» социальных конфликтов. Однако уже с 1980-х годов разворачивается процесс своего рода реванша элит, ведущий к возрастанию неравенства. Если для постсоциалистических и особенно для постсоветских государств этот процесс носил обвальный характер, то на Западе он разворачивался более плавно, однако вполне неуклонно, выражаясь, в частности, в следующем:

- снижение уровня реальных доходов существенной части населения, компенсируемое бумом кредитования;

- вывод рабочих мест в развивающиеся страны, обескровливающий рынок труда;

- активная иммиграция из стран «бедного Юга», создающая повышенную нагрузку на социальные инфраструктуры;

- обособление прослойки корпоративного топ-менеджмента (если для 1960–1970-х годов разрыв в уровне доходов внутри корпорации составлял 10–15 раз, то для 1990–2000-х – 1000–1500 раз);

- прогрессирующий отрыв финансового сектора от «реального», создание благопри-

ятных условий для трансграничного спекулятивного капитала и т.д.

Эти и подобные им процессы оказались чреватые ослаблением национального государства как системы хозяйственной, культурной, политической солидарности элит с населением своих стран и, как следствие, – ослаблением главного детища «солидаристской» политики послевоенных десятилетий в лице «среднего класса». Причем если «реванш элит» обрушивает средний класс сверху, то всесторонняя экспансия меньшинств, о которой уже шла речь выше, подтачивает его снизу.

И надо сказать, по мере развития этого встречного процесса разрушается нечто большее, чем средний класс. Разрушается сама презумпция целостности общества, которая является важнейшим внутренним принципом современности как политической эпохи. Глобализацию не зря называют «глокализацией» – по мере размывания национальных границ возникает не единое однородное «мировое общество», а глубоко фрагментированное пространство, пересеченное множеством дробных культурных и социальных барьеров, которые были в свое время преодолены эпохой «модерна». «Прекрасный новый мир» приходит к нам в облике нового Средневековья с возросшим уровнем технических возможностей и, соответственно, рисков.

III. Россия как субъект консервативной повестки дня

Перечисленные вызовы определяют глобальную повестку дня современного консерватизма. Консерваторы, как уже было сказано, выходят на политическую сцену тогда, когда под угрозой оказывается то, что им дорого. Именно в этом смысле политические ценности не абстрактны (в этой роли часто предлагается произвольно взятый набор благозвучных слов), а конкретны, то есть привязаны к исторической ситуации, ситуации борьбы за эти ценности. Сегодня, как ясно из сказанного, такими ценностными ориентирами для консерватизма выступают:

- целостность человеческой личности, определяемой в христианской системе координат;

- суверенитет государства, понимаемый как залог национальной модели развития;

- связность общества, предполагающая высокую степень его культурной и социальной однородности (и соответственно, наличие сильного ядра в лице среднего класса).

Состоятельность России как консервативного полюса силы в современном мире предполагает не просто декларирование, но последовательную реализацию этих цен-

ностных ориентиров во внутренней и внешней политике.

Жесткое давление, оказываемое на нашу страну за ее попытки самостоятельно определять свою систему ценностей, связано, в том числе, с тем, что Россия как официально, так и на уровне общественного мнения, отвергает возможность принятия российским обществом перечисленных выше «прогрессивных» трендов.

До какого-то момента консервативный ответ этой атаке был стратегией обороны, и, как показали события начала 2014 года, достаточно успешной – и Олимпиада, и последующие крымские события продемонстрировали высокий уровень доверия граждан президенту Путину, который в своих посланиях Федеральному Собранию, в своей «крымской речи», традиционных «прямых линиях» в достаточно явной форме сказал и о суверенитете России, и о русском мире, и о консервативных ценностях. При этом – что крайне важно – Путин несколько раз обратился напрямую не к зарубежным политикам, а к зарубежным аудиториям с призывом понять Россию. Это был знаковый жест – Россия ищет понимания не у политического бомонда западных стран, а у их граждан, то есть собирается говорить не на языке забюрократизированных дипломатических формул, а объяснять свою позицию по вопросам, касающимся каждого. Что касается стран не-западных, стран Латинской Америки, Азии, Ближнего Востока, Россия вселила надежды во многих, кто сегодня отстаивает свою цивилизационную идентичность и не готов быть «перемолотым» жерновами неолиберальной глобализации.

В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести цитату из интервью американского политика-консерватора Патрика Бьюкенена, которое он дал Русской службе «Голоса Америки» 27 декабря 2013 года: «Мне кажется, что многие американцы действительно продолжают верить в парадигму “холодной войны” и думают, что Россия сегодня является реинкарнацией Советского Союза. На мой взгляд, президент Путин тяготеет к видению мира, который не имеет ничего общего с борьбой капитализма с коммунизмом или марксизмом. В его видении

мир разделен по культурным, моральным и социальным признакам. Сегодня происходит великая моральная и культурная борьба между западными силами прогрессивизма, ратующими, например, за свободные аборты и однополые браки, и остальным миром, включающим консерваторов, традиционалистов, католиков, мусульман. Путин выступает в защиту традиционных ценностей от “культурного радикализма”, источником которого он считает Запад. Он считает, что в этом конфликте большинство людей в мире – на его стороне»¹. Эта заявка со стороны российского лидера была оценена и противниками консервативного проекта. Так, на Гайдаровском форуме в начале 2014 года Л. Шевцова отметила: «Путин строит Россию, которая теперь позиционирует себя как защитник консервативных и христианских ценностей для всего мира. На такое не “замахивался” даже СССР».

Иными словами, реплики российского лидера в дебатах о культурных ценностях и политике идентичности были восприняты не просто как момент его идеологического самовыражения, но как заявка на глобальное лидерство России в определенной ценностной нише. Это говорит о высоком уровне идеологических ожиданий, существующих вокруг нашей страны. Несмотря на то, что по объективным параметрам российское общество отстоит достаточно далеко от консервативной идиллии (оно менее религиозно, чем многие страны Восточной или Южной Европы, поражено высоким уровнем неравенства и низким уровнем солидарности, испытывает нарастающие проблемы с инокультурной иммиграцией и т.д.), именно Россию как сторонники, так и противники консервативных ценностей все больше воспринимают в качестве их главного носителя. Это связано с несколькими вполне очевидными обстоятельствами. В их числе:

– багаж классической русской культуры, воспринимаемой как одно из исторических

¹ Владимир Путин – новый лидер мирового консервативного движения? Эксклюзивное интервью с американским консерватором Пэтом Бьюкененом и комментарии экспертов // Голос Америки. 2013. 27 декабря.

воплощений христианских и европейских ценностей;

– исторический опыт Российской империи, ставшей после французской революции и по меньшей мере вплоть до Крымской войны полюсом притяжения для европейских консерваторов;

– исторический опыт СССР, воплощавший собой масштабную и комплексную альтернативу западному мироустройству (хотя, разумеется, не консервативную в идеологическом плане);

– статус великой державы, проводящей независимую международную и внутреннюю политику;

– образ «сильного лидера» в лице Владимира Путина, создаваемый в том числе антироссийски настроенными масс-медиа и отчетливо контрастирующий с дефицитом лидерства на Западе.

Совокупность подобных факторов делает Россию одной из немногих стран, в принципе способных к выработке комплексной альтернативы неолиберальной глобализации как триединству описанных выше процессов (дегуманизация, десовернизация, десоциализация). Выделим некоторые пункты глобальной консервативной повестки дня, которые в существенной мере ассоциируются с Россией уже сегодня или могут быть дополнительно акцентированы в качестве ее ценностной платформы.

Христианский гуманизм против «нашего постчеловеческого будущего»

Развернутым манифестом этого мировоззрения является наиболее востребованная часть культурного достояния нашей страны – великая русская литература. Однако сегодня это кредо приобретает новое звучание. Речь не просто о проявляемом по религиозным мотивам уважении к уникальности и самоценности каждой человеческой личности, а о сопротивлении тем тенденциям дегуманизации, о которых шла речь выше.

Консерваторы выступают против разрушения тех барьеров, которые определяют параметры человеческой личности: психофизического барьера (барьера между сознанием и

телом – устранимого с помощью различных практик / веществ, позволяющих влиять на психику человека, получая измененные состояния сознания), барьеров, определяющих половую идентичность, барьеров на пути вмешательства в процесс зарождения жизни / структуру генома и т.д. Это же касается моды на телесные трансформации. Идея человека как уникального индивида не позволяет рассматривать его как поле и инструмент физиологических экспериментов.

В консервативной традиции матрицей воспроизводства человеческой личности видится семья. Поэтому отстаивание семейных ценностей – важная тема в контексте консервативного гуманизма. Защита семейных ценностей состоит в поддержке модели семьи как союза мужчины и женщины, в котором рождаются и воспитываются дети, сохранении понятий «мать» и «отец», сохранении в обществе представлений о воспитании детей как важной и социально ответственной задаче. Консерваторы являются противниками идеи ювенальной юстиции и обязательного (не зависящего от согласия родителей) сексуального просвещения детей. Они обращают внимание, что программы подобного «просвещения» в большинстве случаев напрямую связаны с пропагандой альтернативных «сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей», а также с разрушением моральных табу, которые существуют в здоровом обществе, где подобные вопросы находятся в сфере частной жизни и не могут являться предметом публичного обсуждения и демонстрации.

На чем основаны те представления о структуре человеческой личности, к которым апеллирует консерватизм, стремясь ограничить всевозможные мутации человеческого вида? В конечном счете – на религиозной и культурной традиции.

Всякая религиозная традиция и всякая высокая культура творит свой образ человека и свой стандарт человечности. Иными словами, сам способ «быть человеком» – в широком смысле «человеческий облик» – является различным для разных цивилизаций, продуктом культурного развития и в качестве такового может быть утрачен или изменен. Предметом заботы и сохранения для консер-

ваторов разных эпох и народов служит не в последнюю очередь тот эталон «человеческого типа», который является базовым для данной культурной и религиозной традиции. Тот комплекс представлений о человеке, который доминирует в европейской цивилизации, безусловно, имеет корни в христианской традиции (которая, в свою очередь, во многих отношениях инкорпорировала опыт античности).

Культура прав человека, которую Запад считает универсальной, логически немыслима вне христианских постулатов о свободе человеческой личности и онтологическом равенстве людей перед Богом. Научная и техническая рациональность, которой Запад обязан своим превосходством в мире вещей и фактов, стала возможной благодаря предпосылкам креационистского мышления (мир разумно познаваем, поскольку разумно сотворен; природа – поле для освоения, заповеданное человеку «Книгой Бытия»).

Вся история европейской цивилизации пронизана такими взаимосвязями. Безусловно, они могут действовать безотносительно к личным религиозным убеждениям отдельных людей, сохраняясь, в том числе, в глубоко секуляризованном обществе. В конце концов, электроприборы работают даже в руках тех, кто не имеет представления о законах электричества. Но вряд ли эффект будет длительным, если законы электричества будут забыты всеми и повсеместно. Точно так же консерваторы полагают невозможным долгое время сохранять плоды христианской цивилизации, окончательно оторвавшись от ее корней.

Как мы помним, упоминание о христианских корнях европейской цивилизации было решено не включать в преамбулу Конституции ЕС, готовившейся группой экспертов под руководством Валери Жискара д'Эстена, в ответ на что один из видных католических епископов заявил: «Мы очень разочарованы не тем, что написано в Конституции, а тем, что в ней не написано». Конституция впоследствии принята не была, но момент оказался знаковым.

Готова ли Россия более последовательно отстаивать христианские основания своей культуры и исторической идентичности, чем идеологи Европейского Союза? Ответ на этот

вопрос пока не очевиден (по той же причине, что и в ЕС: в канонах «политкорректности» утверждение собственной идентичности воспринимается как ущемление чужой – в данном случае иноконфессиональной). Но если он будет положительным, это, безусловно, станет важным фактором морального лидерства. Например, даже фрагментарные и сдержанные заявления российского руководства по поводу игнорируемых лидерами западных держав фактов геноцида христиан в Сирии существенно повысили авторитет РФ в глазах активных христианских сообществ.

Политический реализм против стратегии хаоса

С начала 2000-х годов Россия прочно ассоциируется в глобальном информационном поле с противодействием «цветным революциям». До тех пор, пока последние выступали в «бархатном» обличье мирных гражданских движений, проводящих ненасильственную «перезагрузку» коррумпированной власти, эта репутация была скорее фактором уязвимости Кремля. Но по мере развития событий в Ливии, Сирии, Египте, а затем и на Украине революции нового типа стали все больше восприниматься не в контексте стратегии глобальной демократизации, а в контексте стратегии управляемого хаоса, становящегося, впрочем, все менее управляемым.

Французский исследователь Эммануэль Тодд пишет о тех внутренних противоречиях, которые делают США «опасной державой», отнюдь не безумной, но вынужденной реализовывать «стратегию умалишенного». «Блуждающая и агрессивная, напоминающая походку пьяницы стратегическая траектория “одиноким сверхдержавы” может быть удовлетворительно объяснена только на пути выявления нерешенных или неразрешимых противоречий и вытекающих отсюда чувств неудовлетворенности и страха». О каких противоречиях идет речь?

Прежде всего это эффект неожиданной бесполезности, постигший США после окончания «холодной войны». Новая глобальная конкуренция не имеет открытой блоковой формы и реализуется преимущественно в экономической, а не военной

сфере. В этой ситуации откровенная избыточность (с точки зрения интересов союзников и мира в целом) инфраструктуры глобального военного присутствия США может камуфлироваться только за счет генерирования и консервации множественных локальных конфликтов и конструирования вспомогательных «осей зла».

Далее, это огромный внешний долг и внешнеторговый дефицит, критическая зависимость от внешнего мира в экономической сфере, балансируемая позицией эмитента «мировой валюты». Необходимость обеспечения этой позиции под залог внеэкономических активов (политический контроль за мировыми ресурсами, военное превосходство) опять же отсылает к стратегии генерирования локальных кризисов. При этом позитивные факторы глобального лидерства США – выдающаяся индустриальная мощь, впечатляющие проекты освоения космического пространства, масштабные проекты инфраструктурного развития и преобразования природы – уже далеко не так очевидны, как во второй половине минувшего века. Налицо и растущая геополитическая конкуренция с Китаем, совершающим всё больше шагов, свидетельствующих о его отнюдь не региональных, а о поистине глобальных амбициях.

Эти и подобные обстоятельства делают США державой «эксцентричной» во всех смыслах – вынужденной хронически «выходить из себя», сбрасывая внутреннее напряжение во внешний мир. Только за последнее время мир был свидетелем бесславных американских военных кампаний в Афганистане и Ираке, крупных провалов американской дипломатии и неудачных попыток посредничества в международных конфликтах. Эта политическая стратегия, помимо того, что морально уязвима, еще и весьма авантюристична, так как в условиях дальнейшего ослабления «гегемона» и расширения зоны хаоса, сам этот хаос закономерно становится совершенно неуправляемым, а это чревато фатальными последствиями для всей человеческой цивилизации.

Россия никогда не стремилась к мировому господству – более того, эта роль совершенно неорганична и противоестественна ее политической культуре. Для российских

консерваторов традиционно представление о роли России как Катехона – «Удерживающего», препятствующего, с одной стороны, глобальной анархии, с другой – глобальной монополии и гегемонии. И то, и другое (особенно учитывая взаимопереходы хаоса и гегемонии) чревато вполне апокалиптическими последствиями. В этом принципиальное мировоззренческое оправдание политики баланса сил, характерной для школы политического реализма, которая все больше ассоциируется с российской линией с момента возвращения Москвы к активной роли в международной жизни.

Полемика политического реализма с идеалистической философией международных отношений является проекцией дебатов консерватизма и Просвещения в плоскость международной политики. Принято считать, что консервативная / реалистическая школа отвергает в этих дебатах моральный взгляд на политику. В действительности она отвергает претензию на монополизацию морали какой-либо из сторон международных отношений.

Как отмечает один из основоположников реалистической школы Ханс Моргентау, «политический реализм отрицает тождество морали конкретной нации и универсальных моральных законов... Все нации испытывают соблазн – и лишь немногие могут противиться ему в течение долгого времени – представить собственные цели и действия как проявление универсальных моральных принципов» и безоговорочно «утверждать, что хорошо и что плохо в отношениях между нациями». Политика сегодняшнего мирового лидера в полной мере подвержена этому соблазну. При всех различиях в политических пристрастиях Уильяма Клинтона и Джорджа Буша-младшего, во внешней политике они явили миру две равно агрессивные версии политического идеализма (доктрина «гуманитарного вмешательства», с одной стороны, и «неоконовская» повестка новых «крестовых походов» вкупе с чередой «цветных революций» – с другой).

Именно агрессивный идеализм либеральных миссионеров конца XX – начала XXI века стал знаменем глобальной «стратегии хаоса», открывая двери демонизации ге-

ополитических оппонентов, развязывая руки в выборе средств, благополучно скрывая за своими фасадами сколь угодно узкие корпоративные интересы и главное – исключая саму возможность ответственного контроля над запускаемыми процессами реформирования шатких государств и регионов.

Кажется, именно к политике «одиокой сверхдержавы» обращено предостережение Ганса Моргентау, высказанное им в куда более стабильную эпоху американо-советской bipolarности: «Отождествление политических действий конкретного государства с волей Провидения не может быть оправдано с моральной точки зрения, ибо это, по сути, проявление такого греха, как гордыня, против которого греческие трагики и библейские пророки предупреждали и правителей, и управляемых. Такое отождествление опасно и с политической точки зрения, ибо оно может вызвать искаженный взгляд на международную политику и в конечном счете привести к тому, что государства будут стремиться уничтожить друг друга якобы во имя моральных идеалов либо самого Господа».

«Мир-экономика» против «открытой экономики»

Все без исключения развитые на сегодняшний день нации прошли через длительный период интенсивного протекционизма. По большому счету именно благодаря ему они и стали развитыми и сильными. И только после этого стали переходить к либерализации своих торговых отношений с внешним миром. Серьезный, тщательный анализ любому объективному исследователю покажет, что все сильные в экономическом отношении страны продолжают использовать протекционизм и сейчас – причем и в явном, и, в гораздо большей степени, косвенном виде.

«Свобода торговли» – это доктрина, произведенная на экспорт в качестве инструмента преодоления барьеров на внешних рынках. Сегодня не только для России, но и для многих других стран, стремящихся к национальному развитию, актуальна не либерализация торговли, а протекционизм и активная поддержка национальных производителей. Граф С.Ю. Витте в своей работе «По пово-

ду национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист» писал: «Мы принадлежим человечеству и потому не можем быть равнодушны к его преуспеянию; но мы прежде всего русские, <...> а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества. <...> Наше воображение, не стесняемое пределами времени, может предвидеть в отдаленном будущем свободу обмена, основанную на всеобщем мире; но наш здравый смысл, возвращая нас к реальным фактам, в ожидании такого золотого века, указывает нам на необходимость, чтобы наше отечество было снабжено всеми средствами для защиты против действительно существующей национальной борьбы, стирающей с лица земли те нации, которые не заботятся о своих национальных интересах».

«Глобальная гармонизация» за счет поправления национальных интересов – это фикция. Подлинная гармонизация на глобальном уровне возможна лишь на основе всей полноты учета интересов отдельных наций. Борьба за справедливые экономические отношения, которые отвечают истинным национальным интересам большинства стран, может стать важным фактором мягкой силы России в мире. Факт нынешнего кризиса ВТО, грозящий стать перманентным и нескончаемым Дохийский раунд переговоров, безуспешно идущий аж с 2001 года, появление оформившихся оппозиционных групп внутри торговой организации (CAIRNS Group и др.), возврат протекционистской риторики в респектабельный политический контекст даже в развитых странах – все это определяет хорошие шансы на поддержку позиции России по конструированию альтернативных правил международных экономических отношений, если такая позиция будет артикулирована.

Идее открытой, узкоспециализированной экономики, активно встроенной в систему международного обмена и неспособной существовать без такой системы, противостоит идея относительно самодостаточной «национальной экономики», предполагающей полноту воспроизводственного контура.

В последние два десятилетия внешнеэкономическая политика России, проводящаяся

отечественными либералами, с порога отвергает идею автаркии (или квази-автаркии). Однако международная специализация, активное участие в мировом разделении труда редко являются приоритетными факторами развития крупных государств и экономик. Для крупных по размеру стран зависимость экономики от внешней торговли уступает роли внутреннего рынка. Чем больше страна – тем в большей мере она развивается с опорой на внутренний рынок. Беспристрастный анализ показывает, что все крупные страны тяготеют к квази-автаркии. Причина этого понятна.

С одной стороны, организационно-экономические и технологические параметры современного производства таковы, что эффект экономии от масштабов – основа конкурентоспособности в нынешних условиях – достигается только на больших по объему рынках. Для малых стран достижение такого фактора конкурентоспособности возможно только при условии узкой специализации и работы на мировой рынок в рамках международного разделения труда (для крупных стран указанная проблема не существенна). С другой стороны, такая узкая специализация хозяйства делает экономику чересчур зависимой от внешних условий и предполагает уязвимость страны в случае международных конфликтов, войн, введения санкций, установления блокады, иных колебаний конъюнктуры.

Возникает острое противоречие: эффективность требует узкой специализации, а это ведет к подрыву безопасности.

Выходом для малых стран становится региональная интеграция, позволяющая достроить неполные национальные воспроизводственные контуры и коллективно отстаивать свои интересы в международной конкурентной борьбе. И реальное содержание всех идущих процессов создания зон свободной торговли и прочих подобных ассоциаций по своей сути прямо противоположно глобализационной модели всеобщей открытости и свободной торговли.

Налицо не идиллическая «оптимизация» мировой экономики на основе либерального принципа «свободной торговли», а оптимизация форм международного экономического

соперничества. Геоэкономическое противостояние все явственнее переходит с межстранового уровня на уровень борьбы макрорегионов.

Отсюда следуют два сопряженных принципиальных вывода.

Во-первых, стратегия социально-экономического развития России должна отойти от догмы открытой экономики и переориентироваться на развитие внутреннего рынка. Россия занимает первое место в мире по территории и девятое – по численности населения. Расчеты показывают, что нормальным отношением величины экспорта к ВВП России следовало бы считать не более 12–15%. Сегодня же роль экспорта в экономике нашей страны является гипертрофированной и практически в два раза выше нормального значения.

Во-вторых, если говорить более глобально, России надо нацелиться на формирование собственного мира-экономики (термин французского историка Фернана Броделя) как «экономически самостоятельной части планеты, способной в основном быть самодостаточной таким образом, чтобы внутренние связи и обмены придавали ей определенное органическое единство».

Условия глобализации делают идею «самодостаточности» как никогда актуальной и полезной в решении вопросов обеспечения национальной безопасности. Россия исторически – и в советский, и в досоветский периоды – тяготела именно к модели мира-экономики.

Но в современном мире, где конкурентоспособность в немалой степени зависит от эффекта экономии на масштабах производства, вопрос одновременного достижения самодостаточности и эффективности напрямую связан с объемом рынка, на который работают производители. По сравнению с Советским Союзом современная Россия стала вдвое меньше по численности населения, соответственно, построение (восстановление) мира-экономики в рамках нынешних наших национальных границ окажется недостаточно эффективным. Все это определяет принципиальную важность активизации усилий по продвижению своего интеграционного проекта на Евразийском

пространстве. Для чего необходимы скоординированные действия в области экономики, торговли, финансов, права, политики, дипломатии, идеологии.

Освоение природы против «виртуализации» прогресса

Вопреки стереотипу консервативным кредо является не отвержение технического прогресса, а скепсис по поводу того, что технический прогресс будто бы по определению означает прогресс общественный, моральный, культурный; недоверие к идее линейного прогресса, в логике которой «все новое лучше старого» и «завтра непременно будет лучше, чем вчера». Повышенная тревожность по поводу отдельных плодов технологического развития, его социальных и гуманитарных последствий, о которой шла речь выше в связи с биотехнологиями или «виртуальными технологиями», является для консерваторов поводом не отвергнуть прогресс как таковой, а поставить вопрос о его альтернативах, принципиальных развилках.

В эпоху «модерна» технологический прогресс ассоциировался с масштабным освоением природы с помощью техники, которая является проекцией человека во внешнюю среду. Однако уже где-то с 70-х годов XX века такое представление о прогрессе стало утрачивать силу. На смену мечтам об освоении космических пространств и океанов пришла идея прогресса как создания все новых и новых рыночных ниш, индустрия не просто удовлетворения, но производства и перепроизводства искусственных потребностей. Миллионы людей по всему миру каждый день часами «осваивают» виртуальные миры игр и социальных сетей, а выход нового айфона волнует мир куда больше, чем создание новой космической станции. То есть драйвером развития технологий стали маркетинговые улучшения, а не масштабные геополитически / социально значимые проекты.

Примечательно, что «виртуализация» технологического прогресса шла рука об руку с виртуализацией экономики. И то, и другое стало знаменем постиндустриальной идеологии, изменившей саму сущность хозяйственной деятельности человека: вме-

сто преобразования природы и решения насущных проблем человечества на основе промышленной мощи и технического прогресса – деиндустриализация, господство финансовой сферы над реальным сектором, сервисная экономика; вместо справедливого вознаграждения за труд – «экономика казино» (доходы от спекулятивных операций на финансовых рынках).

Серьезную роль в отказе от классической модели прогресса сыграл экологизм как философия, уравнивающая права человека и природы, а потому отрицающая право человека на ее изменение. Экологистское мировоззрение внесло немалую лепту в вытеснение индустриального уклада «экономикой услуг» и развитие виртуальных, во всех смыслах, сервисов. На уровне общественного сознания идеал прогресса как освоения мира вытесняется идеалом «прогресса наоборот» – отказа от благ цивилизации в пользу экологически «правильной» жизни с минимальным вмешательством в природу. В то же время, прогресс как развитие тесно связан с моделью индустриальной, а не «сервисной» экономики. Причем созидание в контексте парадигмы развития консерваторы видят через индустриализацию и прогресс техники как проекции человека во внешний мир, а не через технологии изменения человеческой природы (тела и личности) или технологии виртуальных пространств.

В этом отношении, именно наша страна, для которой проблема освоения пространства (причем «тяжелого» – протяженного и высокоширотного) является одним из главных цивилизационных вызовов и которая к тому же имеет исторический опыт реализации масштабных инфраструктурных и научно-технических проектов, могла бы взять на вооружение философию «большого стиля» в техническом прогрессе. То есть вернуться к модернистской парадигме «освоения стихий» вместо постмодернистского «нашествия гаджетов». Важными «посланием» России окружающему миру – причем не только в научно-техническом и хозяйственном, но и культурном смысле – должны стать выход на новые рубежи в космической деятельности и комплексное освоение Арктики.

Национальная модель развития против «политического постмодерна»

Британский исследователь и дипломат Роберт Купер в одной из своих работ разделил мир на три условные зоны и три типа государств. Во-первых, это «досовременные государства» (точнее, территории, на которых государство в строгом смысле де-факто не существует и которых по-прежнему немало в отдельных регионах Азии или Африки). Во-вторых, это «современные государства» (типа стран группы БРИКС), преследующие национальные интересы. В-третьих, это «постсовременные государства» ЕС, которые основаны на сознательно принятых правилах самоограничения и взаимного вмешательства и ориентированы на приоритет этических норм над политическими интересами. В версии Купера эта типология касается прежде всего моделей поведения государств на международной арене, но «брюссельская Европа» предъявила миру некий постнациональный проект по целому ряду параметров:

- отказ от прежней политики культурной интеграции / ассимиляции (торжествующий в СМИ и школах мультикультурализм, массовая иммиграция с «бедного Юга» размывают основу основ современных обществ – ту достаточно высокую культурную однородность развитых стран, которая была обеспечена работой систем массового образования на протяжении двух минувших столетий);

- усиление региональных / локальных идентичностей и полномочий, размывающих прерогативы национального государства «снизу»;

- перенос центра тяжести ключевых решений (прежде всего в сфере экономической стратегии) с национального уровня на уровень наднациональной бюрократии и транснациональных корпораций;

- принятие модели внешнего силового протектората (со стороны США);

- запрограммированный «дефицит лидерства».

Последний пункт нуждается в некоторых пояснениях. Дело не в том, что в Европе больше не рождается де Голлей и Аденауэров, а в том, что система их заведомо отторгает – если политик имеет соответствующий

потенциал, он автоматически будет заклеен диктатором и, вероятнее всего, нейтрализован на ранних подступах к власти.

На фоне этой политической анемии образ российского лидера, гипертрофированный в том числе усилиями его недоброжелателей, все больше гипнотизирует европейского зрителя. Так, немецкий колумнист Ян Фляйшнер из «Spiegel Online» (постоянно занимающийся демонизацией Путина и сравнивающий его с Гитлером и Пиночетом) вынужден констатировать, что «многие немцы восхищаются Путиным», чье поведение – демонстративно «мачистское» и самоуверенное, что на фоне европейского пацифизма, феминизма и борьбы с любой дискриминацией выглядит как «привлекательное Другое», как то, чего сегодня в Европе уже нельзя себе позволить.

Полагаем, дело в данном случае не в невозможности позволить себе вызывающий «мачизм» – дело в невозможности позволить себе само лидерство. Это весьма существенная часть той постнациональной модели политики, которую стал олицетворять ЕС: «сильный лидер» национального уровня – это не просто фигура политического театра, это важный механизм национальной субъектности (то есть конвертации массовых чаяний и запросов в политические действия), по сути, заблокированный в «постмодернистской» системе координат.

В целом модель постнационального будущего, явленного в европейском настоящем, выглядит всё более блеклой со стороны и переживает очевидный кризис доверия внутри Европейского Союза. Евроскептические настроения становятся все более популярными – и прежде всего в крупных европейских странах, для которых ресуверенизация является реалистичной перспективой.

Для многих сторонников ресуверенизации европейских государств Россия является положительным примером и желательным союзником. В том числе в силу того, что постсоветская Россия также прошла – или, точнее сказать, – проходит свой путь ресуверенизации. Ну и, разумеется, в силу самого геополитического масштаба страны.

«В период дебатов о глобализации и всеобщей зависимости, – пишет Эммануэль

Тодд, – Россия... может стать гигантской демократической страной, имеющей равновесие внешнеторгового баланса и обладающей энергетической независимостью. Короче говоря, в мире, где доминируют Соединенные Штаты, она может стать воплощением голливудской мечты». Безусловно, потенциал флагмана национальной модели развития, которым обладает наша страна, сегодня да-

лек от полноценной реализации. Однако он, безусловно, существует – в первом же президентском послании после своего возвращения в Кремль Владимир Путин сделал выразительный акцент именно на национальной модели развития, и политическая ситуация, сложившаяся после кризиса на Украине, создает более чем достаточные побудительные мотивы к ее реализации.

IV. Россия как «другая Европа»

Внутриевропейский ценностный диалог

Долгое время Россия в повестке своих взаимоотношений с европейскими партнерами пыталась уйти от разговора о ценностях, предлагая сосредоточиться на более прагматичных вопросах. Однако партнеры продолжали настаивать на этом разговоре, вероятно, считая «европейские ценности» чем-то вполне очевидным и определенным. Но это весьма поверхностный и потребительский взгляд на европейские ценности – как на готовый продукт в упаковке от производителя. Если воспринимать их более осмысленно, нельзя не увидеть того, что они представляют собой не монолитный канон, а поле подчас непримиримых конфликтов.

История европейской идеологической мысли – это история «холодной», а подчас и «горячей» гражданской войны. Лишь очень ограниченный отрезок времени (примерно соответствующий периоду всемирного прочтения эссе Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории») можно было считать эту войну законченной. Из перспективы начавшегося XXI века можно констатировать, что идеологические противоречия, причем прежде всего именно внутри западного мира, который остается основной ареной производства идеологических текстов, не идут на спад, а нарастают. Круг этих противоречий был отчасти очерчен выше (глобализация и суверенитет, иммиграция и мультикультурализм, судьба среднего класса и статус меньшинств, биоэтика и семейные ценности, национальные интересы и политика вмешательства и т.д.).

Конечно, можно возразить, что в пределах западного мира эти и подобные им конфликты разворачиваются в рамках базового консенсуса о демократии и правах человека. Но при ближайшем рассмотрении эти консенсусные позиции также оказываются ареной конфликта.

Так, консенсус о демократии скрывает конфликт вокруг вопроса о том, что есть субъект демократии, что есть «демос» – общество граждан, объединенных единой культурой, историей и судьбой или мультикультурный конгломерат общин и индивидов, связанных лишь формальной лояльностью праву?

Консенсус о правах человека скрывает конфликт вокруг вопроса о границах и константах человеческой природы, о котором мы говорили выше (что есть «человек» – мужчина и женщина из Книги Бытия или полиморфное существо, свободно экспериментирующее с собственной природой; является ли «человеком» с соответствующим набором прав эмбрион в чреве матери и т.д.?).

Достаточно осознать эти внутренние разломы и коллизии в пространстве «европейских ценностей», чтобы подразумеваемый ценностный диалог с Европой предстал в совершенно ином свете, и, кажется, в России возникло это осознание.

В 2013 году в ходе выступления на Валдайском форуме Путин отметил: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая

традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Это прямой путь к деградации». Комментируя это, известный американский консерватор Пэт Бьюкенен назвал Путина в “The American Conservative” защитником христианства, который пытается показать, что Россия – центр сопротивления контр-реформаторства новому язычеству. Американский консерватор видит в логике Путина отголоски деклараций Иоанна Павла II, который в своей энциклике “*Evangelium Vitae*” («Евангелие жизни») в 1995 году подверг Запад суровой критике за его поклонение «культуре смерти», имея в виду «капитуляцию Запада перед сексуальной революцией с ее простотой развода, повсеместной половой распущенностью, порнографией, гомосексуализмом, феминизмом, абортами, однополыми браками, эвтаназией, самоубийствами при содействии других людей и заменой христианских ценностей ценностями Голливуда». Бьюкенен убежден, что Путин твердо и уверенно водружает российский флаг на стороне традиционного христианства с полными основаниями, потому что Москва с XV века является наследницей Византии, Третьим Римом.

Замечания Бьюкенена интересны тем, что в них отчетливо расставлены акценты в вопросе о том, с какой цивилизационной платформы ведется эта российская критика. Для Бьюкенена и многих других западных консерваторов сила российской позиции заключается в том, что она может быть заявлена не извне, а изнутри европейского культурного пространства.

На фоне критики «пост-Европы» Россия ни в коей мере не должна позиционировать себя как часть Азии или условной «не-Европы». Подобная позиция сыграет на отрыв России не только от ее потенциальных союзников в западном мире, но и от собственных культурных корней. Русская культура является одной из эталонно европейских культур, уходящих корнями в общее наследие христианства и античности.

Важным тезисом является связь России с Восточной Римской империей – Визан-

тией. Сам факт этой связи и исторической преемственности не позволяет «выбросить» Россию из европейского поля, России же дает полное право на свое видение европейской идентичности. «Византийский» аспект вопроса о ценностях мало известен европейским экспертам. Однако есть те, кто, несмотря на сложность перевода таких метафизических аргументов на язык СМИ, пытается объяснить европейцам, что Россия «традиционно видит себя страной Европы, но другой – византийской, а не римской» (А. Пар): «Россия всегда искала свою Европу, она хочет быть Европой, но не западной Европой – своей восточной или “византийской”. По моим ощущениям, средний россиянин чувствует себя европейцем, но при этом желает отличаться от немцев, французов, англичан или поляков. Русские не хотят, чтобы их постоянно учили. Эти глубокие ментальные противоречия имеют глубокие исторические корни. Современный ЕС – наследник Западной Римской империи, тогда как Россия – духовная дочь Византии»¹.

Византийское наследие – вовсе не умозрительная игрушка историков. Это серьезнейший аргумент, позволяющий России позиционировать себя как равнозначного партнера в дискуссии о европейских ценностях. Разумеется, наряду с багажом собственно русской культуры это позволяет консервативному сообществу в России поддерживать здоровый диалог с Европой не в формате «учеников Запада» и не в формате конфронтации, а с позиции одного из соавторов европейской цивилизации. Это особенно важно сейчас, когда мы наблюдаем, как начинается новая «холодная война», когда для европейцев начинают вновь создавать в лице России образ главного врага. Нужен диалог об общности ценностей российского консерватизма и классических европейских ценностей, в том числе христианских. Подобный диалог должен происходить на уровне общественных организаций, экспертного сообщества, «гражданской дипломатии».

В этом диалоге у России есть все основания для того, чтобы именно в жесткой

¹ Пар А. Россия станет другой Европой // Невское время. 2013. 12 июля.

ценностной полемике с европейским «политическим постмодерном» позиционировать себя как наследницу классической Европы с ее культурой и традициями. В ситуации, когда честная дискуссия о кризисе европейской цивилизации внутри ЕС затруднена, инициатива таких дискуссий со стороны России дает эффект «отраженного света», усиливая позиции консервативных европейских экспертов, чей голос слабо слышен.

Европейские консерваторы как новые диссиденты

То отторжение, которое вызывает Россия у части европейского истеблишмента и особенно медиа-сообщества, отнюдь не должно служить аргументом в пользу ее «неевропейской» сущности. Ведь европейских консерваторов в ЕС демонизируют и маргинализируют не меньше, чем Россию. В то время как они всего лишь хотят защитить ту европейскую идентичность, которую считают подлинной.

Весьма показателен пример прошедших в 2013 году во Франции массовых протестов против недавно принятого закона «Брак для всех», разрешившего гомосексуальным парам усыновлять детей, а также внесшего во французское правовое поле существенные изменения: вместо понятий «мужчина» и «женщина» вводится понятие «личность», а понятия «мать» и «отец» заменяются на «родитель № 1» и «родитель № 2». Протесты против этого нововведения преподносятся как результат гомофобии или радикализма католиков-традиционалистов. Однако организатором этих акций выступила вовсе не церковь, а движение «Французская весна», участники которого не имеют ничего против однополых союзов (для которых во Франции юридически уже давно существуют способы оформления). Вовсе не это видится французам угрозой для традиционных ценностей, а то, что вне закона оказываются поставлены азы человеческой цивилизации, которые подразумевают, что родителями ребенка должны быть отец и мать. Руководитель движения Беатрис Бурже в интервью британской «Independent» заявила: «Я в разводе. Как я могу быть католической экстремисткой?

Я никогда не голосовала за правых радикалов. Я решительно против любого рода насилия. Мы выступаем за нарушающее закон, но ненасильственное сопротивление. То есть мы намерены не подчиняться государству, которое навязало стране закон, искажающий и подрывающий истинные основы человеческого общества и цивилизации»¹.

Интересный анализ французских протестов против данного закона можно найти у публициста Дэвида Белла в журнале «Foreign Affairs». Автор утверждает, что вопреки представлениям американцев основным аргументом против однополых браков является вовсе не религиозный консерватизм. Он указывает, что «противники однополых браков в основных политических партиях Франции в массе своей дистанцировались от религиозных групп. Лишь незначительная часть уличных демонстрантов, у которых были взяты интервью, говорили о Боге <...>. В действительности наиболее значимая часть оппозиции имеет корни в профессиональных сообществах, таких как профессора права и психоаналитики, чьи коллеги в США в большинстве своем обычно благоволят однополым бракам. Значительное число публичных интеллектуалов также громко выступили против закона». Более того, Белл утверждает, что против таких радикальных трансформаций права в угоду гендерному радикализму выступают даже французские феминистки, поскольку во Франции феминизм, говоря о равенстве прав, не подразумевал стирания различий между полами².

Таким образом, сторонниками традиционных моделей в Европе на самом деле могут выступать отнюдь не только и не столько некие традиционалисты и религиозные фундаменталисты, а представители интеллектуальных и научных кругов и вообще вполне современные люди с гуманистическими и демократическими взглядами. Именно это и

¹ “I’m no homophobe – but the law on gay marriage undermines humanity”: Is Béatrice Bourges of Printemps Français the most dangerous woman in France? // The Independent, 10 June, 2013.

² Bell, David A. Liberté, Égalité, but Not Homosexualité. Why French Feminists Are Fighting Gay Marriage // Foreign Affairs, June 24, 2013.

должны подчеркивать сторонники разумных консервативных ценностей, ведь главным аргументом в атаке на «новый консерватизм» со стороны либеральных неопрогрессоров станут обвинения в мракобесии и возврате к темным векам.

Международные проекции европейской идеи: соблазн безответственного вмешательства

Россия должна постоянно напоминать соседям о том, что возврат в Средневековье и переход власти к религиозным фанатикам происходит сегодня не по инициативе консерваторов, а по вине либеральных универсалистов, поощряющих политику вмешательства во взрывоопасных регионах, следствием которой становится разрушение светских политических режимов и усиление религиозных радикалов.

В 2003 году вышла знаменитая статья Юргена Хабермаса и Жака Деррида «15 февраля, или Что связывает европейцев», в которой манифестации против войны в Ираке предлагалось считать точкой отсчета общеевропейской идентичности. Составными частями этой идентичности согласно Хабермасу являются: секуляризация; приоритет государства по отношению к рынку; социальная солидарность, доминирующая над чисто производственными достижениями; скепсис в отношении всемогущества техники, осознание парадоксов прогресса; отказ от права более сильного; ориентация на сохранение мира в свете «исторического опыта утрат». Как писал Хабермас, Европа успешно смогла найти форматы передачи полномочий на наднациональный уровень и создать формы социальной справедливости и государств всеобщего благосостояния, а вызов ее ценностям – это агрессивная политика мирового гегемона: «Запад расколола не угроза международного терроризма, а политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право».

Однако впоследствии оказались правы евроскептики со своим аргументом о том, что «не существует единого европейского народа», – европейцы не одобрили единой Конституции. Возникли проблемы с толерантностью – Швейцария провела с известным результа-

том «референдум о минаретах», а в Германии Ангела Меркель заявила, что политика мультикультурализма «совершенно провалилась». Вместо превращения в единую общеевропейскую общественность (Öffentlichkeit), граждане различных стран ЕС с развитием экономического кризиса одинаково видят себя жертвами и обмениваются взаимными обвинениями – в начале 2013 года “Eurobarometer” показал во всех странах рекордный за всю историю ЕС показатель недоверия к идее Евросоюза как института. То есть «единства в ценностях» в ЕС вовсе не наблюдается.

Стремительно роняет в глазах мира демократические ценности пост-христианской Европы и торжество двойных стандартов, принявшее в последнее время беспрецедентные формы. Главный фактор, который нивелирует усилия по позиционированию европейских ценностей как универсальной нормы, – это двойные стандарты в военных конфликтах. Если зарождение «евронации» виделось в массовых манифестациях против военной кампании США в Ираке, то уже в 2007 году Хабермас смягчил свою же формулировку – раскол Запада надо преодолеть на пути создания «биполярной» общности «такого Запада, который впредь постарается не проматывать свою и без того подмоченную нормативную репутацию». Европа должна, с одной стороны, «непредвзято и самоосознающе смотреть на США», но в то же время «противостоять малейшим проявлениям антиамериканизма». Однако европейцы продолжили успешно «проматывать и подмачивать» репутацию сначала в ливийской кампании, потом в Сирии. Так, на прошедшем в 2013 году в Москве американо-российском семинаре, организованном вашингтонским Центром за национальные интересы (The Center for the National Interest), представители американской делегации заявили, что вовсе не являются основными «застрельщиками» поддержки сирийской оппозиции и что некоторые их европейские партнеры проявляют в этом отношении большую самостоятельную инициативу.

А то, как ЕС в лице его многочисленных правозащитных организаций, СМИ и ценностно ориентированных политиков «реагирует» на радикальный национализм на Украи-

не и военную операцию Киева против своих граждан с участием неонацистов, – уже окончательно ставит под вопрос репутацию «глобального поставщика» демократии. Нет сомнений, что эта ситуация будет впоследствии расцениваться как один из самых недостойных эпизодов европейской истории.

На таком фоне упреки в адрес России в применении подходов XIX века начинают обретать обратный эффект. Идеи баланса сил в рамках «концерта» великих держав, ставшие «визитной карточкой» международной политики XIX столетия, выглядят более привлекательно, чем философия безответственного вмешательства, ставшая уже не только американской, но и европейской «модой» в начале XXI века.

В этой связи Эрик Познер, профессор Школы права Чикагского университета, пи-

шет в “Foreign Policy”, что «это не Путин тянет мир назад в XIX век, это Обама должен перестать притворяться, что на дворе все еще 1991 год». По мнению автора, если в XIX веке великими державами были Российская империя, Британия, Франция, Италия, Япония и США, то сегодня в этот список можно включить США, Китай, Россию и Евросоюз. Круг великих держав, несомненно, можно уточнять, как и критерии, по которым он формируется, но несомненно, что наилучшей гарантией предсказуемого мира является сама способность крупных держав к диалогу на основе признания друг друга в качестве равнозначных (хотя, конечно же, не обязательно равных по силе) игроков, действующих на основе собственных национальных интересов¹.

V. Консервативный диалог на мировой арене

На фоне той эскалации насилия, которую США и их союзники по «насильственной демократизации» разворачивают в мире, моральные позиции России укрепляются. Особенно если внятно артикулировать ценностные основания своей позиции и выстраивать диалог с теми, кто готов нас услышать.

Союзников по продвижению консервативной повестки дня Россия может найти практически по всему миру.

По многим направлениям такой диалог уже ведется. Началось восстановление интеллектуальных взаимосвязей с организациями русской диаспоры в европейских странах, с гуманитарными структурами межславянского взаимодействия, развитие смыслового элемента межцерковного, в том числе христианско-мусульманского диалога, межпартийный диалог с зарубежными политическими партиями, разделяющими социально-консервативные ценности.

Вышел на новый уровень диалог с католическим миром. Наиболее знаковыми в этом плане оказались два события – визит Патриарха Кирилла в Польшу и поддержка российской позиции по Сирии со стороны Папы Франциска. Исторически предрешенные разногласия по Украине внесли диссонанс в эту

картину, но тем не менее католические сообщества остаются важнейшим адресатом консервативного диалога.

Папские энциклики последних десятилетий, социально-богословская деятельность католической церкви и ее организаций, политические проекции католицизма («теология освобождения», христианско-демократические партии и т.д.) и социально-политическая активность католических общин в различных странах свидетельствуют, что повестка такого диалога может включать следующие темы: критика глобализации и ее последствий, справедливое устройство мира, построение модели мировой экономики в соответствии с христианскими ценностями, пределы применения силовых методов в политических конфликтах, насущные проблемы человечества и пути их решения, защита традиционной семьи и норм традиционной морали, этика труда, биоэтика, проблема культурной деградации и многие другие. Выстраивая диалог в этом направлении, Россия должна исходить из общности (или как минимум высокой степени конгруэнтности) стра-

¹ Posner, Eric A. Sorry, America, the New World Order Is Dead // Foreign Policy, May 6, 2014.

тегических глобальных целей как своих, так и католического мира, не забывая при этом о наличии противоречий регионального характера. Кроме того, указанный диалог должен охватывать как Ватикан, так и другие страны (прежде всего преимущественно католические страны Европы и Латинской Америки), он также должен происходить на различных уровнях – на уровне политических элит, на уровне межцерковных и богословских отношений, на уровне экспертных сообществ и организаций гражданского общества.

Хотя именно США сегодня являются главным ястребом «холодной войны» и осуществляют координацию ценностной агрессии в форме поощрения «цветных революций», экономической глобализации и военного принуждения, это не означает бесповоротной конфронтации с США как государством, а главное – с американским народом. Россия в своих обращениях к американской нации может апеллировать к опыту продуктивного взаимодействия России и Америки в эпохи Александра II и Линкольна, Сталина и Ф.Д. Рузвельта, Брежнева и Никсона, принципиально свидетельствующего о возможности мирного сосуществования на основе понимания как общих угроз, так и общих цивилизационных задач в условиях сильного, обращенного в будущее лидерства в обоих государствах. Как мы уже указывали, идеи России о защите консервативных ценностей находят отклик у некоторых американских консерваторов. В самих США идет серьезнейшая дискуссия о том, что неолиберальная глобализация, которую Америка несет всему миру и распространяет на собственную страну, угрожает американским же традициям.

В числе адресатов консервативного диалога следует отдельно выделить две группы стран, применительно к которым этот фактор мягкой силы может иметь особое, стратегическое значение. Речь идет о странах БРИКС и некоторых тяготеющих к этой группе странах, с одной стороны, и о традиционных европейских партнерах России – с другой.

Страны «второго мира»

Россия не может и не должна претендовать на воссоздание даже подобия со-

ветской сферы влияния. Это избыточно и во всех смыслах затратно. Но для России крайне важно обозначить пространство возможных альянсов (прежде всего экономико-технологических) и пространство возможного лидерства (политического и ценностного). Таким пространством может быть та часть международного сообщества, которую можно обозначить термином «второй мир».

Концептуальной основой для его вычленения можно считать понятие «полупериферия», введенное в свое время Иммануилом Валлерстайном для обозначения некоей промежуточной зоны между центром и периферией миросистемы. Такое положение выражается не только в средних экономических показателях полупериферийной страны по сравнению с «развитыми» или «отсталыми» странами. Речь скорее об особой позиции в мирохозяйственной среде. Являясь Периферией по отношению к мировому Центру, полупериферийная страна сама может становиться центром притяжения для окружающей ее Периферии. Такая страна способна защищать свой внутренний рынок от Центра и, наоборот, вторгаться на рынки менее развитых стран. Это подкрепляется не только экономическими, но также военными и политическими предпосылками (прежде всего дееспособностью национального государства). В каждом конкретном случае потенциал такого государства определяются уникальной комбинацией черт развитости и отсталости. К примеру, страна полупериферии может иметь сравнительно низкий душевой ВВП, отсталое сельское хозяйство, авторитарный политический режим – и вместе с тем значительные технологические достижения, сильную армию и качественную систему образования. Решающее значение имеет масштаб и размер страны (большая территория, население порядка 100 млн и более), – то есть обширные природные и человеческие ресурсы, которые создают возможности для создания относительно автономного национального воспроизводственного контура.

Сам Валлерстайн причислял к Полупериферии сразу несколько десятков государств – Бразилию, Аргентину, Мексику, Венесуэлу, Чили в Латинской Америке; Турцию, Иран, Индию, Индонезию, Китай, Южную Корею,

Вьетнам – в Азии; Нигерию, Заир и ЮАР – в Африке; а также восточноевропейские страны и СССР, часть Южной и Северной Европы. Сегодня ядром этого кластера государств выступает группа БРИКС.

Изначально BRIC – условная статистическая категория, предложенная аналитиками. Но сам факт ее превращения в своего рода политический клуб говорит о том, что эта типологическая общность рождает также определенную общность принципов и подходов к международной политике и внутреннему развитию. Главной особенностью этих стран является обширный внутренний рынок, который задает тон при реализации стратегии национального развития. Разумеется, все это становится возможным лишь при наличии сильного государства и достаточной степени национальной консолидации.

Категория полупериферии лишь отчасти коррелирует с той типологией государств, которую предложил Роберт Купер (см. выше: «досовременный» мир – «современный» – «постсовременный»), но можно уверенно утверждать, что именно полупериферийный статус в миросистеме соответствует «современной» системе ценностей, которая, как мы говорили выше, является консервативной в ситуации противодействия «политическому постмодерну». Речь идет о ставке на национальный суверенитет против политики вмешательства, стратегию национальных интересов против морального универсализма, баланс сил против стратегии хаоса, национальную консолидацию против фрагментации идентичности, моральное большинство против коалиции меньшинств. Поэтому естественной платформой для ценностного диалога России со странами этой группы является приверженность национальной модели развития в противовес постнациональной утопии ЕС или безответственному империализму США.

В той мере, в какой России удастся воплотить эту модель развития на собственном опыте, она сможет стать политическим флагманом для стран «второго мира».

Европа наций

Существует расхожее мнение, что политики, экспертные сообщества и бизнес-

круги Европы симпатизируют в России только тем силам, которые имеют откровенно неолиберальную окраску, в то время как консервативные, патриотические и социал-демократически настроенные российские сообщества могут опираться только на внутрироссийские ресурсы – либо искать союзников в странах, не входящих в западный мир. Это представление ошибочно. «Запад» и «Европа» весьма неоднородны, и там есть круги, заинтересованные в существовании сильной России как политического, делового и идейного партнера, а не в ее низведении до ресурсной периферии в мировом неолиберальном проекте. Эти люди и сообщества могут стать важными союзниками в целом ряде направлений, в частности, в поле идеологических и информационных противостояний, имеющих сегодня критическую значимость. Здесь как никогда важна роль весьма мало используемого, к сожалению, до сегодняшнего момента инструмента «гражданской дипломатии» на уровне интеллектуальных, экспертных и бизнес-сообществ.

Очевидно, что осталась в прошлом стабильность американско-советской биполярной эпохи, благодаря которой Европа могла на время ощутить себя «тихой заводью» человечества. Соответственно, и Соединенные Штаты перестали быть гарантом безопасности Европы. Стратегический альянс Европы и США остался в силе, никуда не делось и колоссальное военное преобладание США. Но вот угрозы, которые вышли на первый план для ЕС – войны и революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке, массовая иммиграция, рост исламизма внутри ЕС и в соседних регионах, наркотрафик и трансграничная организованная преступность, – нисколько не парируются военной мощью США, а подчас и подогреваются ею. Сегодняшнее нагнетание «российской угрозы» призвано вновь актуализировать американское присутствие в Европе и хотя бы на время искусственно смоделировать ту геополитическую ситуацию, в которой зародился проект ЕС.

Соответственно, естественной задачей России является возвращение Европы к осознанию реальных угроз, каковыми являются нестабильность большой «исламской

дуги», опоясывающей как Россию, так и ЕС, и экономическая маргинализация Европы на фоне стремительного роста Восточной Азии. В обоих случаях США «играют» скорее на усугубление этих угроз, чем на их нейтрализацию. Российский потенциал, напротив, был бы очень полезен зарубежной Европе для их парирования. Россия, со своей стороны, также тяготеет к европейски ориентированной политике в силу как цивилизационных, так и экономико-технологических причин.

Вопрос лишь в наличии политических и общественных сил, способных это осознать и принять как перспективу будущего. Сегодня сторонниками российско-европейского альянса являются «суверенисты» / патриоты европейских национальных государств (заинтересованные в ослаблении влияния США и «брюссельской бюрократии»), с одной стороны, и прагматики со стороны бизнеса, заинтересованные в российских рынках, – с другой.

Важным адресатом диалога с Европой является Германия в силу сложившейся сегодня ситуации, когда Берлин, несмотря на сильнейшее давление трансатлантического лобби США и ЕС, готов отстраивать прямые партнерские отношения с Москвой. В последней работе Збигнева Бжезинского “Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power” («Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти») одной из задач проекта «Большой Запад» названо предотвращение альянса России и Германии. По мнению Бжезинского, именно усиление сотрудничества России и Германии, основанное на желании немецкого бизнеса получать прибыль, участвуя в модернизации России и осваивая ее рынки, является прямой угрозой концепции «свободной и единой Европы», гарантом которой выступают США.

Это устраивает далеко не всех немцев – достаточно обратить внимание на разворачивающуюся в ходе украинского кризиса внутригерманскую общественную дискуссию о так называемых «Putin-versteher» или «Russlandversteher», то есть тех, кто с пониманием относится к политике России и Путина. Немецкая пресса не может отрицать, что в Германии таких людей немало. В качестве

причины таких симпатий указываются, в том числе, критическое отношение к стратегиям НАТО и «широко распространенный в Германии на бытовом уровне антиамериканизм». Как пишет обозреватель еженедельника “Die Zeit” Бернд Ульрих, Россия и Путин выглядят на этом фоне своего рода противовесом доминированию США. Однако не следует забывать о том, что в Германии крайне сильны и позиции трансатлантического лобби, настаивающего на неприемлемости какого-либо диалога с Россией, если она отказывается от ценностей глобализации, и пытающегося маргинализировать Россию в глазах немцев.

В «новой» Европе наибольший интерес представляют некоторые культурно близкие страны, объективно заинтересованные в партнерстве с Россией, такие как Словакия и Болгария. В «старой» Европе идеи консервативного диалога могут найти понимание в романских странах – Италии, Франции, Испании, каждая из которых имеет свою историю отношений с Россией.

Применительно к Франции можно снова вспомнить слова Бжезинского, открывающего на этот раз иную сторону медали. В 1990 году в интервью газете “Le Figaro” он откровенно признал: в «холодной войне» двое победителей – Америка и Германия – и двое проигравших – Россия и Франция. В самом деле, дипломатический и экономический вес Франции с распадом Советского Союза и возрождением Германии начал ослабевать, а ее идентичность и особая роль в Европе оказались размыты в процессе европейской интеграции.

Так или иначе, потенциал ценностного диалога и взаимопонимания между Россией и европейскими игроками всецело связан с возвращением к деголлевской идее «Европы Отецеств». То есть интеграции – причем более широкой, чем та, что определена форматом ЕС, – при сохранении национального суверенитета и культурной самобытности исторически сложившихся наций.

Вес коалиции в поддержку присутствия России в «концерте» «Европы наций» на сегодня уступает влиянию другой – враждебной российско-европейскому союзу коалиции. В нее входят: та самая «евробюрократия» (она уже убедилась в том, что «российская

угроза» – неплохой способ уравновешивать то разочарование, которое вызывает «брюссельский» проект в самой Европе); американское лобби; русофобское лобби Восточной Европы; влиятельные (особенно в масс-медиа) леволиберальные сообщества, традиционно воспринимающие Россию в качестве «полюса реакции». Вес консерваторов явно недостаточен, для того чтобы сбалансировать и тем более переломить антироссийскую коалицию. Но он достаточен для того,

чтобы обозначить присутствие критически важной альтернативы в недрах самого Европейского союза и надеяться на то, что после череды кризисов (неизбежных как в европейском, так и в российском геополитическом ареалах) именно эта альтернатива станет прообразом другой – большой и амбициозной Европы, вернувшейся к своим историческим корням и реализовавшей пространство стратегического союзничества от Бреста до Владивостока.

VI. Имидж консерватизма

Жизнеспособный консерватизм сегодня должен не просто декларировать набор ценностей – их необходимо предложить обществу в адекватном и современном формате. Это особенно важно при обращении к зарубежной аудитории, которую будут убеждать, что консервативное направление российской идеологии – это шаг в прошлое, а не в будущее.

Если Россия на международной арене претендует на положение не только «полюса силы» с точки зрения ресурсной или военной, но и на создание «полюса влияния» или «полюса смысла», эта концепция должна быть такой, чтобы ее в той или иной мере были способны понять и принять ближние и дальние соседи.

Новый консерватизм возникает в условиях жесткого противостояния, по сути обороны от агрессивного наступления неолиберального в экономическом и леволиберального в мировоззренческом смысле проекта глобализации. Это требует защиты своих позиций с использованием всего арсенала современной информационной войны.

Такой консерватизм не может быть создан простой стилизацией «старой доброй России». Ностальгические отсылки к великодержавности и патриархальному жизненному укладу в современной информационной среде выглядят лишь лубком «а ля рюс», а номенклатурный бессодержательный официоз, даже объявив себя консервативным, лишь усугубит ощущение пустоты и фальши на месте государственной идеологии.

Провокационные заявления консерваторов-радикалов (например, в формате вносимых в Думу и при этом заведомо непроходных, но взвинчивающих общественное мнение законопроектов) в запале «войны ценностей» зачастую лишь отталкивают консервативное, но при этом умеренное российское большинство, не говоря уже о зарубежной аудитории.

Чтобы новая консервативная идея, вобрав наследие традиции, была живой, способной привлекать миллионы, конкурируя при этом с мощной, обладающей всеми возможными ресурсами для своего продвижения идеей неолиберального глобализационного проекта, она должна, выражаясь в модных терминах, стать smart-консерватизмом, говорящим на современном языке, предлагающим не архаику, а модернизированную традицию и в конечном счете собственный эволюционный вектор движения в будущее.

Задача «умного консерватизма» не просто в декларировании защиты объектов ценностной агрессии, а в том, чтобы *а)* показать происходящую подмену понятий (например, «информационная прозрачность» оборачивается абсолютным отсутствием частной жизни и тотальным контролем, а под лозунгами экологизма часто продвигается отказ от масштабных промышленных и инфраструктурных проектов); *б)* дать свои ответы на актуальные вызовы; *в)* сделать это современным языком, без ухода в стилистическое гетто.

В частности, это означает не позволять уводить дискуссию в сторону заведомой демагогии. Так, сегодня самой спекулятивной

темой оказался вопрос с правами сексуальных меньшинств, и все выглядит так, будто ключевой пункт, по которому консерваторы дистанцируются от либералов, – это вопрос о гей-парадах. Это отвлекает внимание от массы других, куда более важных вопросов. Например, от проблемы сохранения государственного суверенитета в контексте давления на государство наднациональных структур, проблемы разрушения культурной и социальной связности общества вследствие массовой иноэтнической иммиграции, вопроса защиты своей экономики и промышленности, проблемы сохранения собственной национальной системы науки и образования и т.д.

Неожиданный консерватизм

Одним из условий убедительности консерватизма как современной идеологии является способность представлять с неожиданной стороны. Выше мы попытались дать несколько таких ракурсов, идущих вразрез со сложившимися стереотипами восприятия консерватизма.

Консерватизм как гуманизм. Например, есть укоренившееся фоновое убеждение, что гуманистические традиции в европейской культуре противостоят тенденциям к подавлению человеческой личности обществом (церковью, государством, авторитарной властью и т.д.), олицетворяемым как раз консерватизмом. В ответ мы говорим: консерватизм – это и есть гуманизм сегодня. То есть гуманизм в ситуации действия мощных дегуманизирующих сил неолиберального рыночного фундаментализма (превращающего человека в арену непрерывной манипуляции и производства искусственных потребностей), с одной стороны, и перманентной левацкой культурной революции (разрушающей традиционные структуры человеческой личности и даже человеческой телесности) – с другой.

Консерватизм как возвращение к прогрессу. Аналогичная история с прогрессом, традиционно воспринимавшимся в качестве антонима консерватизма. Но сегодня консерватизм – это возвращение к прогрессу. Прогрессу в том его понимании, которое было достигнуто и во многом реализовано в эпоху «зрелого модерна» – в первые послевоенные

десятилетия, когда достигают пика возможности человечества в плане освоения природы и масштабных технических проектов, формируется широкий средний класс (по обе стороны «железного занавеса»), государства достигают невиданного ранее уровня культурной и социальной интеграции благодаря развитию систем образования, индустриальной экономики и налоговых перераспределительных систем. Начиная с 1980-х годов по всем этим параметрам намечается системный регресс: в плане социальной справедливости и солидарности обществ, их культурной однородности, перспектив индустриальной экономики, сменившейся бумом финансового сектора и накоплением глобальных диспропорций, технического прогресса, переместившегося из сферы освоения природы в виртуальную сферу.

То же самое можно сказать о парадоксальности понятия модернизации, ее соотнесения с консерватизмом в наши дни. В условиях социального «постмодерна» приверженность модернизации в ее классическом понимании (как построения солидарного, однородного, высокопроизводительного общества «модерна») становится «реакционной» позицией.

В дополнение к этим линиям аргументации, отраженным в докладе, можно дать еще несколько ракурсов, представляющих консерватизм с неожиданной и специфически современной стороны.

Консерватизм как противодействие неоархаике. Далеко не все, кто отвергает либеральную модель, являются союзниками. Одним из эффектов тех же арабских революций становится выход на сцену религиозных радикалов, то есть неоархаика. Возврат к средневековым практикам жизни ничего общего с разумным консерватизмом не имеет. Более того, именно модель глобализованного мира, которая должна получиться в результате разрушения национальных государств, как раз и дает нам образы новейшего Средневековья. С одной стороны, она наводит развитие общества анклавами «бедного Юга» (гетто иноэтнической иммиграции), разрушая плоды той работы по культурной и социальной интеграции общества, которые была проделана в эпоху «модерна», то есть создавая более фрагментированное обще-

ство. С другой – подразумевает создание значительного массива территорий, напрямую погрузившихся в неоварварство (как правило, это страны – жертвы революций нового типа).

Ни радикальные исламисты-ваххабиты, ни малые этносы, под видом национального возрождения погружающиеся в языческие практики, ни ультраконсервативные представители христианства не представляют для глобализации ни малейшей угрозы – поскольку не способны формировать на своей основе сколько-нибудь устойчивую, способную противостоять глобализационным практикам региональную экономическую и военную силу. Такие возможности имеют лишь крупные государства либо региональные союзы. Разного рода «ура-реакционеры», пытающиеся либертарианскому эпатажу противопоставить эпатаж радикально-консервативный, наносят консервативной идее откровенный ущерб – ведь после каждого их заявления аргументы оппонентов начинают выглядеть куда respectableнее.

Разумный консерватизм должен ясно и четко отмежеваться от неоархаики. Средневековый дикарь не является союзником современного консерватора лишь потому, что ему не нравятся либеральные нравы.

Между тем, консерваторам будут всячески пытаться инкриминировать архаические и радикально-утопические интенции. Именно поэтому консерватизм должен быть интеллектуальным и respectableным.

Консерватизм как форма nonконформизма и свободомыслия. Если посмотреть на движение «маятника освобождения», то, пройдя на Западе разумную фазу, когда были решены реальные вопросы расовой и половой дискриминации, законодательно закреплены все базовые права личности, этот маятник не остановился, а продолжил движение в сторону акцента на права меньшинств и воинствующей толерантности. Сегодня речь идет о постановке под вопрос любых прав большинства, будь то право на рождественскую елку или право на представление о браке как союзе мужчины и женщины.

И здесь у консервативной идеологии возникают имиджевые преимущества, которых никогда ранее не было. До нынешнего вре-

мени концепция освобождения от навязываемых государством, обществом или религией ограничений всегда была программой борьбы неких «прогрессивных» групп, уступающих при этом по силе Системе. Имидж оппозиционера, революционера, борца против некоего, явно превосходящего по всем параметрам противника традиционно вызывает симпатию. Такая фигура обычно становится героем в музыке, кино, литературе. В то время как представители некой устоявшейся и официальной власти или адепты ее ценностей изображаются лишь бездушными «слугами Системы» или в лучшем случае надеются внутренними сомнениями в правоте этой Системы. «Быть против» всегда было модно. По крайней мере в культурных координатах современной Европы.

Но сегодня именно модель либеральной демократии и сами либертарианцы-неопрогрессоры составляют доминирующую и подавляющую других Систему. Собственно потому настолько фальшиво и смешно выглядит их «освободительный» пафос (ведь лозунги об освобождении угнетенных остались все теми же, «из подполья»). Теперь именно сторонников традиционной семьи полиция в одном из ведущих государств ЕС разгоняет водометами, а за малейшие сомнения в канонах «политкорректности» любого политика или эксперта ждет обструкция. Не говоря уже о непрекращающихся предложениях со стороны либерального лагеря в любой «либерализованной» стране для наилучшей демократизации провести репрессии в форме люстраций для всех несогласных.

Собственно, ничего нового и не происходит. Как в случае с большинством революций, неолиберальная революция, набравшись сил и одержав свои победы, превратилась в диктатуру – со всеми имиджевыми издержками. Автоматически подарив противникам имидж притесняемых борцов за свободу.

Если в XIX веке определение «свободомыслящий» было синонимом либерала, то в начале XXI века это скорее синоним консерватора. Левoliberalный культурный канон обрел все признаки тоталитарного мышления, а неолиберальная глобализация – принудительную силу всепоглощающей Системы. Сегодня быть nonконформистом, «быть против Системы» (как

любили выражаться радикалы 1960-х) значит – быть консерватором.

И это на редкость выгодная позиция, не использовать которую было бы глупо. С точки зрения имиджа, она позволяет взять на вооружение многие приемы оппонентов. Собственно, уже упомянутая «Французская весна» является примером того, как борьба за традиционные ценности может происходить в стилистике протестов 1968 года и под лозунгами борьбы за права – но права традиционные.

Идеология – это стиль

Если новый консерватизм это преимущество не использует, идея, глубоко верная по сути, может проиграть конкурентам по форме. Достаточно вспомнить, что одной из причин проигрыша СССР в «холодной войне» стал именно стиль в самом широком понимании. До определенного момента «красный проект» обладал привлекательной эстетикой и энергетикой. В позднем СССР не было уже ни того, ни другого – возникла ситуация, когда отсутствие этой привлекательности в глазах своих же граждан сводило на нет все реальные преимущества, такие как доступность бесплатных социальных благ или добротность товаров.

Можно сколько угодно упрекать делающих выбор «по одежке» в недалёковидности и в неумении отличить реальные преимущества от внешнего лоска. Но эстетика среды и выражающийся через нее стиль всей общественной системы – серьезнейший параметр, формирующий мировоззрение людей. Именно потому, что это связано с непосредственным визуальным, эмоциональным восприятием. «Истинные ценности без упаковки» работают только в мобилизационные периоды: для голодающего не имеет значения, как сервирован кусок хлеба, а для бездомного – в каком архитектурном стиле крыша над головой. Но парадокс в том, что как раз когда были бездомные и голодающие, советское государство было озабочено стилем. А когда наступила относительно благополучная жизнь, конкуренты без усилий обыграли его, в том числе стилистически – в музыке, одежде, дизайне.

Сегодня, когда войны против суверенитета ведутся не столько в политической, сколько в виртуальной сфере, пожалуй, самая сложная задача – создать имидж успешного, образованного гражданина своей страны, живущего в достойных условиях, пользующегося всеми благами прогресса и являющегося носителем консервативных ценностей. Здесь бессильны ностальгия по советской символике, эстетика «России, которую мы потеряли» и бело-сине-красные шедевры номенклатурного государственничества.

Быть настоящим

Кто адресат такого консерватизма – и в России, и в мире – с социальной точки зрения? Либералы пытаются представить союзниками России государства с имиджем изгоя и подчеркивают, что успешные представители среднего класса никогда не согласятся принять такие «ценности». За этой подменой следует другая – средний класс подменяется «креативным». Теория креативного класса подразумевает, что научный, технический и информационный прогресс обязательно идет рука об руку с набором либертарианских ценностей. Согласно автору термина, Ричарду Флориде, это личная самореализация, индивидуальные свободы, предпочтение нематериальных благ финансовому успеху и открытость, то есть отказ следовать традиционным моделям жизни и карьеры, ассоциировать себя с определенным государством или нацией и стремление вместо этого свободно самоидентифицироваться и искать свое место в глобализованном мире. Согласно этой теории, уровень технических инноваций выше в тех городах, где среди населения больше процент творческой богемы и секс-меньшинств (что, впрочем, ряд американских коллег Флориды опровергает с цифрами в руках).

Ключевым здесь является акцент на то, что «они не желают подчиняться инструкциям со стороны организаций и институтов и сопротивляются традиционным групповым нормам», и на то, что «несогласие с организационными нормами можно считать новым общепринятым принципом». В работе Флориды четко очерчен весь «либертарианский

набор», о котором уже было упомянуто в контексте лозунгов «цветных революций»: защита окружающей среды; гендерное равенство; духовные интересы, отличные при этом от общепринятых религиозных представлений (New Age); отказ от материального успеха в пользу самореализации (богатство – удел коррупционеров и корпоративных «жирных котов»).

Если мы не согласны с тем, что быть способным к созданию нового – это в обязательном порядке «девиационный» сценарий, то необходимо ответить на вопрос: а каким может быть набор ценностей, присущих национально ориентированному образованному и творческому слою российского общества? Может ли консерватизм быть мировоззрением ученого, инженера, предпринимателя, художника, и как он должен для этого измениться?

Ответ на эти и подобные им вопросы требуют исследований и дискуссий. В завершение напомним об одном непреложном условии идеологической полноценности консерватизма. Для того чтобы быть убедительным, он должен быть настоящим. Он не должен исчерпываться призывами к традиционной морали. Необходимы конкретные практики сокращения «социальных эпидемий» (начиная от наркомании и криминальной обстановки в

отдельных регионах и заканчивая патологическими формами коррупции как возведенного в систему предательства).

Не просто выдвигать лозунги справедливости и солидарности, но продвигать налоговую и инвестиционную политику, нацеленную на сокращение социальных диспропорций, достигших в нашем обществе критических масштабов, добиваться репатриации капиталов и «деолигархизации» бизнеса.

Не просто провозглашать «сбережение народа», а на деле практиковать его, предотвращая коренную ломку этнического и культурного облика страны в ходе осуществляемой замены коренного населения на иммигрантов с «бедного Юга».

Таких нереализованных и при этом вполне консервативных по сути запросов за минувшие годы и десятилетия накоплено более чем достаточно. Некоторые из них имеют сугубо российское, некоторые – глобальное измерение. И каждый из них – напоминание о том, что консерватизм сегодня важен не как форма политической риторики или пропаганды, а как предельно серьезный и ответственный поиск ответов на вызовы системного кризиса, который переживают Россия, Европа и вся цивилизация эпохи «модерна».

БЕНЕДИКТОВ

Кирилл Станиславович

кандидат политических наук,
руководитель отдела интеллектуальных
расследований портала “Terra America”

ВОСКАНЯН

Маринэ Варужановна

эксперт Института национальной
стратегии

ЗУДИН

Алексей Юрьевич

политолог, в настоящее время – член
Экспертного совета Некоммерческого
фонда – Института социально-
экономических и политических
исследований

КОБЯКОВ

Андрей Борисович

кандидат экономических наук,
председатель правления Института
динамического консерватизма,
эксперт Института национальной
стратегии

КОСТИН

Александр Николаевич

заместитель генерального директора
Института национальной стратегии

КУРКИН

Никита Александрович

историк, соредактор портала “Terra America”

МАКАРЕНКО

Борис Игоревич

председатель правления Фонда «Центр
политических технологий»,
профессор кафедры сравнительной
политологии факультета прикладной
политологии НИУ ВШЭ

МАТВЕЙЧЕВ

Олег Анатольевич

кандидат философских наук,
профессор кафедры практической
философии факультета
философии НИУ ВШЭ

МЕЖУЕВ

Борис Вадимович

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории русской
философии философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
заместитель главного редактора газеты
«Известия», соредактор портала “Terra
America”

РЕМИЗОВ

Михаил Витальевич

кандидат философских наук,
президент Института национальной
стратегии, член Экспертного совета при
Правительстве РФ

ЮРЬЕВ

Дмитрий Александрович

политолог

Альманах Фонда ИСЭПИ
Тетради по консерватизму
№ 2 (2) 2014

Форум «Бердяевские чтения»
16 мая 2014 г.

Доклады и статьи

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

Издатель
*Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)*
www.isepr.ru

Подписано в печать 08.08.2014. Формат 60х90 ¹/₈. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1064

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Индустриальная, д. 406